

ЗАЩИТИ РЕБЁНКА!

Какой закон нам нужен?

ПОЧЕМУ ПОДРОСТКИ РАССТАЮТСЯ С ЖИЗНЬЮ?
НУЖНО ЛИ СНИЖАТЬ ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?
КАК ПРЕОДОЛЕТЬ СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО?
КАК ОТЛИЧИТЬ ИЖДИВЕНЦА ОТ НУЖДАЮЩЕГОСЯ?
КАКАЯ ПОМОЩЬ НУЖНА ДЕТДОМОВЦУ?
В ЧЁМ ИСТОКИ ДЕТСКОГО ВОРОВСТВА?
ПОЧЕМУ РЕБЁНКУ НУЖНА СВОБОДА?

Дорогой читатель!

Этот выпуск кипит тяжёлыми эмоциями. Сразу со всех сторон хлынули подтверждения того, что в семьях, не только неблагополучных, ребёнку плохо с родителями (с. 26, 46), а в детских домах — очень плохо без родителей. Это, конечно, не новость. Но положение усугубилось недавним взрывом подросткового суицида, что неизбежно вызывает чувство безысходности (с. 9). Глядя в глаза реальности, мы должны признать, что мгновенно изменить чудовищную ситуацию с детством не сможет никто. Но мы можем и должны, не откладывая, создавать систему грамотной психологической скорой помощи семьям и детям. Телефон доверия, конечно, мог бы стать частью этой системы. Однако, несмотря на его недавнее появление во всех регионах, он по численности и качеству наскоро подготовленных сотрудников-психологов не может остановить ни самоубийства детей, ни образумить взрослых, создающих для этого почву просто по своей необразованности. Проект структурированной всесторонней психологической помощи детям, загнанным в угол всем нашим обществом, необходим как воздух!

Уму непостижимо, но в этой трагической, опасной ситуации Госдума тратит свои силы и государственные деньги не на этот проект. Распалив себя, они хотят узаконить объявление 12-летнего ребёнка, совершившего преступление, уголовным преступником (с. 13). И, голосуя за это предложение, они, конечно, понимают, что этому ребёнку либо недолго осталось жить, либо вместо него из тюрьмы выйдет «образованный» и озлобленный рецидивист. А его уже никто и никогда не перевоспитает. При этом (гримаса судьбы!) единственный центр «Шанс» (с. 13), действительно профессиональный и укомплектованный хорошо подготовленными психологами, вот-вот закроют. А ведь именно «Шанс» может положить начало построению системы «спасительной» психологии для бедных наших детей, у которых всё больше почва уходит из-под ног.

В заключение давайте попросим прощения у наших дорогих детей словами Натальи Лосевой (с. 10):

«Ты часто думаешь, детка, что мир несправедлив, ты ищешь правду и живёшь максималистски, наотмашь, ты страдаешь и боишься неизвестности, ты не понимаешь будущего и судишь мир по самым высоким счетам.

Девочка моя, мы, взрослые, виноваты. Недолюбили, недоберегли, недодержали за руку. Недоцеловали на ночь, недопринесли мишку в кровать тебе, взрослой, недоукрывали одеялом голые пятки, недоговорили о неприятном, недопрощали, недопоняли, недоуважали. Такое вот поколение родителей «недо-»: у нас темп, карьера, Интернет, борьба за твоё будущее. Ты прости, пожалуйста, девочка. Своя или чья-то чужая. Девочка, мы, взрослые, тебя любим. Давай жить, детка!»

Главный редактор Галина Борисовна Рыбчинская

ФОТО: НИКОЛАЙ СУРОДЕЕВ

Подписной индекс **37298** по каталогу Роспечати

Срок публикации присылаемых материалов не оговаривается.
Мнение редакции может не совпадать с мнением, высказанным автором.

Ежеквартальное издание
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-39907

Главный редактор
Г. Рыбчинская

Зам. главного редактора
М. Кузьмицкая

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Э. Памфилова

председатель Всероссийского
союза общественных объединений,
действующих в интересах детей,
«Гражданское общество — детям России»

В. Зубенко

начальник Управления по правам
ребёнка при Уполномоченном
по правам человека в РФ

Б. Альтшулер

председатель правления РОО «Право
ребёнка», первый заместитель
председателя комиссии по социальной
политике, трудовым отношениям
и качеству жизни граждан
Общественной палаты РФ

М. Гордеева

председатель правления
Фонда поддержки детей, находящихся
в трудной жизненной ситуации

А. Головань

исполнительный директор
Благотворительного центра «Соучастие
в судьбе», советник сенатора
З. Драгункиной по работе
в Совете Федерации

Е. Воронова

судья Ростовского областного суда

Е. Бунимович

Уполномоченный по правам ребёнка
в г. Москве

литературные редакторы
Е. Фортуна, М. Кригер

корректор

К. Кузнецов

дизайн и вёрстка

Благотворительный фонд
«Родные люди»

ПИШИТЕ НАМ:

117437, Москва,
Профсоюзная ул., 116-3-31

protectachild.magazine@gmail.com

Тел.: (495) 336-93-23, (495) 778-67-87
www.protectachild.ru

Отпечатано в типографии
«ЭксПресс»

ЗАЩИТИ РЕБЁНКА!

№1, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

**Новый Федеральный закон
«Об основах социального обслуживания
населения в Российской Федерации» —
основа модернизации социальной
системы России** 2

Четыре дня в защиту ребёнка
Дмитрий Семёнов 12

От 14 и младше?..
*Владимир Паневежский, Евгений Бунимович,
Генри Резник* 13

ЗНАК БЕДЫ

Холодный дом
Игорь Волков 9

**Для девочки на крыше.
Ненаписанная колонка**
Наталья Лосева 10

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕТИ

Бегство из казармы
Мария Кригер 14

Помощь сироте: ликбез для волонтера
Татьяна Панюшева 36

Добрый дом, открытый для всех
Лидия Радыгина 38

Дать дорогу таланту
Л. Хачатурян 39

РАВНЫЕ ЛИ ВОЗМОЖНОСТИ?

Детский сад для взрослых
Сергей Мухамедов 18

Моя жизнь
Алексей Карлов 22

Страшная сила
Валерий Панюшкин 33

Всё о Еве, или Сила одного голоса
Наталья Левинтова 43

«Доброе такси»: город без барьеров
Николай Мякишин 45

НЕТ — ЖЕСТОКОСТИ К ДЕТЯМ!

Наказание — преступление
Ирина Млодик 26

Веб-ресурс в помощь жертвам насилия 28

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

«Мне все должны!»
Ирина Ромина 34

СЕМЬЯ

Остаться отцом
Ирина Ромина 44

Не отрекаются, любя
Светлана Ереценко 46

ДЕТСКИЙ МИР

Азбука творчества — азбука добра
Мария Кригер 49

НУЖЕН ПСИХОЛОГ

У свободных детей нет ненависти
Александр Нилл 52

ВАМ, ПРИЁМНЫЕ РОДИТЕЛИ

Своё и чужое
Катерина Дёмина 50

МЫ ОТВЕТСТВЕННЫ ЗА ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ

Нестрашный зубной доктор
Ирина Дроздова 56

ЛИТЕРАТУРА

Моя сестра Жизнь
Неля Губочкина 57

Новый Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» — основа модернизации социальной системы России

Обращение Координационного совета по делам детей-инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности при комиссии Общественной палаты РФ по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан

О необходимости доработки законопроекта с участием общественности

Президенту РФ, в Правительство РФ, в Государственную Думу ФС РФ, в Минздравсоцразвития России

Координационный совет по делам детей-инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности при комиссии Общественной палаты Российской Федерации по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан, сформированный на Учредительной конференции в Общественной палате РФ 21 декабря 2011 г., обращается с нижеследующим.

В ходе организованного Минздравсоцразвития России общественного обсуждения законопроекта по сетевому адресу szakon-fom.ru (с 5.09 по 5.10.2011 г.) многими общественными организациями был направлен ряд аргументированных предложений и поправок в проект Закона. Предложенные поправки касались, прежде всего, необходимости учёта острого социального запроса на модернизацию системы социального обслуживания, что предполагает изменение идеологии в работе существующей системы, разработку и формирование новых подходов, которые базируются на принципах системы социального сопровождения людей и социальных групп, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Данный законопроект напрямую затрагивает интересы наиболее социально незащищённых граждан страны (детей и взрослых), в защиту которых мы выступаем, и должен в полной мере учитывать положения Конвенции ООН о правах инвалидов. При этом сфера его применения, несомненно, гораздо шире: обсуждаемый закон должен иметь системообразующий характер и стать основой модернизации системы социального обслуживания Российской Федерации.

Однако, ознакомившись с проектом Закона, представленным в Правительство РФ в конце декабря 2011 г. (http://sockart.ru/nonprofit_organizations/public_examination/), мы ответственно заявляем, что наши предложения учтены не были; более того, представленный проект претерпел изменения в худшую сторону по сравнению с первоначальным вариантом.

К сожалению, поистине инновационные приоритеты, заявленные в Пояснительной записке к данному законопроекту и отражённые в ряде его статей, полностью перечёркиваются основным текстом законопроекта, а именно:

1 Методологический концептуальный ряд привязан к старому понятию «социальное обслуживание», что полностью нивелирует попытку предложить новые решения и делает абсолютно декларативными некоторые заявленные позиции (межведомственного регулирования, общественно- и частично-государственного партнёрства, личностно ориентированного подхода и пр.).

2 Применённая в законопроекте юридическая техника и формулировки позволяют трактовать положения законопроекта неоднозначно, допуская дальнейшее приоритетное развитие правоприменительной практики по институализации лиц со сниженными способностями к самообслуживанию и не предусматривая развитие иных форм организации их жизни с помощью социальных услуг.

3 Нацеленность законопроекта на институализацию вступает в противоречие с требованиями Конвенции ООН о правах инвалидов (см. прилагаемую Справку), закрепляющей требование об обеспечении необходимых условий для самостоятельного проживания человека с ограниченными возможностями в обычных местах проживания при равных с другими людьми вариантах выбора, что достигается, в свою очередь, доступностью полного объёма социальных услуг по месту жительства на базе местного сообщества.

4 Законопроект не обеспечивает базы для ликвидации региональных различий в части гарантий на социальное обслуживание, как это было обозначено в Пояснительной записке, так как в Законе не установлены гарантии государства по видам социальных услуг, предоставление которых будет обеспечиваться на всей территории РФ.

5 Законопроект не предлагает реальных (регламентированных) механизмов финансирования НКО, бизнеса в качестве полноценных участников рынка социальных услуг.

Если в понятийном аппарате «сентябрьского» законопроекта давалось определение «государственный (муниципальный) заказ» как механизма бюджетного финансирования социально ориентированных некоммерческих инициатив, то в окончательном «декабрьском» варианте это упоминание отсутствует и законопроект регламентирует только бюджетное финансирование государственных (муниципальных) служб в рамках «государственного задания».

Таким образом, **законопроект нивелирует продекларированные положения Пояснительной записки и сводит на нет возможности для развития доступных, качественных услуг в условиях конкуренции.**

С учётом вышеизложенного мы настаиваем на возврате законопроекта на доработку в связи с необходимостью существенного пересмотра его положений. Мы предлагаем своё участие в процессе доработки законопроекта «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». Более подробные комментарии и предложения по совершенствованию законопроекта приводятся в Приложении.

Организации — члены Координационного совета по делам детей-инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности при комиссии по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни Общественной палаты РФ (34 организации из 16 регионов России)

Председатель Координационного совета — заместитель председателя комиссии Общественной палаты РФ
Б. Л. Альтшулер

организации, подписавшие обращение

1. Региональная общественная организация содействия защите прав детей «Право ребёнка», г. Москва.
2. Владимирская областная общественная организация «АРДИ "Свет"», г. Владимир.
3. Санкт-Петербургская ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов «ГАООРДИ», г. Санкт-Петербург.
4. Региональная общественная организация инвалидов «Перспектива», г. Москва.
5. Региональная благотворительная общественная организация «Центр лечебной педагогики», г. Москва.
6. Ассоциация «Даун Синдром» (АДС; общество детей и взрослых с синдромом Дауна и их родителей), г. Москва.
7. Нижегородская РОО поддержки детей и молодёжи «Верас» (НРООПДиМ «Верас»), г. Нижний Новгород.
8. Центр лечебной педагогики и дифференцированного обучения, г. Псков.
9. Псковская РОБО «Общество родителей детей-инвалидов с аутизмом "Я и ты"», г. Псков.
10. Дзержинская РОО детей-инвалидов и инвалидов с детства (ДРООДИ), г. Новосибирск.
11. ИГООИ (Иркутская городская общественная организация инвалидов) «Прибайкальский исток», г. Иркутск.
12. Калининградская РДМОО инвалидов «Мария», г. Калининград.
13. Ассоциация родителей детей-инвалидов Республики Дагестан «Жизнь без слёз», г. Махачкала.
14. Санкт-Петербургская благотворительная общественная организация «Перспективы», г. Санкт-Петербург.
15. Кабардино-Балкарская общественная организация в поддержку детей и взрослых с отклонениями и нарушениями в психическом и физическом развитии «Надежда», г. Нальчик.
16. Псковская региональная общественная благотворительная организация «Росток», Псковская обл.
17. Региональная общественная организация родителей детей с синдромом Дауна «Содействие», г. Уфа.
18. РОБО «Общество помощи аутичным детям "Добро"», г. Москва.
19. НОУ «Диаконический центр "Прикосновение"», г. Оренбург.
20. Благотворительный фонд поддержки детей инвалидов и молодых инвалидов «Равные среди равных», г. Москва.
21. МОО помощи детям с особенностями психоречевого развития и их семьям «Дорога в мир», г. Москва.
22. РОО социально-творческой реабилитации детей и молодёжи с отклонениями в развитии и их семей «Круг», г. Москва.
23. Центр реабилитации инвалидов детства «Наш солнечный мир», г. Москва.
24. Межрегиональная общественная организация «Ассоциация в поддержку детей и взрослых с отклонениями и нарушениями в психическом и физическом развитии», штаб-квартира в г. Псков.
25. Санкт-Петербургская РБОО социальной поддержки и защиты детей-инвалидов и молодых людей-инвалидов «Подорожник», г. Санкт-Петербург.
26. Карельская РОО «Служба социальной реабилитации и поддержки "Возрождение"», г. Петрозаводск.
27. Благотворительный фонд «Волонтёры в помощь детям-сиротам», Московская обл.
28. Всероссийский журнал по защите прав детей «Защити ребёнка!».
29. Благотворительный фонд имени Преподобного Сергия Радонежского, Московская обл., г. Сергиев Посад.
30. Хабаровская коалиция детско-молодёжных, инвалидных организаций «Мы вместе!» (16 организаций), г. Хабаровск.
31. РОО «Некоммерческий благотворительный просветительский фонд "Вита" содействия абилитации детей с особенностями развития», Белгородская обл.
32. РОО содействия социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями «Яблочко», г. Москва.
33. Фонд социальной помощи детям и семьям «Кистоун», г. Москва.
34. Общероссийский союз общественных организаций инвалидов (ОСОИ), г. Санкт-Петербург.

Полный список с указанием представителей и координатами организаций размещён на портале «Социальная карта Российской Федерации» (<http://sockart.ru/subcategories/1988/article/1440451/>).

1 Концептуальные положения законопроекта (базовый понятийный аппарат)

К числу немногих очевидных плюсов нового законопроекта «Об основах социального обслуживания населения в РФ» можно отнести то, что за основу взят термин «трудная жизненная ситуация». Ситуация определяется комплексом социальных трудностей человека (семьи), большая часть которых связана с отношенческими и средовыми препятствиями на пути максимально «полного и эффективного участия в жизни общества наравне с другими».

К сожалению, для разрешения (преодоления) этих трудностей законопроект предлагает «обслуживать» «трудную жизненную ситуацию».

Концептуальные основы понятия «обслуживание» строятся на мультидисциплинарных принципах, то есть специалисты «обслуживают» клиента в рамках узкой профессиональной задачи, без учёта оценки всей «трудной жизненной ситуации». **В такой системе практически невозможно качественно запустить механизмы межведомственной координации и взаимодействия.** Возникают проблемы недостаточной эффективности, чрезмерной затратности, неудовлетворённости клиентов качеством услуг.

Все современные результативные практики в социальной сфере (в том числе предлагаемые российскими НКО) строятся на принципах «сопровождения».

Различие концепций «обслуживания» и «сопровождения» носит основополагающий системный характер, поскольку методологические положения системы планового, ориентированного на результат междисциплинарного сопровождения предлагают:

- в профессиональных подходах специалистов — инструменты учёта оценки всей «трудной жизненной ситуации», которая разрешается в сотрудничестве с клиентом и в соответствии с запросом клиента с целью достижения нормализации его жизни (разрешения трудной жизненной ситуации в условиях максимальной социальной интеграции);

- в управлении — организация межведомственного/межсекторного взаимодействия, что требует чёткого разделения межведомственного «заказчика» индивидуальных программ сопровождения и их исполнителей;

- в обеспечении — проектные подходы в планировании бюджетов.

справка

Из ст. 19 Конвенции ООН о правах инвалидов

«Государства — участники настоящей Конвенции признают равное право всех инвалидов жить в обычных местах проживания, при равных с другими людьми вариантах выбора, и принимают эффективные и надлежащие меры для того, чтобы содействовать полной реализации инвалидами этого права и их полному включению и вовлечению в местное сообщество, в том числе обеспечивая, чтобы:

а) инвалиды имели возможность выбирать наравне с другими людьми своё место жительства и то, где и с кем проживать, и не были обязаны проживать в каких-то определённых жилищных условиях;

б) инвалиды имели доступ к разного рода оказываемым на дому, по месту жительства и иным вспомогательным услугам на базе местного сообщества, включая персональную помощь, необходимую для поддержки жизни в местном сообществе и включения в него, а также для недопущения изоляции или сегрегации от местного сообщества;

с) услуги и объекты коллективного пользования, предназначенные для населения в целом, были в равной степени доступны для инвалидов и отвечали их нуждам».

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

2 Законопроект должен исключить монополию государственных учреждений на предоставление социальных услуг

Статья 2 законопроекта вводит обобщённое понятие «поставщик социальной услуги»: это «юридическое лицо независимо от организационно-правовых форм и форм собственности». Также в Пояснительной записке к законопроекту декларируется его инновационная направленность в части регламентации «размещения государственного (муниципального) заказа, государственной поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций, благотворительной деятельности, добровольчества и т. д.».

Тем не менее в тексте законопроекта, одобренном руководством Минздравсоцразвития России в декабре 2011 г., вообще исчезли слова «государственный (муниципальный) заказ» и оставлена только регламентация ведомственного финансирования социальной сферы в порядке «государственного задания», что, как известно, «привязано» к реформе финансирования именно государственных учреждений в социальной сфере.

Пункт 8 статьи 15 законопроекта устанавливает, что «субъекты Российской Федерации ведут реестры бюджетных, автономных и казённых учреждений социального обслуживания населения, находящихся в ведении органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Но в законопроекте нет ни слова о реестрах социально ориентированных НКО, бизнес-структур, которые могут выступать в качестве поставщиков услуг.

Таким образом, законопроект ориентирован на сохранение монополии государственных ведомств на предоставление социальных услуг, что вступает в противоречие с установками высшего руководства РФ, мнением руководителей многих регионов страны о необходимости привлечения в сектор социальных услуг малого бизнеса и НКО на равных с государственными учреждениями условиях обязательств и прав.

Именно монополизм, совмещение в одном «ведомственном лице» функций заказчика и исполнителя социального обслуживания, является одной из главных причин неэффективности и затратности отечественной социальной системы.

В связи с этим мы считаем, что **данный системообразующий закон должен принципиально «развести» функции заказчика и исполнителя социальных услуг**, определив, что субъекты РФ вправе осуществлять финансовую поддержку привлечённого «заказчиком» поставщика социальной услуги как в порядке традиционного государственного задания, так и в порядке государственного (муниципального) заказа. При этом **сами понятия «государственное задание», «государственный (муниципальный) заказ» должны получить в соответствующих нормативных актах расширяющее пояснение в контексте развития механизмов реального рынка социальных услуг.**

Полагаем, что в данном законе должно быть регламентировано создание «вневедомственной социальной вертикали» межведомственных координирующих органов: «социальных комиссий субъекта РФ» и далее — в порядке наделения органов местного самоуправления полномочиями субъекта РФ по координации деятельности в социальной сфере — «муниципальных социальных комиссий».

В данной организационной конструкции, в прямом соответствии с лучшим мировым опытом организации социальной работы, именно приближенные к населению органы местного самоуправления в лице указанных муниципальных социальных комиссий выступают в роли вневедомственного заказчика услуг в рамках индивидуальных программ социального «сопровождения случая».

мнение

Пока ноги идут, надо идти навстречу

Светлана Бейлезон,
координатор проектов
МОО «Дорога в мир»,
член Координационного совета

В маленькой книжке о синдроме Ретта одна из американских родительниц говорит примерно такие слова: «Не думайте, что ваши близкие читают в вашем сердце». Эта замечательная мысль мне многое раскрыла. Часто ли мы сами слышим и понимаем собеседника?

Чиновники не всемогущи и выполняют свои обязанности в соответствии с инструкциями. При этом в силу специфики работы они многого не знают и не понимают. Как родитель

(а не как специалист и правозащитник), я обязана рассчитывать на успех и взаимодействие — поэтому иду к чиновникам и объясняю ситуацию — так, как объяснила бы самой себе, пока у меня не было большого ребёнка. Международное право исходит из человеческих потребностей. А я апеллирую к человеческим чувствам и взаимопониманию — и потому рассказываю именно о потребностях и поясняю детали ситуации. Иногда прошу чиновника представить себе ситуацию с моей стороны и построить алгоритм действий. Делаю это при любой возможности — на круглых столах и встречах с руководством, в процессе работы над заявками на субсидии и отработки техзаданий к госконтрактам. Девиз — «Вместе у нас всё получится». Когда и как — вопрос времени. Все мы — и чиновники, и родители, и специалисты, и руководство НКО —

всего лишь люди. Все мы довольно слабо в деталях представляем себе сложности существования «другой стороны». А семьям кажется, что профессионалы обязаны всё знать и понимать. И зачастую это не стимулирует, а парализует родительскую волю: семьи ждут «доброго царя» и не шевелятся сами. Часто родители просто не понимают, от кого и как они должны добиваться улучшения положения детей и семей, — ведь родители не аналитики и не знатоки права. А просто так, отрываясь от больных детей, невесть куда и зачем обращаться люди не могут: сил и так не хватает. Так что рассчитывать на взаимопонимание и продуктивные позитивные изменения, находясь в позиции ожидания или явной или скрытой агрессии по отношению к представителям государства, как мне кажется, не слишком продуктивно. Пока ноги идут, надо идти навстречу.

З Законопроект должен обеспечивать чёткий механизм признания гражданина (или его семьи) находящимся в трудной жизненной ситуации, а также доступ граждан (семей) к полному объёму предоставляемых социальных услуг не только в стационарных, но и в нестационарных условиях и по месту проживания (на дому)

В Пояснительной записке декларируется профилактическая направленность социального обслуживания, что, конечно же, предполагает организацию работы в социальной среде, то есть по месту проживания (на дому) и в нестационарных условиях, таких как место работы, учёбы и т. п. А в статье 12 законопроекта даётся практически исчерпывающий перечень трудных жизненных ситуаций, при которых «гражданину (семье)... государство гарантирует социальное обслуживание и получение социальных услуг». Приведём этот перечень полностью, потому что за каждым его пунктом — человеческая беда, требующая помощи, которая должна быть предметом внимания и заботы.

«Статья 12. Основания для признания граждан (семей) нуждающимися в социальном обслуживании»

1. Социальное обслуживание осуществляется в отношении граждан (семей), находящихся в трудной жизненной ситуации.

2. Гражданин (семья) может быть признан находящимся в трудной жизненной ситуации по следующим основаниям:

- 1) частичная или полная утрата способности к самообслуживанию и/или передвижению в связи с преклонным возрастом (женщины старше 55 лет, мужчины старше 60 лет), болезнью и/или инвалидностью;
- 2) сиротство, безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних;
- 3) семейное неблагополучие (конфликты, жестокое обращение в семье, асоциальное поведение детей и/или родителей);
- 4) наличие ВИЧ-инфицированных членов семьи, членов семьи с устойчивой наркотической или алкогольной зависимостью;
- 5) наличие в семье инвалидов и/или детей-инвалидов;
- 6) признание гражданина (семьи) малоимущим (малоимущей) в установленном порядке;
- 7) отсутствие определённого места жительства и определённых занятий, в том числе в связи с освобождением из мест лишения свободы;
- 8) ущерб в результате чрезвычайных ситуаций, вооружённых и межэтнических конфликтов, противоправных действий других лиц».

Полагаем, что следовало бы дополнить, во-первых, подпункт 2 пункта 2 — категорией лиц из числа детей-сирот, вышедших из-под государственной опеки в связи с достижением совершеннолетия — до 23 лет, а, во-вторых, подпункт 5 — словами: «детей с ограниченными возможностями здоровья, детей, нуждающихся в реабилитационных мероприятиях до установления инвалидности либо до момента снятия с учёта по медицинским показателям». Вероятно,

что-то ещё в перечне упущено, но, с другой стороны, каждый его пункт можно трактовать расширительно. А значит, остро встаёт вопрос о механизме признания гражданина (семьи) находящегося в трудной жизненной ситуации. Кто это делает и по какой процедуре? Этот системный вопрос в законопроекте полностью игнорируется, мы это обсуждали выше в п. 2.

Указанный масштабный инновационный «замах» статьи 12 законопроекта (государство гарантирует помощь во всех вышеперечисленных ситуациях) полностью перечёркивается всеми другими его статьями. Виды социальных услуг, предоставляемых в нестационарных условиях или на дому, существенно сужены в сравнении с перечнем услуг в стационаре (ст. 14), установлена платность большинства услуг в нестационарных условиях и на дому (ст. 18), предельно ограничены (что поражает при сопоставлении со ст. 12 законопроекта) категории граждан (семей), которым предоставляются услуги на дому и в нестационарных условиях (ст. 13).

Мы положительно оцениваем то, что законопроект устанавливает бесплатное социальное обслуживание на дому семей с детьми-инвалидами. Но:

— во-первых, при такой постановке вопроса из сферы обслуживания на дому выпадают сотни тысяч, если не миллионы, семей с детьми «с ограниченными возможностями здоровья», не имеющими статус ребёнка-инвалида;

— во-вторых, семьи, воспитывающие малышей, нуждающихся в реабилитационных мероприятиях до установления инвалидности; между тем, профилактическая ранняя помощь всегда менее затратна, чем реабилитация ребёнка-инвалида в более позднем возрасте, не говоря о том, что ранняя коррекция спасает от инвалидности до 80 % детей с нарушениями в развитии;

— в-третьих, если принять во внимание резко сокращающийся объём услуг, которые по достижении ребёнком-инвалидом 18 лет устанавливаются для него законопроектом в домашних условиях, родители просто будут вынуждены сдать его в интернат, что по-человечески — варварство, а с точки зрения экономии бюджетных средств — абсурд, поскольку обеспечение жизни в интернате в разы дороже любого сопровождения по месту проживания.

Однако всё это является «абсурдом» с государственной, но отнюдь не с ведомственной позиции. Руководство Минздрава предлагает закон, дающий всевозможные приоритеты стационарному обслуживанию, вероятно, заинтересовано в сохранении интернатной системы как основания для получения немалых ежегодных бюджетных ассигнований.

4 Законопроект должен устанавливать гарантии государства по обеспечению граждан социальными услугами на всей территории Российской Федерации

В Пояснительной записке совершенно справедливо говорится о принципиальной важности установления государственных стандартов социальных услуг. При этом ст. 21 (п. 3) законопроекта устанавливает, что «государственные стандарты социальных услуг утверждаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

В соответствии с ч. 2 ст. 7 Конституции, в Российской Федерации устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В соответствии с пунктом р) ст. 71 Конституции, стандарты находятся в ведении Российской Федерации. Следовательно, стандарты оказания социальных услуг, согласно Конституции, должны утверждаться на федеральном уровне.

Из письма родителей детей-инвалидов и инвалидов с детства в связи с тем, что Законопроект «Об основах социального обслуживания населения в РФ» не учитывает жизненных интересов детей-инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности

*Президенту России
Д. А. Медведеву,
Председателю Правительства
России В. В. Путину*

Главная проблема в том, что законопроект не предусматривает право инвалидов на получение такой помощи, которая позволит им избежать помещения в интернат, если они самостоятельно не могут удовлетворять свои жизненные потребности.

Не предусмотрено право инвалидов на получение помощи и в тех случаях, когда она совершенно необходима им для участия в образовательной, трудовой, социально-бытовой и досуговой деятельности.

Такой законопроект не направлен на обеспечение права инвалидов на социальную интеграцию и жизнь в обществе.

***

Мы видим, как в развитых странах такие услуги, как поддерживаемое проживание, образование, трудоустройство, дали инвалидам возможность выйти из изоляции и принимать реальное участие в социальной и общественной жизни.

Мы, родители детей-инвалидов, не можем согласиться с тем, что в результате принятия законопроекта в нашей стране на годы сохранится дискриминация наших детей, их изоляция от общества, полная зависимость от нашей помощи, а при нашей немощи или смерти — помещение в интернат.

***

Мы, как родители детей-инвалидов и инвалидов с детства, хотели бы для наших детей возможности жить полноценной жизнью, насколько это возможно для каждого из них, — так же, как хочет этого для своего ребёнка любой родитель.

58 подписей родителей

5 Законопроект должен обеспечивать возможность учитывать индивидуальные потребности каждого клиента с целью максимального разрешения его трудной жизненной ситуации

В настоящем законопроекте отсутствует понятие, являющееся основой успешности, результативности любой социальной работы, что доказано и мировым опытом, и опытом работы российских НКО: плановое продлённое междисциплинарное предоставление услуг, именуемое «сопровождением в соответствии с потребностями клиента». В обсуждаемом законопроекте перечислены разные отдельные виды социальных услуг и «забыто», что находящийся в трудной жизненной ситуации «клиент» (гражданин, семья) может иметь потребности самого различного характера, качественное удовлетворение которых способствует преодолению трудной жизненной ситуации.

В связи с этим считаем необходимым внести в законопроект следующие понятия:

- «**социальное сопровождение**» как комплекс социальных услуг, обеспечивающий непрерывность и преемственность поддержки гражданина (семьи), оказавшегося в трудной жизненной ситуации во всех необходимых областях жизнедеятельности с целью его максимальной социальной реабилитации/интеграции;

- «**индивидуальная программа социального обслуживания**» («индивидуальная программа сопровождения»), разрабатываемая по поручению вневедомственной межсекторной муниципальной социальной комиссии (см. выше п. 2) и ею же впоследствии утверждаемая; в ведение последней передаётся также назначение исполнителей вышеуказанной программы (поставщиков социальных услуг) в порядке государственного задания либо государственного (муниципального) заказа на основе бюджетного финансирования.

Необходимо также внести в законопроект такие сопутствующие и уточняющие понятия, как:

- «сопровождающее лицо» — прикрепленный социальный работник, ответственный за организацию мероприятий в рамках данной индивидуальной программы сопровождения;

- «сопровождаемое проживание» (включая вариант предоставления социального жилья «с поддерживающими услугами») — комплексная услуга на дому, предоставляемая гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, нуждающимся в социальной адаптации, имеющим ограничения в самостоятельной организации своего быта, досуга, взаимодействия и общения с другими людьми, а также направленная на обеспечение необходимого ухода в условиях нестационарного проживания;

- «сопровождаемое обучение» — это отдельная большая тема организации инклюзивного образования; включая организацию дневного пребывания лиц с ограниченными возможностями здоровья, вне зависимости от тяжести заболевания. В этом вопросе объективно перекрываются обсуждаемый «социальный» законопроект и проект закона «Об образовании в Российской Федерации», призванный реализовать Национальную образовательную инициативу Президента РФ «Наша новая школа»;

- «сопровождаемое трудоустройство» — комплекс мер по предоставлению помощи в трудоустройстве (или в обеспечении занятости, когда трудоустройство недоступно), обучению профессиональным навыкам непосредственно на рабочем месте, социальной адаптации человека с инвалидностью к выполнению трудовых обязанностей, по необходимости — сопровождение в дороге к месту работы и обратно, а также координация взаимоотношений между работником с инвалидностью с другими членами трудового коллектива;

- «сопровождающий», «наставник», «социальная няня», иные не имеющие специального образования, прошедшие краткосрочную подготовку штатные сотрудники индивидуальных программ сопровождения;

Также важнейшими инструментами и формами организации социально-реабилитационной работы являются выездные мобильные бригады, участковые социальные службы, родительские клубы, телефонные «горячие линии» и т. п.

Подлежит обсуждению, какие из указанных понятий и форм работы следует устанавливать законом, а какие должны быть введены в подзаконных актах — соответствующих регламентах и т. п.

Данные предложения полностью соответствуют интересам и ожиданиям лиц с инвалидностью и их семей, в защиту которых выступает Координационный совет, и согласуются с требованиями и принципами Конвенции ООН о правах инвалидов (см. Справку на с. 4).

Вариант законопроекта от декабря 2011 года «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» находится на портале «Социальная карта Российской Федерации» для продолжения обсуждения общественностью (http://sockart.ru/nonprofit_organizations/public_examination/).

Холодный дом

Почему подростки расстаются с жизнью?

Игорь Волков

В Москве и области — волна подростковых самоубийств. Вслед за двумя девочками, бросившимися с крыши 15-этажного дома в подмосковной Лобне, вечером 8 февраля шагнул из окна 14-летний столичный школьник.

Во всех трёх актах суицида нет логического обоснования — если только умерщвление себя вообще может быть обосновано. Публичный несмыаемый позор, мучительная и неизлечимая болезнь — это порой приводит к мысли «дальше жить незачем». Но убившие себя подростки находились отнюдь не в безвыходной ситуации. Предсмертные записки Саши Филиппева вряд ли способны пролить свет на эту тайну.

«Если я такой плохой, живите с Русланом. Бабушка, папа, тётя Ира, мама, простите. Это дошло до критической точки. Вы правы», — пишет подросток. «На этот раз ваши запреты не подействуют. И я не псих», — в другой записке.

Так что же, причина самоубийства — ревность к сводному брату, родительские запреты и стремление во что бы то ни стало эти запреты нарушить?

«Мне всегда было интересно, что же после жизни. Верните камеру Марте», — гласит ещё одна записка.

«Отец часто ругал парня за своевольный образ жизни, — сообщил изданию Life News источник в правоохранительных органах. — Школьник курил, пил и, по словам родителей, украл у одноклассницы фотоаппарат. Когда об этом стало известно папе, он хорошенько отчитал сына за это. После ссоры Александр Филиппев покончил с собой, выпрыгнув в окно квартиры на 17-м этаже.

В такое объяснение верится с трудом. Должно быть, «господа полицейские» просто ищут, кого бы сделать крайним в резонансном деле, чтобы без хлопот заработать «палку».

Так что же заставляет подростков, находящихся отнюдь не в безвыходной ситуации, сводить счёты с жизнью? И как родители, учителя, общество могут предотвратить роковой шаг?

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КОНЬШИНА

Как считает Ольга Маховская, известный детский психолог, представление о том, что Россия является абсолютным лидером по числу подростковых самоубийств, — «это полная мифология, запущенная с подачи господина Астахова. По абсолютному количеству мы лидеры в Европе как самая населённая страна, но по числу самоубийств на 10 тыс. человек населения нас оставляют позади такие страны, как Франция, Англия, Швейцария. В Англии это чаще случается на почве алкоголизации, во Франции — на почве одиночества. В России это чаще всего случается “за компанию”».

Получается, что виноваты СМИ и «эти ваши интернеты» и о самоубийствах среди молодёжи следует помалкивать? По мнению Ольги Маховской,

мультирование темы самоубийств в прессе — не более чем детонатор. Само по себе оно не способно спровоцировать суицид. Если подросток сам не готов к нему. А к «окончательному решению» всех вопросов его, как правило, подталкивает целый комплекс причин, внешних и внутренних.

Один из факторов — чисто ситуационный, временной. В нашем случае это середина зимы, недостаток солнечного света, стресс, вызванный окончанием зимних каникул, и тому подобное.

«Но основная причина — это феномен “холодного дома”, — говорит Маховская. — Ситуация, когда подростка в семье ничто не удерживает. Он не знает, как жить, и решается на суицид».

Безусловно, играют роль и настроения в обществе, которые дети и под-

ростки не столько понимают, сколько ощущают. Российское общество постоянно ожидает чего-то страшного — политических катаклизмов, «второй волны кризиса», падения планеты Нибиру, предсказанного вымершим центральноамериканским племенем майя, и прочих ужасных вещей, которым невозможно противостоять.

«Мы заражены пессимизмом, — считает психолог, — и дети, может быть, сами и не боятся, но рядом с ними — на смерть перепуганные родители».

Кроме того, как отмечает Маховская, детям и подросткам свойственно испытывать страх бедности: «Это не

экономический, это социальный страх: боязнь лишиться статуса в обществе. В подростковом возрасте это становится особенно болезненным». И если подростку кажется, что их семья неспособна отвечать на экономические вызовы, — это может спровоцировать отчаянный шаг.

Соответственно, профилактика самоубийств тоже должна носить комплексный характер. Так, в СМИ тему самоубийств «нельзя рекламировать, но нельзя и замалчивать», считает психолог. Тем более что в подростковой среде существует тенденция эстетизации смерти. Тинейджеры любят фильмы

наподобие «Сумерек», они ассоциируют себя с бледными холоднокровными кровопийцами, получающими недостающее им тепло извне.

Как противостоять эстетизации смерти? Ну, разумеется, не показом фотографий трупов со смятым лицом или видеохроник вскрытия в морге! По мнению Маховской, своеобразной контрпропагандой могли бы стать интервью с подростками, совершившими реальную (а не показную) попытку суицида и спасёнными в последний момент. Юные самоубийцы, считает она, не понимают, что возврата не будет. Пока человек не дойдёт до края — он это не оценит. Возможно, чужой «опыт несостоявшейся смерти» остановит кого-то.

Разумеется, нужны и более мягкие методы психотерапии. Сейчас каждой школе по штату полагается педагог-психолог. А иногда и не один. На практике же примерно в половине школ психологов нет. К тому же не все педагоги-психологи обладают достаточной квалификацией, чтобы распознать те же суицидальные наклонности, уметь отличить их от подростковой показухи.

До самоубийства довела учительница?

В декабре прошлого года 13-летний житель города Ангарска Иркутской области пришёл домой из школы и повесился на шведской стенке. Его родители обратились в правоохранительные органы с заявлением на классного руководителя, которая преподаёт биологию. Они утверждают, что именно она довела их сына до отчаянного поступка.

Известно, что накануне самоубийства учительница вызывала мальчика к себе в кабинет для разговора. Есть свидетели, слышавшие, что за закрытой дверью был конфликт. Следственный комитет провёл по факту произошедшего доследственную проверку, по результатам которой было возбуждено уголовное дело по статье о доведении до самоубийства, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок до трёх лет.

Для девочки на крыше. Ненаписанная колонка

Наталья Лосева

Это было впервые: вчера утром, как раз во время первого урока, я получила подряд пять или семь MMS от сына с фотоками какого-то дома и подъезда и вопреки всем договорённостям не общаться во время уроков отвечала ему. Эти MMS у них ходили по классу с телефона на телефон. На фотографиях был просто дом и просто подъезд. Рядом с их школой. На козырьке подъезда накануне вечером обнаружили разбившуюся девочку. Не из их школы, соседней, но силу потрясения это не отменяет. Через несколько часов одноклассница погибшей девочки прямо на уроке вскрыла себе вены.

Я три раза начинала писать колонку и удаляла текст. Сначала как журналист — и получалось дилетантски и менторски. Потом как человек, учившийся на педиатрическом факультете и собиравшийся стать детским психиатром, — и получалось бездушно и нравоучительно.

Потом как испуганная мать — думаю, сейчас нас, испуганных, много — и не колонку, а письмо. Письмо девочке, которая стоит на крыше.

...И вот я писала ей, что, знаешь, девочка моя, ты не поверишь, но ночь темнее перед рассветом. И когда ты живёшь дольше, чем 25 лет, то однажды начинаешь чувствовать это время. Час темноты и безысходности перед взлёт-

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КОНЬШИНА

том. Я хотела рассказать ей, что однажды, девочка (отойди на шаг! послушай, что я скажу), ты поймёшь: чтобы высоко прыгнуть, нужно присесть. Что борются лучшие, а сдаются слабаки и дуры. Сильные прыгают вверх.

Потом я хотела рассказать, как вчера футбольная команда старших классов думала отнести цветы на место, где погибла ученица из соседней школы. И, наверное, каждая

Девочку лишили родителей. Девочка лишила себя жизни...

В Североонежском детском доме в Архангельской области повесилась на бельевой верёвке 15-летняя Кристина Серганова. За два месяца до этого её мать лишили родительских прав, Кристину и её двух сестёр чиновники отправили в разные детдома. Мать, Елена Серганова, работает поваром в воинской части космодрома Плесецк. Повод для лишения её родительских прав у чиновников был: оба родителя были алкоголиками. Отец «вёл асоциальный образ жизни», а повараха-мать приходила пьяной даже в детский сад за младшей из дочерей. Другие подробности этого дела о лишении прав неизвестны. В прокуратуре отказались назвать даже дату самоубийства и другие подробности инцидента. Тело Кристины нашли местные дети на заброшенной стройке. О том, что её 15-летняя дочь погибла, Елена Серганова узнала в начале января. Мать девочки, Елена Серганова, рассказала, что родительских прав была лишена в сентябре 2011 года. Трое её детей были распределены по социальным учреждениям: Кристина и Карина отправились в детский дом в Североонежск, а маленькая Каролина — в дом малютки в Архангельск. Мотивация чиновников о причинах лишения родительских прав известна только со слов самой «бывшей матери». Даже из этих данных следует, что родители девочек не страдали излишней праведностью в быту. Однако сами они удивляются: квартира, где жили девочки, находится в хорошем состоянии, там сделан ремонт, у каждого ребёнка было своё игровое место, у старшей дочки был компьютер, у всех детей было много книжек и игрушек. О личных взаимоотношениях в семье не сказано ничего. В гибели Кристины мать обвиняет работников органов опеки, которые приняли решение отобрать у неё детей: «Она скучала сильно, постоянно убегала из детдома, не смогла без меня, видимо, жить, вот и решила на такое дело».

Источник: www.nr2.ru

Школьные психологи должны владеть методиками объективного исследования. Возможно, они должны проходить специальные курсы по профилактике суицидных тенденций. Кроме того, надо популяризировать среди подростков телефоны доверия: их преимущество — абсолютная анонимность.

«Необходимо вести просветительскую работу среди родителей, — убеждена Ольга Маховская. — Они должны уметь увидеть сигналы. Мы зачастую не можем заметить их именно из-за близкой дистанции. Родители, видя, что ребёнок сидит за компьютером, могут и не знать, что он зашёл на сайт «анонимных самоубийц». Кроме того, тяга подростков к инфернальному, интерес к эстетике смерти — это, как ни странно, проявление инфантилизма. В семь-девять лет у детей бывает период, когда они задумываются о смерти. Задача взрослых — объяснить, утешить, рассказать, может быть, посетить с ребёнком похороны. Если в тот момент, когда ребёнок впервые ощутил страх смерти, никого рядом не было — этот страх укореняется и может выплеснуться наружу в виде суицида».

Источник: www.specletter.com

девочка-подросток хотя бы раз в жизни, хоть на секундочку представляла себе свою смерть. Как рыдают одноклассницы, как раскаивается строгий отец, как поседела директриса школы, как лучшие, самые красивые и завидные мальчики из футбольной команды несут к её подъезду цветы... Только знаешь... Мальчики вчера передумали. Потому что решили, что дешёвым романтизмом спровоцируют других дурочек на непоправимое. А они, лучшие мальчики, любят общаться с живыми.

А потом я хотела сказать, что, знаешь, смерть необратима. Это эксперимент без результата. Ты не расскажешь. Другие не узнают. Я хотела написать о сложных для подростка вещах, о том, как метафизически бесполезно самоубийство. Если ты атеист, то просто кончится твой цикл, у тебя не будет ни плохого, ни хорошего, ни скучного, ни любопытного. Будет — ничего. Если ты хоть капельку веришь в Бога, неважно — какого, то будущее самоубийц в большинстве религий мучительно и незавидно. Без шансов избежать пустоты, Ада и безысходности. Разве это лучше, чем трудная, но жизнь? Смерть — необратима, слышишь? А такая — ещё и жалка и неэстетична.

Наверное, я обязательно написала бы ей: девочка моя, мы, взрослые, виноваты. Недолюбили, недоберегли, недодержали за руку. Недоцеловали на ночь, недопринесли мишку в кровать тебе, взрослой, недоукрывали одеялом голые пятки, недоговорили о неприятном, недопрощали, недопоняли, недоуважали. Такое вот поколение родителей «недо-»: у нас темп, карьера, Интернет, борьба за твоё будущее. Ты прости, пожалуйста, девочка. Своя или чья-то чужая.

А потом я хотела писать жёстко и даже зло. Я хотела сказать: послушай, подруга, перестаньте нас шантажировать, слышите, вы, которых мы рожали, не спали, лечили, плакали, мерили жизнь по вашим тетрадкам и первым спортивным грамотам. И добавить: знаю из учебников, что у каждого подростка есть период, когда он должен явно или бессознательно ненавидеть родителей, иначе не преодолеет инфантилизма. Но слышите, вы, не смейте нас наказывать. Не смейте. Мы тоже люди.

И разозлившись, рассказать то, о чём думаю часто. Об осмысленности жертвы. О том, как моя бабушка, девочка тонкая, восточная, бежала по Ташкенту в 41-м, в первых числах июля, в самую жару, знаешь, есть такое время — чилия, когда в тени сорок и пыль жжёт босые ноги. Как обманывала комиссара, говорила, что ей восемнадцать. Как ехала в эшелонах на северо-запад — воевать. Как хоронила своих семнадцатилетних подруг, таких же маленьких тонких обманщиц, быстро, в мелких могилах, потому что, знаешь, на линии фронта глубоких не вырыть и табличку не всякий раз поставишь.

А потом остыла и написала бы вот что: знаешь, детка, ты такая же, какими были мы, ты легко поддаёшься моде и часто думаешь, что мир несправедлив, ты ищешь правду и живёшь максималистски, наотмашь, ты страдаешь и боишься неизвестности, ты не понимаешь будущего и судишь мир по самым высоким счетам. Девочка, мы, взрослые, тебя любим. Давай жить, детка.

Источник: «Московские новости»

Четыре дня в защиту ребёнка

Дмитрий Семёнов
г. Ижевск

Четвёртый год подряд Ижевская городская общественная организация «Центр социальных и образовательных инициатив» собирает Школу по правам ребёнка. Встречи Школы — это серия сессий и практических занятий с участием ведущих специалистов и экспертов. В 2008 году первыми слушателями Школы стали руководители отделов районных администраций и служб региона, занимающихся защитой прав детей. Вторая Школа собрала педагогов, психологов, врачей, юристов, правозащитников, экспертов и специалистов учреждений помощи семье. География участников также не ограничивалась только Ижевском: на семинар съехались специалисты из Воткинска, Сарапула, Глазова, Игры, Перми, Ханты-Мансийска и Нижневартовска.

Программа Школы затрагивает широкий круг вопросов по основным проблемам детства. Четыре дня делятся лекции, дебаты и дискуссии, возникают споры. Единодушны участники в одном: специалистам по детству необходимо объединять усилия. «По сути, всё в этом мире начинается с уважения к детям и их правам, — рассуждает детский правозащитник, специалист по защите прав ребёнка и организатор встречи Ольга Пишкова. — С признания равенства человеческого достоинства взрослого и ребёнка, его безусловной свободы и необходимости оказания помощи, в силу уязвимости и зависимости от взрослых, начинается путь к самому себе у каждого из нас».

Красной нитью в выступлениях участников проходила мысль, что сегодня очень важно донести голос каждого ребёнка до общества. «Если мы, правозащитники, не сможем этого сделать, то тогда всё напрасно, — говорит Евгений Цымбал. — Наш центр как раз занимается такой помощью. В основном — по двум категориям дел: это преступления в отношении детей и споры супругов о детях».

ПРОБЛЕМЫ И ПРОБЕЛЫ

Не обошли стороной участники Школы и современное законодательство в обла-

сти охраны детства. «Наше российское законодательство не отвечает принципам и нормам международного права», — заявил Алексей Головань. По его мнению, отечественные законы не обеспечивают комплексного подхода в решении проблем ребёнка. Жизнь многообразна, а выбор средств по защите прав детей — минимален. Законодательство часто ориентируется не на право, а на финансовые возможности и целесообразность, кроме того, в России слабо развито межведомственное взаимодействие структур, отвечающих за обеспечение прав ребёнка. Нет необходимого контроля за неисполнением действий, связанных с защитой прав детей.

Алексей Головань подчеркнул, что очень мало внимания уделяется и вопросу образования детей, имеющих ограничения по здоровью. В России не существует федеральных законов, которые гарантировали бы всем детям с ограничениями по здоровью возможность получить качественное образование.

ОТ ИНТЕРНЕТА ДО АДВОКАТА

Адвокат, специалист по семейному праву, эксперт Совета Федерации и Департамента семейной и молодёжной политики г. Москвы Антон Жаров раскрыл в своём

выступлении тему «Детский адвокат... Зачем он нужен». «Если мы выбираем для ребёнка новую семью, то должны задуматься: какая для него будет наилучшей? Детский адвокат, по сути, принимает самые ответственные решения в судьбе ребёнка», — подчеркнул Жаров.

Собравшиеся не обошли вниманием и такой болезненный вопрос, как дети и Интернет. «К сожалению, родители нечасто задумываются, что Интернет представляет для ребёнка такую же угрозу, как незнакомцы на улице», — отметил специалист по PR и маркетингу новосибирской компании «Entensys» Алексей Кищенко. По словам Алексея, работа в области безопасного для детей Интернета в нашем государстве поставлена слабо, ситуация требует более решительных шагов в этом направлении, начиная с принятия законов и заканчивая ужесточением ответственности производителей телекоммуникационных средств и технологий.

ХОЧУ ПЕРЕМЕНИ!

*Ольга Пишкова,
детский правозащитник:*

— Почему назрел вопрос для проведения таких школ? Потому что ребёнок — самый уязвимый человек. Он растёт, меняется, и меняется мир вокруг

него. Не успев его понять, ребёнок зачастую получает в этом мире суровые уроки. Взрослые люди должны помочь ему с этим справиться. Для этого мы собираемся, проводим Школы, где говорим: нужно обратить внимание на мир детей, иначе его не будет.

— К какому результату вы стремитесь?

— К объединению разных специалистов вокруг проблемы защиты прав ребёнка. К построению большой команды и появлению новых команд. К построению общего смыслового пространства для всех, кто занят в этой сфере. Нам нужно создать ресурс, который бы помогал ребёнку.

— В первый день работы Школы выступали юристы, правозащитники. Часто заходила речь о несовершенстве российского законодательства. Школа по правам детей может изменить эту ситуацию?

— Есть такая фраза: «Хочу перемен». Но организовать эти перемены достаточно сложно. Сам ты их не сделаешь, другому человеку в одиночку с этим тоже не совладать. В связи с этим даже появился специальный термин **адвокация** — общая деятельность в интересах каких-то социальных перемен. Адвокация включает в себя не только информирование и создание общего смысла, но и лоббирование в законодательных органах власти определённых изменений в законах.

— Для чего был создан институт омбудсменов — уполномоченных по правам человека?

— Чем сложнее становится жизнь, тем больше посредников должно быть между гражданами и властью. Со стороны общества посредниками являются некоммерческие организации, со стороны государства — институт омбудсмена, который является мостиком между государством и человеком.

— Можно ли выделить самые главные из поднятых участниками школы проблем?

— Важно всё, что было сказано. И даже то, что ещё не прозвучало, о чём ещё нам не известно. Всем нужны знания о том, что такое права ребёнка. Причём иногда стоит менять формат. Например, проводить школы по правам детей-инвалидов, детей-сирот и других. Но приглашать туда не только специалистов, работающих с ними, но и всех, кто работает в интересах всех детей.

Источник: www.kr-znamya.ru

От 14 и младше?..

В Государственной Думе рассматривается законопроект о снижении до 12 лет возраста привлечения к уголовной ответственности по тяжким и особо тяжким преступлениям. Сторонники закона мотивируют необходимость его принятия ростом подростковой преступности и особой жестокостью правонарушений, совершаемых «детьми». Противники говорят, что если карательные меры и способны изменить ситуацию, то лишь в худшую сторону. Какие «за» и «против» могут быть у подобной законодательной инициативы?

Владимир Паневежский,

член комитета Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству, соавтор законопроекта, снижающего возраст привлечения к уголовной ответственности подростков по тяжким и особо тяжким преступлениям до 12 лет:

— Несовершеннолетние совершают тяжкие и особо тяжкие преступления с особой жестокостью. Спецшколы, в которые их после этого отправляют, — не наказание. Они выходят через год-два и совершают, как правило, ещё более тяжкие преступления. Поэтому они должны нести ответственность уголовную. Речь о преступлениях, связанных с убийствами: нередко подростки в бандах совершают убийства своих же сверстников или лиц без определенного места жительства лишь только для того, чтобы посмотреть, как это происходит. Это ужасает. Поэтому я считаю, что просто необходимо этих лиц изолировать от общества. Они уже преступники. Одновременно нужно и права тех же подростков защитить.

Евгений Бунимович,

Уполномоченный по правам ребёнка в Москве:

— Преступники действительно молодеют, их немного, но их жестокость растёт, есть страшные случаи. Так происходит потому, что у нас почти нет профилактики. Наша система изначально — карательная, она стремится только усиливать меры изоляции.

Но просто изолировать подростков недостаточно: эффективность такой меры мала, рецидив высокий. Надо думать о реабилитации.

У нас нет психологической службы как общегосударственной системы. Есть закон снижения возраста уголовной ответственности, но нет закона о том, что психологи должны быть доступны везде по месту жительства,

должны упреждать преступления. В кризисной ситуации надо работать и с ребёнком, и с его окружением, с родителями. А этого не делается.

Генри Резник,

адвокат, президент Адвокатской палаты Москвы:

— Психология ребёнка принципиально отличается от психологии взрослого. Подросткам вообще, и особенно малолетним, до 14 лет, свойственна коллективная ответственность, так что возраст 14 лет в законодательстве взят не с потолка.

Чем раньше подросток попадает в места лишения свободы, тем больше вероятность, что мы получим закоренелого преступника. Я не вижу никаких разумных оснований, которые бы действительно позволяли снизить возраст уголовной ответственности до 12-13 лет. Надо понимать, что дети, которые совершают такого рода преступления, — как правило, сами жертвы. Очень часто они — жертвы семейного насилия, социально очень запущенные дети. Надо выявлять как можно раньше семьи, в которых вырастают такого рода дети. Здесь не обойтись без профилактической работы.

Источник: «Эхо Москвы»

Бегство из казармы

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

В последние 20 лет социальное сиротство стабильно удерживается наверху списка острейших российских проблем. Казалось бы, жизнь налаживается, наступает материальная стабильность, благосостояние растёт — и параллельно растёт число детей, попадающих в детские дома и приюты при живых родителях. В чём причины этого пугающего явления и каким образом можно переломить данную ситуацию, рассказывают специалисты по проблемам семьи и семейному устройству.

В течение последних трёх лет Детский фонд ООН ЮНИСЕФ совместно с независимым Институтом социальной политики занимался сбором статистических данных, касающихся российских детей и подростков. Анализ полученной информации показал, что большое количество детей, проживающих на территории России, находится сегодня в зоне риска изъятия из семей. Одновременно стабильно высоким остаётся число отказов от новорождённых. Обе эти составляющие в конечном счёте обогащают статистику социального сиротства.

По мнению психолога, специалиста по семейному устройству Людмилы

Петрановской, у широкого распространения социального сиротства в России есть две основные причины. Первая — сама система сиротских учреждений, существующая в настоящее время. «С точки зрения закона у нас устройство ребёнка в учреждение является постоянным. Далеко не во всех странах так, — поясняет Л. Петрановская. — В других странах устройство ребёнка в учреждение обычно всё-таки является временным, оно даёт возможность взять паузу, получить какое-то время на поиск замещающей семьи. Только у нас закон допускает, что ребёнок годами, до 18 лет, может существовать в учреждении. Вторая проблема —

это то, что государственный опекун, то есть руководитель учреждения, является постоянным опекуном, постоянным законным представителем ребёнка. При этом существует двойной стандарт требований к госопекуну и обычному опекуну. Если с ребёнком что-то случается в семье, в родной или в приёмной, на следующий день они имеют у себя четыре телеканала, 18–20 прокурорских проверок. Если ровно то же самое случается с ребёнком в учреждении (иногда просто так случайно совпадает, происходит ровно такое же ЧП) — проходит очень умеренный отклик в прессе, внутреннее расследование — и всё».

ОТКАЗНИКИ

Очевидно, в силу своей сложности и многоплановости проблема социального сиротства предполагает комплексные решения и разносторонний подход. Одно из ключевых направлений борьбы с социальным сиротством — работа с отказами от детей в роддомах. Случаев, когда тяжёлое материальное положение, определённый социальный статус (матери-одиночки, несовершеннолетние матери) или жилищные проблемы становятся причиной того, что новорождённый остаётся в родильном доме, сегодня хватает. Нередко оставляют в родильных домах детей, появившихся на свет с тем или иным тяжёлым заболеванием, отклонением развития.

Весьма актуальна данная тема и для женщин-мигранток, проживающих в больших городах без регистрации, не имеющих постоянной работы, жилья и социальной поддержки. «Если возникает ситуация, сложная для молодой матери: она одна, нет партнёра, нет мужа, и она ждёт ребёнка — что надо сделать? — рассуждает глава офиса ЮНИСЕФ в России, психолог, специалист по семейному устройству Бертран Бейнвель. — Нужно понять её положение и сделать максимум, чтобы она смогла всё обдумать и принять решение в пользу ребёнка. Чтобы она поняла, что сможет воспитывать ребёнка. Но что конкретно это значит? Это значит, что ей надо понимать, куда она может обратиться за необходимой поддержкой — материальной, психологической. Структура и характер такой помощи должны зависеть от конкретной ситуации. Кроме того, надо интегрировать работу акушерки и медсестры в одну систему с работой социальных служб. Если мы сможем это сделать, мы сможем предупредить множество отказов.

Удачная практика подобной работы есть не только в других странах, она есть и в разных субъектах Российской Федерации. Эта деятельность очень важна с точки зрения снижения численности социальных сирот, предупреждения роста числа детей в учреждениях». В том, что работа с отказниками невозможна без работы с персоналом больниц и родильных домов, сходятся все специалисты по семейному устройству. Медики, сталкивающиеся со сложными ситуациями, должны понимать, как правильно на них реагировать. «Очень часто акушерки, медсестры искренне угова-

ривают девочек отказаться от ребёнка: “Угроишь свою жизнь, если его возьмёшь”, — говорит Л. Петрановская. — А на самом деле она угробит свою жизнь после того, как уйдёт одна из роддома: мне приходилось работать с женщинами, которые отказались от детей. Уже прошло 10–15 лет, а реально они не живут. Это травмированные люди, у которых фактически стоит запрет на любое женское счастье и вообще на получение чего-то хорошего от жизни. Да, очень тяжело оставить себе больного ребёнка, но в ситуации, когда мать не знает даже, жив или умер ребёнок, отданный в систему, она сама не живёт».

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

При всей своей болезненности проблема отказников — не самая острая тема социального сиротства: процент устройства таких детей в семьи очень высок, во многих домах малютки состав воспитанников за год обновляется полностью. Да, отказников немало, но всё же гораздо большее число детей попадает в систему после изъятия из кровных семей. Причём лишь порядка 6 % случаев изъятий мотивировано насилием со стороны родителей, жестоким обращением с детьми. Во всех остальных случаях поводом для передачи ребёнка в приют становится «ненадлежащее выполнение родительских обязанностей».

супа и со вшами он может быть более благополучным, чем в детском доме — накормленный, чистый, но растущий в этой искусственной ненормальной среде с полностью прозрачными границами и полным отсутствием личной свободы и личной территории».

ДВА СЛОВА О КРИТЕРИЯХ

Действительно, в подавляющем большинстве случаев органы опеки и попечительства судят о качестве жизни ребёнка по довольно несложному набору внешних признаков. И, как бы высокопарно это ни прозвучало, цена размытых критериев «родительской компетентности», цена чересчур плоской трактовки вопроса «что такое детское благополучие» — это поломанные судьбы. «Не раз нам приходилось сталкиваться с ситуацией, когда основанием для изъятия из семьи становилась изношенная обувь ребёнка, — рассказывает член фонда “Волонтёры в помощь детям-сиротам” Вероника Григорьева. — Мы считаем, что в любом случае ребёнку лучше в семье, если у родителей есть желание сохранить полную семью и общаться с ребёнком. Когда дети попадают в учреждение, они всё равно вспоминают с любовью и нежностью о своих матерях, как бы матери их ни били, что бы там ни происходило».

Специалисты отмечают, что забота, основанная на сугубо формальных

Лишь порядка 6 % случаев изъятий детей из кровных семей мотивировано насилием со стороны родителей, жестоким обращением с детьми

«Ненадлежащее выполнение обязанностей — очень широкое понятие, под которое можно подвергать очень разные вещи, — поясняет Людмила Петрановская. — Иногда всё очевидно: ребёнок в бедственном положении, некормленный, на морозе в трусах и майке... Однако нередко в основу заключения ложатся фантазии сотрудников опеки о том, “как должно быть”. Это очень большая проблема, потому что критериев нет, нет и внятной системы ценностей, иерархии того, что важнее для ребёнка. Главное, нет понимания, что без

признаках («лишь бы был одет и накормлен»), очень часто даёт эффект, прямо противоположный ожидаемому: ребёнка «спасают» от родителей, помещая в учреждение, — и перечёркивают надежду на его нормальное, благополучное будущее. «Изъятие из семьи — это всегда тяжелейшая травма. Даже если эта семья не соответствует нашим представлениям об идеале, — замечает психолог Л. Петрановская. — Очевидных случаев жестокого обращения у нас, насколько я помню, 6 % — это такие ситуации, что, если не отобрать,

будет ещё хуже. И первый очевидный критерий здесь — прямая угроза жизни и здоровью. Есть какие-то очевидные случаи, когда за ребёнком бегают с топором, когда его выгоняют на мороз, когда его продают за бутылку для сексуального использования. Во всех остальных вариантах вопрос должен решаться более гибко».

Интересно, что в большинстве случаев, изымая ребёнка из кровной семьи, сотрудники госучреждений уверены, что они поступают в его интересах. Они уверены, что совершают серьёзное благодеяние по отношению к своему подопечному. «Нам надо работать с людьми, чтобы показать, что есть альтернативы, которые лучше для ребёнка, — говорит по этому поводу Бертран Бейнвель. — Потому что мы знаем, что детский дом — не то место, где комфортно расти ребёнку. Нам надо работать».

ЦЕНА КАСТРЮЛИ С КАШЕЙ

Когда речь заходит о «ненадлежащем исполнении», всплывает ещё одна проблема системного характера: неразвита служба поддержки семьи. Ни одна схема работы с семьёй не содержит сегодня по-настоящему действенных и эффективных механизмов антикризисной помощи. «Только НКО пытаются своими силами реализовать программы поддержки семьи в кризисных ситуациях, — поясняет Вероника Григорьева. — Со стороны государства никакой поддержки нет, поэтому все спорные вопросы решаются однозначно: до свидания, ребёнок пойдёт с нами».

По мнению Людмилы Петрановской, начинать разворот в сторону перемен, в сторону реальной заботы о детях надо с признания того, что система, которая есть, совершает насилие над детьми. Необходимо признать, что существующая система порочна и на данный момент нет никаких органов, которые могли бы ей противостоять, выступив адвокатом семьи. «Необходимо осознать, что у ребёнка есть привязанность, и она гораздо важнее, чем чистота, гигиена и всё остальное. Когда мы понимаем ценность этого, тогда следом можно думать, что делать», — замечает психолог.

Для того чтобы государство в лице органов опеки и других организаций действительно защищало семью и детей, а не травмировало их, нужна система дополнения родительской компетенции, добавляет эксперт. «Представьте

себе, что у нас уголовный кодекс с двумя видами наказания: первый — погрозить пальцем, второй — расстрелять. И за любые ваши нарушения либо это, либо это, — говорит Л. Петрановская. — Вот ровно так же у нас устроена работа в кризисе — либо беседа, либо забирают детей, и между этими полюсами — вообще никаких вариантов. Когда я была маленькая, с бабушкой на площадке жила семья с тремя девочками, там папа погиб, и мама в растерянности начала пить. Менялись сожителю, девочки не очень были присмотрены, где-то гуляли. Моя бабушка решила этот вопрос просто: она варила большую кастрюлю каши или пекла целый тазик оладий и звала их кушать. У них не было постельного белья чистого, они подолгу шлялись по улице, но при этом бабушка их кормила. Потом мама взялась за ум, все девочки выросли без детского дома, все нормально вышли замуж.

То есть ценой вопроса стала кастрюля каши. Вместо этого сейчас их троих забрали бы в детский дом, на каждую из них тратили бы 60 тысяч рублей в месяц (такова средняя стоимость содержания одного ребёнка в учреждении), и потом не было бы никакого «замужа», никакого института, к сожалению. Потому что образ жизни в этом казарменном учреждении, особенно если это большой детский дом, он настолько не похож на жизнь нашу обычную, что дети, когда оттуда выходят, просто не справляются с ней».

НОРМАТИВНАЯ ЧАСТЬ И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

С другой стороны, эксперты отмечают, что современная система опеки и попечительства хромает и в нормативной, законодательной части. Поддержка семьи, работа с неблагополучными семьями,

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Дети системы

Людмила Петрановская:

— В реальности эти дети выглядят более или менее нормально, пока они находятся в жёстких рамках учреждения, но вот эта жизнь учрежденческая... Чем больше учреждение — тем чудовищнее там нарушение личных границ. У детей абсолютно нет навыков самоуправления, потому что они ничего не решают сами, там всё делается исключительно по расписанию, по команде воспитателей. В результате эти дети, выходя в жизнь, оказываются абсолютно беззащитными. Они похожи... похожи на такие цветочки, у которых незаметно провололочкой стебелёк укреплен. Когда вы его берёте, кажется, что это хороший свежий цветочек, а если провололочку убрать, то он тут же вянет. Дети, выросшие в этой системе, вот такие. Пока они в жёстких рамках и существуют под присмотром (полторы единицы персонала на одного воспитанника!) — всё нормально. Ребёнок живёт, в школу ходит и вроде умыт и причёсан. На самом деле он не может нормально жить. Он не готов к жизни: всё сделано для того, чтобы он жить не мог.

ми, помощь детям — все эти движения должны реализовываться не только в рамках волонтерских программ, как инициатива снизу, но и как долгосрочная стратегия на региональном и на государственном уровне. «Не хватает федеральных норм, федеральных стандартов, федеральных направлений, — говорит глава офиса ЮНИСЕФ в России Бертран Бейнвель. — Мы видим, что в некоторых субъектах Российской Федерации такие программы появляются, и система начинает меняться. Мы видим, что происходит в Тверской области, это хороший опыт. Мы видим, что происходит в Республике Карелия. Есть хороший опыт общего плана. Нам надо анализировать, что при внедрении подобных программ происходит с бюджетом, с расходами. Потому что если мы сейчас знаем, что большинство расходов на детей определены на уровне субъектов федерации, то такие цели, такие стандарты, как снижение числа отказов, снижение числа случаев разлучения детей с семьей, должны быть прописаны на уровне бюджета. И это можно сделать, основываясь на опыте, уже существующем в разных субъектах федерации».

Ещё одна плоскость, в которой должна меняться система, — интеграция здравоохранения, социального сектора и образования, создание механизмов, в которых все эти составляющие могли бы работать вместе на защиту интересов ребёнка. Кроме того, необходимо развивать и укреплять систему поддержки некоторых категорий детей. Например, ситуация многих детей с ограниченными возможностями существенно улучшится, если их родители будут знать, что дети смогут учиться в обычных школах, что им самим помогут найти работу и так далее.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ

Одним из основных практических шагов, способных реально изменить ситуацию с социальным сиротством, специалисты по семейному устройству называют расформирование больших детских домов — их должны заменить учреждения «семейного типа», содержащие одновременно не более 15 детей, — и полную ликвидацию домов малютки. «Домов ребёнка не должно быть вообще: это преступление, когда дети до 3 лет содержатся в учреждении, —

“За последние 10 лет никто не озаботился подготовкой кадров для работы с семейным устройством”

говорит Людмила Петрановская. — Эти учреждения с успехом могут быть заменены временными семьями. Кроме того, необходимо изменить процедуру усыновления, сделать её проще, оперативнее. Не менее важно работать с профилактикой отказов, работать с возвращением детей в семьи, когда мамы были вынуждены их отдать, потому что некуда было физически забрать ребёнка. Вот та задача, которую при желании, по моим оценкам, можно было бы решить года за два, а в регионах, самых тяжёлых в материальном плане, — за три».

Помимо перечисленного, необходимо менять само положение учреждений, их статус, добавляет Л. Петрановская. Пора перестать считать устройство ребёнка в учреждения постоянным. Петрановская приводит в пример соседнюю Украину. С тех пор как в Украине перестали считать устройство ребёнка в учреждения постоянным, численность воспитанников детских домов сократилась вдвое (!). На это ушло пять лет. Сегодня ситуация в стране такова, что, если ребёнок после приюта отправляется в учреждение, это считается чрезвычайным происшествием, по которому воспитатели и руководство приюта должны дать отдельный отчёт. В случае, если ребёнок остаётся в учреждении, каждые три месяца пишется отчёт, что сделано для того, чтобы воспитанник попал в семью, и почему на текущий момент попытки не увенчались успехом.

Наряду со структурой самих учреждений, добавляет эксперт по семейному устройству, надо менять и систему государственных опекунов. «Не может такого быть, чтобы один человек был опекуном нескольких сотен детей, — считает Петрановская. — Есть очевидные ходы, которые можно было бы сделать. Другой вопрос, что всё это упирается в отсутствие кадров. За последние 10 лет никто не озаботился подготовкой кадров для работы с семейным устройством. Нужно также работать с системой ценностей специалистов. Потому что часто специалисты не понимают, что они делают. И когда я в регионах провожу те же тренинги, семинары для

сотрудников опеки, они иногда просто плачут, говоря: “Мы 15 лет работаем, но не понимали, что мы делаем с ребёнком, когда его забираем”. Она всю жизнь считала, что она его спасает! А когда она смотрит фильм документальный про состояние ребёнка после изъятия из семьи, то как нормальная женщина сидит и плачет: “Я не понимала, что делала 15 лет”. И с этим надо работать, надо работать с системой ценностей специалистов. Этого никто не делает».

ПЕРСПЕКТИВЫ

При этом специалисты отмечают, что изменения, пусть медленные и постепенные, всё же происходят. В разных российских регионах сегодня имеется положительный опыт решения проблемы социального сиротства. «В регионах, достигших успехов в вопросах семейного устройства и профилактики социального сиротства, все решения в данной области координировались на уровне высокого руководства, — отмечает Бертран Бейнвель, — поэтому все задействованные специалисты чётко понимали, что должны делать. Сегодня мы можем пользоваться подобным опытом на федеральном уровне, можем взять его за основу для разработки единого стандарта. Думаю, это то, над чем надо работать. Одновременно все участники процесса должны чётко понимать общее направление движения, иначе через 4–5 лет мы не будем иметь системных изменений. Нам всем надо иметь такое направление — с очень ясными целями, с системой мониторинга и с ресурсами, которые поддерживают цели, поддерживают другие направления. Надо систематически работать, и, может быть, тогда мы сможем разрешать конкретные проблемы. Мы говорим о тысячах детей, и не только о детях — о будущем всей страны, об обществе».

Подготовила
Мария Кригер
Источник: радио «Свобода»,
программа Кристины Горелик
«Третий сектор»

Детский сад для взрослых

Сергей Мухамедов
блогер

Все дети — и инвалиды тоже — когда-то становятся взрослыми. Их родители тоже не молодеют, и с годами их всё чаще тревожит вопрос, что же станет с их выросшим ребёнком, таким беспомощным в большом мире... Наш корреспондент провёл один день в «Турмалине» — единственном негосударственном благотворительном учреждении дневного пребывания для взрослых с нарушениями интеллектуального и психического развития, где делают всё, чтобы интегрировать выросших детей во взрослую жизнь.

Мы замечаем их детьми на улицах, знаем, что они учатся в специальных школах, даже слышали про помогающие им благотворительные организации. А потом они куда-то исчезают: их не встретишь в магазине или транспорте, они неинтересны волонтерам и обществу — но они есть. Многие из них рано умирают, а те, что остались, оказываются нужны только их родителям...

Кроме «Турмалина», центров, куда можно привезти на целый день своего взрослого сына или дочь, не существует. Благодаря ему одинокие мамы могут устроиться на работу и хоть как-то начать устраивать свою личную жизнь (практически все семьи с детьми, имеющими особенности развития, распадаются).

Или тех, от которых отказываются другие центры, — физически сильных людей с приступами агрессии. Работающие в «Турмалине» девушки знают, что куда заломить, как кого отвлечь: «Уже нет такого страха как раньше, помогаем друг другу, гасим приступы. Бывают и травмы, и шрамы на всю жизнь. Мы же понимаем, что эта агрессия не по отношению к нам, это просто невозможность справиться с впечатлениями, которые захлестывают».

Сюда берут самых тяжёлых; эта девушка до «Турмалина» не умела делать ничего — даже есть

Часть дня подопечные, как их тут называют, проводят в мастерских, обучаясь, казалось бы, очень простым действиям. Но для некоторых из них даже научиться обрезать фитиль свечи — уже достижение всей жизни

Сделанные подопечными работы продаются на благотворительных ярмарках. Вырученных за них денег хватает только на покупку новых материалов

Цели заработать никто не ставит, занятия в мастерских — это лечение. Кому-то полезно работать с красками (растекающийся цвет приводит к расслаблению), другим создание формы из глины собирает, успокаивает и снимает агрессию

Алексей — единственный работающий в этом центре мужчина.

“
Особенности развития есть у каждого из нас, но мы умеем скрывать их за определёнными масками. У них же этих масок нет, всё абсолютно наружу
”

Иногда случается получать заказы от организаций. Подсвечники-домики делались для столичного кафе. Подопечным очень важно, что их работы ждут, для них это настоящее серьёзное дело

Поставить на поток изготовление сувениров невозможно: на заполнение формы для вазочки глиной у этой девушки уходит целый день — но небольшой тираж осилить можно, делая его постепенно

“
*Эти люди сегодня и сейчас
радуются простым вещам —
сыру, свече, запаху печенья*
”

Тут не трясутся над подопечными — они сами наливают кипяток и пользуются ножами. Мне объясняют, что они взрослые люди, а многие проблемы возникают оттого, что родители очень сильно их опекают. Чувство вины, которое захлестывает родителей, — настоящая психотравма. Они дают своим детям всё самое вкусное, всё за них намазывают, размешивают. Сюда приводят тридцатилетних людей, которые ни разу не заваривали себе чай, которые не знают, что такое сахар, откуда берутся продукты. Здесь они начинают это понимать. Часть их зрелого существа рвётся к самостоятельности, и прогресс идёт очень быстро. Они уже и дома пытаются сами сделать себе бутерброд с чаем. Родители в шоке — как в хорошем, так и в плохом смысле. Это очень сильное впечатление, когда ребёнок, который десятки лет полностью от тебя зависел и был совершенно беззащитным, вдруг хочет посмотреть по телевизору новости.

У обывателя на таких людей обычно бывает две реакции. Первая — жалость, точнее жалость-страх: «Господи, не дай бог такого несчастья». Другая — брезгливость, вплоть до агрессии: «Их надо запереть, наши дети не должны видеть это уродство!»

Особенности развития есть у каждого из нас, но мы умеем скрывать их за определёнными масками. У них же этих масок нет, всё наружу. Это та искренность, которая ловит обычного человека на страхе выйти из себя, потерять самому эту маску. Когда к тебе подходит улыбающийся человек с распахнутыми объятиями, какой-то кривенький, неправильный и нестандартный, возникает страх: «А кто я тогда? Если сейчас с ним начну здороваться — значит, я на его уровень опущусь? А на каком я сам сейчас уровне нахожусь?» И вылезает из людей тщеславие, честолюбие, эгоизм и страх потерять своё место под солнцем.

Эти люди абсолютно бескорыстны, они не захвачены материальными проблемами, не понимают ценности денег и не ищут никакой выгоды. Они сегодня и сейчас радуются простым вещам — сыру, свече, запаху печенья.

Тут нет цели устроить подопечным рай и парниковые условия. Здесь им серьёзно рассказывают о государстве и деньгах, войне и даже смерти: они очень тонко чувствуют те вещи, которых мы боимся. А уж если они верят в Бога, то с абсолютной уверенностью в этом. Но родители редко водят таких детей в церковь, им тяжело слышать от бабок: «Поделом, за грехи вам такое!»

Источник:

ottenki-serogo.livejournal.com

Негосударственное благотворительное учреждение «Турмалин» полностью существует за счёт пожертвований и получаемых грантов.

Моя жизнь

Автобиографический очерк

Алексей Карлов

инвалид-колясочник (ДЦП),
проживает в ПНИ № 20 г. Москвы

Я хочу, чтобы эту повесть опубликовали — не ради меня, а ради других, чтобы про инвалидов знали лучше и больше. Чтобы узнали про нас, инвалидов, те, кто вообще не знает, что такое инвалид, и те, кто знает на примитивном уровне: мол, инвалид — это человек, которому нужны только ложка и кровать. Хочу, чтобы люди знали, что у нас, инвалидов с рождения, тоже есть детство, своё детство, особенное, а тот, у кого остались хорошие воспоминания о детстве, — уже богат. Хочу, чтобы мои читатели поняли: быть инвалидом — не так страшно. Куда страшней тогда, когда тебя не понимают...

Родился я в Подольске в 1983 году, 12 апреля, около двух ночи. Роды были очень тяжёлые, мама просила сделать кесарево, но врачи отказались, и в результате я родился недышащим, не прослушивалось сердцебиение, затем меня успешно оживили, я задышал, но всё это маме, находящейся без сознания, не сообщили, а позднее заверили её, что роды прошли без отклонений и ребёнок вполне нормальный.

Однако через несколько дней стало понятно, что не такой уж я нормальный, и меня положили в больницу на месяц, а мать отправили домой, продолжая успокаивать, что были кой-какие проблемы при родах, ребёнок задышал не сразу, такое часто бывает после тяжёлых родов, ничего страшного. Про диагноз ДЦП мои родители узнали лишь через восемь месяцев в районной детской поликлинике. Разгневанный отец хотел подать на роддом в суд, но в те времена такого рода судебные процессы не поощрялись, с отцом сурово поговорили... В общем, дело замяли.

Потом началось моё мучительное лечение на дому. Ко мне приходила массажистка, и, говорят, когда она делала массаж, я орал на весь Подольск. Тем не менее массаж снизил мышечный тонус, а та массажистка до сих пор передаёт мне приветы.

***

Далее был Подольский дом ребёнка (я там жил, пока родители подыскивали специализированную школу-интернат), но я его помню смутно, перед глазами возникают лишь отдельные картинки, как на пожелтевших фотографиях.

Потом была 18-я больница (Детская психоневрологическая больница № 18 на Мичуринском проспекте), я там лежал много раз, когда был маленьким. Помню, как издевался на лифтёршей: лягу животом на пол и начинаю барабанить в лифт, лифтёрша приезжает, а я убегаю — вернее, уползаю. Мне было куда удобнее передвигаться на коленках.

В больнице была игровая комната, где мы с ребятами проводили почти всё время, свободное от лечебных процедур. Ещё была большая лестница, а внизу — лазейка: туда мы собирались, вооружившись игрушечными пистолетами и карманными фонариками, там у нас был военный штаб. Однажды нас там нечаянно закрыли, но мы не испугались:

сидели в полумраке и играли своими фонариками, пока нас не обнаружили и не выгнали, отругав.

Как-то к нам привезли больного после операции. И я подумал: как можно так вот лежать так долго? Скучно и противно. А он покорно лежал в неподвижности, обе ноги в гипсе, целый месяц или даже два, и эти загипсованные ноги страшно воняли, он не мог ни помыться, ни обтереться. А когда ему сняли гипс, его бедные ноги оказались худющими как спички. Такое вот впечатление осталось от человека в гипсе... Я безмерно благодарен врачам, которые решили не делать мне операцию и сразу честно известили родителей, что мой случай таков, что операция ничего даст. Потом я встречал многих пациентов с ДЦП, кому после сделанных операций стало только хуже.

***

Летом меня отправляли в санаторий «Искра», на юг. Помню, в первый раз

меня поразило море — такое огромное, бескрайнее. Когда родители привозили меня туда, они оставались на неделю, а потом уезжали домой, а я проводил на юге три месяца.

Там была воспитатель Галина Филипповна, которая меня очень любила. Я жил на втором этаже, и Галина Филипповна всегда сама меня таскала по лестнице на улицу по два раза в день, хотя это не входило в обязанности воспитателя.

Галина Филипповна страстно хотела, чтобы я научился писать. Она даже сказала моим родителям, чтобы они мне купили толстую ручку. Купили, но она не помогла — не держалась в моих пальцах. Ещё там была девочка Ира, я с ней дружил, и мы гуляли вместе. У нас была большая палата, и там жили все вместе: и девочки, и мальчики. Помню, кровать Иры стояла рядом с моей, и мы с ней и с другими ребятами любили по ночам болтать и грызть припасённый высушенный хлеб.

Мама оставляла воспитателю деньги для меня. Когда я жил в первом отделении, деньги попадали к Галине Филипповне, и продуктов мне хватало. Во втором же отделении была другая воспитательница (не помню её имени), и еды при точно такой же сумме постоянно не хватало. Я познакомился с одной женщиной по имени Светлана и её сыном Ильёй. Мы очень подружились. На следующий год мама оставляла деньги только Светлане. Удивительно, но еды опять стало достаточно.

***

Однажды папа взял меня к себе в гостиницу. Меня очень удивило, что там везде пандусы. А в нашем специализированном для больных ДЦП санатории, как назло, одни лестницы, а пандусы только на выходе на улицу. Получалось, что на улицу можно спокойно выезжать, а в кино клуб на втором этаже, где каждый день шли фильмы, а иногда бывали и дискотеки, на коляске не попасть.

Как-то к нам приехала машина с огурцами. Они оказались жёлтыми. Директор посмотрел, понюхал, счёл их непригодными и велел все ящики отнести на свалку. Но ребята развели про это и рассказали другим. Начались походы на свалку с сумками. Мы хрустели жёлтыми огурцами по ночам. Медсестра во время вечернего обхода пугала нас поносом, но весь этаж всё равно ел вкусные огурцы. А кишечная эпидемия была

задолго до огурцов, из-за арбузов. Их как-то давали на полдник. Мы неделю провалялись в изоляторе. Зато ежедневно гуляли на улице до 11 вечера. Изолятор стоял отдельно и имел свой выход с пандусом.

Одна женщина на моих глазах украла у доктора большую сумму денег (посчитав меня ничего не смыслящим дурачком). Потом доктор обнаружила пропажу и спросила меня: «Никто не заходил?» Я сказал про женщину. Так я стал свидетелем преступления. Неделю был популярен, как звезда, так как все хотели знать подробности воровства.

***

В последний год моего пребывания в санатории в нём отдыхало много детей из интернатов. Все отмечали огромную разницу между домашними и интернатскими детьми: последние были более приспособленными, более самостоятельными и помогали друг другу.

Взрослые ребята часто во время тихого часа убегали на пляж через окно, а все были уверены, что они мирно спят в своих палатах. У нас была одна вредная санитарка, которая, уложив после ужина (в 19 часов!) колясочников спать,

уходила домой. Меня это не устраивало, и я придумал хитрость: просил старших ребят увозить меня далеко на улицу и возвращался только тогда, когда санитарка уходила домой. В этом случае меня укладывали ночные санитарки в 22 часа.

***

Каждый вечер после тихого часа у нас была зарядка. Методистку мы очень любили. Занятия она строила по-военному (кто-то из её ближайших родственников был военнослужащим). Тем, кто старался, она давала награды — настоящие использованные гильзы. Для нас это были знаки почёта, почти что медали. Но потом врачи это ей запретили: кто-то из детей сообразил сунуть гильзу в рот.

Когда я жил на втором этаже, где был кинозал, я ходил в кино почти каждый день. Нам показывали видеофильмы. Они тогда только появились и были большой редкостью. Фильмы про каратэ, боевики — мы их очень любили. Ещё я помню, как первый раз услышал по радио рок-группу «Иглз». Мне очень понравилась песня «Отель “Калифорния”». Это до сих пор моя любимая песня. Особо мне понравилось гитарное соло.

Все отмечали огромную разницу между домашними и интернатскими детьми: последние были более приспособленными, более самостоятельными и помогали друг другу

Один раз врачи мне сказали: «Приходи в кинозал, будем тебя смотреть». Там много врачей собралось и студенты-медики. Меня посадили на стол и начали читать лекцию о моём заболевании. Я как-то неуютно чувствовал себя. На меня смотрели 200 пар глаз.

***

В десять лет я передвигался на детской прогулочной коляске, инвалидной у меня не было. Сначала меня возили, а в санатории я научился ездить на ней самостоятельно, отталкиваясь ногами (и по сей день я так езжу, уже на инвалидной коляске). Если какой-то предмет падал на пол, я мог достать его пальцами ног. Если на улице я видел какой-то интересный камешек или ракушку, то скидывал ботинок и доставал пальцами ноги. А если предмет был крупный, то поднимал его с помощью двух ног. За это меня ругали, так как грязные ноги приходилось мыть нянечкам. Я обещал исправиться, но всё повторялось снова.

Однажды меня повезли в поликлинику. Я такую поликлинику видел впервые в жизни. Там было много этажей, а лестниц не было совсем, вместо них огромный широкий пандус в виде спирали. И так сконструирован, что, даже если коляска остановилась бы при подъёме, я бы не скатился вниз. Вдоль пандуса — огромная красная дорожка. Я ещё подумал: «Вот как надо делать дома инвалидов». Хорошо было бы, если бы на эти пандусы обратили внимание проектировщики домов инвалидов в будущем.

***

Помню случай. Мне было 7 лет. Родители меня вывели гулять во двор. Я и тогда не любил, и сейчас не люблю, когда за мной надзирают. Поэтому попросил маму, и она ушла домой. Я начал играть в песочек. Вдруг три мальчика и одна девочка подошли ко мне. Они оказались на 3–5 лет старше и быстро заметили, что я не такой, как они. Начались насмешки, издевательства. Отобрали у меня все игрушки. Я начал защищаться: кидаться песком, камнями. Они меня обзывали пьяницей, спрашивали: «Чего ты, встать не можешь?» А я не мог. На моё спасение пришла соседка и отогнала ребят, после чего побежала к моим родителям и сказала, что меня обижают. Родители выбежали и забрали меня. Кажется, я плакал. В этой ситуации нельзя было обижаться на ребят. Их родители должны были им объяснить, кто такой инвалид.

***

После юга меня на одну–две недели привозили домой, а потом отправляли на учёбу в 28-й интернат. Помню, как первого сентября я пошёл в школу. Была праздничная линейка. Мои родители с помощью родственников сделали мне огромную парту на колёсиках, за которой я провёл 13 лет — с 1988 по 2001 год.

Парта была не очень удобной, и я часто учился, лёжа на ковре, особенно во время урока рисования. Рисовал я всегда на полу. По рисованию у меня были всегда пятёрки, как ни удивительно. Учительница рисовала контур, а я раскрашивал. Один раз я спросил: «А за что пятёрки?» Она мне ответила: «Потому что ты цвета хорошо подбираешь». Ещё она давала на полу счётные палочки, и я мог из этих счётных палочек складывать слова и примеры.

Поначалу мне выдавали тетрадку и ручку, и я писал там «каляки-маляки». Потом родители купили огромную тетрадь на 96 листов, в которой я писал полгода, но с таким же успехом — получались всё те же каляки. Потом учительница поняла, что давать мне пустую тетрадь бессмысленно, и стала писать трафареты, которые я обводил. У меня и это плохо получалось. Потом она сдавалась и сказала: «Так учись». Учительница — Ольга Васильевна Олабина — славная, добрая, но с моим обучением не справлялась.

***

В школе у меня любимым предметом была математика, а нелюбимым — русский язык. Когда учительница показывала букву «а», то мы хором тягуче орали «а-а-а» — издевались. Моё обучение осложнялось тем, что я плохо владел речью. Занятия с логопедом мало помогали. У меня буквы «л» и «р» звучали одинаково — как в произношении, так и в голове. Для запоминания букв их нужно явственно проговаривать, а мой непокорный язык отказывался это делать. Ещё я путал «и» и «ы», «ж» и «з», «ш» и «щ». Почему меня не учили писать по карточкам с буквами или по алфавиту? Если человек не может писать рукой, так надо другие пути пробовать. Сегодня в обучении используются компьютеры, а тогда пользовались карточками. Почему эту систему обучения не применили ко мне — не знаю. А она бы оказалась куда действеннее, чем заставлять меня, децешника с выраженной дизартрией, проговаривать буквы устно.

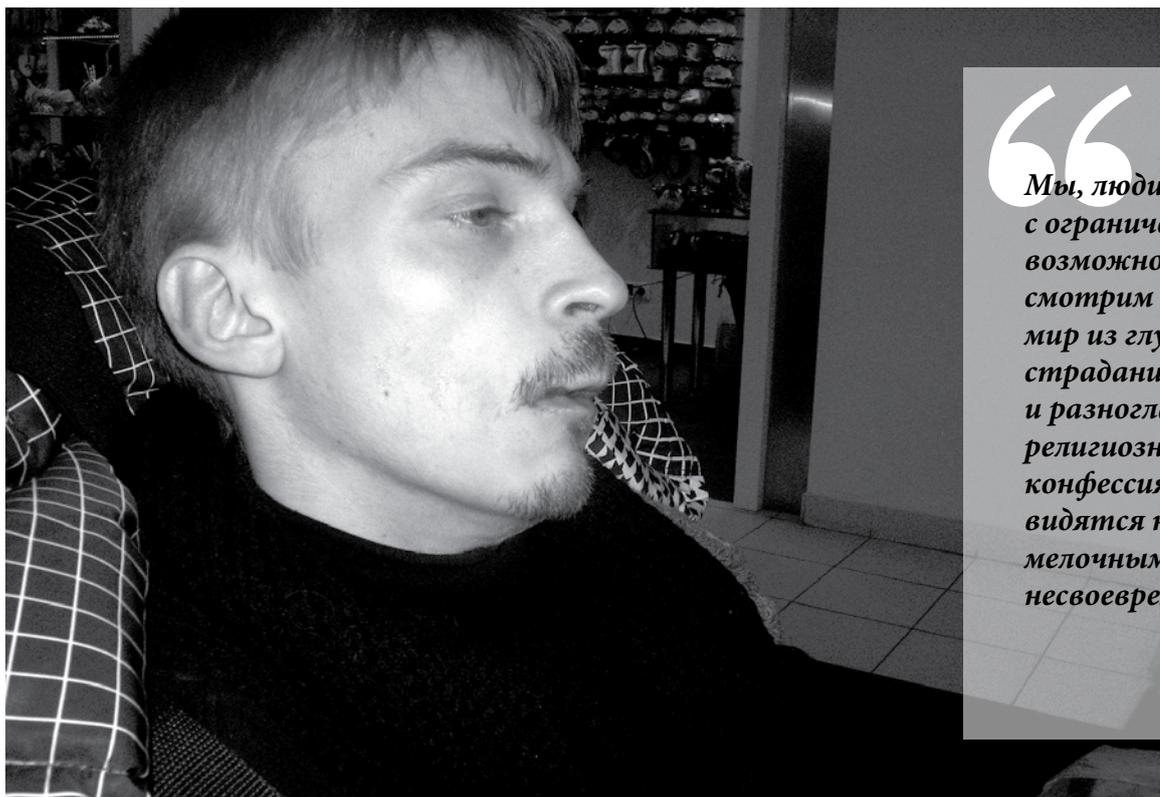
Математика была самым любимым предметом. Помню, один раз по математике я получил «два», да ещё весь класс из-за меня наказали. А дело было так. Я подсказал ребятам контрольную работу, а учительница узнала про это. Но я не обиделся, потому что правильно решил. В другой раз меня даже выгнали в коридор, чтобы я не подсказывал. Однажды меня даже в туалете заперли во время контрольной. Я на это не обижался.

***

О Боге впервые я узнал от баптистов. Они каждый выходной приходили к нам в группу и всех ребят выводили гулять в коридор (длиной чуть ли не в километр). Мы там бегали, катались. А коляски нам делали бесплатно протестанты. Ещё они приглашали к нам в интернат из-за границы спонсоров. Раз в две недели к нам приезжали американцы, китайцы, немцы. Каждому давали по мешку подарков. Потом к нам попали православные. Два года к нам ходили и они, и баптисты. Православные начали нам говорить, что баптисты плохие, что их Библия не так написана, что это ересь. Мне кажется, эти православные люди воспитали в нас экстремизм. Почти все люди в глубине души считают себя лучше других. Большинство мусульман мечтают, чтоб ислам был всеобщей религией. То же самое можно сказать и про многих православных, католиков и представителей других крупных религий. Но если будет одна религия и одна культура, мир будет неправильно развиваться. Каждому человеку подходит «своя» конфессия.

Когда я был маленьким, всё равно существовало понятие «Бог». Я по-детски мечтал, чтобы православные договорились с баптистами о разделе сфер влияния и чтобы к нам продолжали ходить и те, и другие. Мы, люди с ограниченными возможностями, смотрим на этот мир из глубины страданий человеческих, и разногласия между религиозными конфессиями видятся нам мелочными, глупыми, несвоевременными. Я точно знаю, никогда не было и не будет другого человека на Земле, который верил бы в Бога таким же образом, как я. Каждый человек уникален как Личность и этим дорог Богу, и нельзя всех под одну гребёнку стричь. Я верю в Бога слабо или сильно, но это свойство *моей* души.

Мы были детьми, походы в церковь привлекали нас возможностью

“
Мы, люди
с ограниченными
возможностями,
смотрим на этот
мир из глубины
страданий человеческих,
и разногласия между
религиозными
конфессиями
видятся нам
мелочными, глупыми,
несвоевременными
”

сменить обстановку, выйти на улицу. Я больше любил по улице ехать на коляске, чем в автобусе, — чтобы видеть людей и дома. Годами мы сидели в одной группе, ничего не видели. Каждый нормальный человек хочет капельку свободы. Храм для нас был как эта свобода, которой в интернате мы не находили. Меня исповедовали, причащали. Грехи на бумажке записывали волонтеры по благословию батюшки. Чего мне не хватало на исповеди — наставления, как быть. Мне кажется, у любого священника, который работает с инвалидами, должно быть знание, что мы не как все. Я думаю, что в семинариях надо ввести отдельный предмет «общение с инвалидами».

***

В то время (1990-е гг.) в стране только только появился «Макдональдс». Я помню, когда мы первый раз поехали на соревнования для инвалидов, организаторами были сотрудники «Макдональдса». Там были гонки на колясках, боулинг, хоккей. Ходячие бегали, прыгали. Это проходило на большом стадионе, похожем на аэродром. И тогда мы в первый раз попробовали еду из «Макдональдса». Потом люди из «Макдональдса» стали к нам приходить и набирать группу для соревнований. Но я, увы, туда не попал. А попавшим счастливым участникам соревнования очень понравились.

***

На Новый год родители брали меня домой. Я очень любил там кататься на горке. Около дома была огромная снежная горка возле гаражей. Там проходят зимние лыжные соревнования, и дети любят там кататься. Я хорошо держу равновесие, а ногами тормозил. Много раз падал в снег, но всё равно меня это не останавливало. Один раз я так упал, что всё лицо расцарапал, потому что упал не на снег, а на сухие ветки.

В 11 лет мне на день рождения первый раз подарили игровую приставку «Денди». Я очень любил в неё играть. Играл одной рукой, хотя игра требует участия обеих рук. Больше всего мне нравилась игра «Робот и полицейский». Там я одной рукой ходил, а коленкой стрелял. Таким образом два пульта поломал.

***

Перестав ездить на юг, я три месяца был на даче с бабушкой и дедушкой. Дед был заядлым рыбаком. Он ходил в лес за грибами, оттуда приносил большие палки. Мы из них делали удочки. Дед меня учил напильником работать, чтобы кору с деревьев очищать. Бабушка моя нас с дедом ругала, потому что, когда я очищал палку напильником, на руках появлялись мозоли. Она боялась. Я очень любил деда, потому что он мои идеи понимал. Когда я был маленький,

он сажал меня на спину и таскал. Ещё я очень любил в лесу ползать на коленках. Я умел находить грибы, мог далеко заползти — очень люблю красивый лес. Помню, однажды я нашёл огромный белый гриб. Мама из него суп сварила, и мы всю неделю ели. После такой прогулки у меня чуть-чуть болели коленки. Но я всё равно ползал. Мне такие прогулки очень нравились, а на коляске не проехать.

***

Помню, как меня в 28-м интернате перевели в 10-ю группу. Это была старшая группа, возраст воспитанников от 13 до 18 лет. Нам очень нравилась запретная музыка с плохими словами — например, «Сектор Газа», «Красная плесень». Нас ругали, нам запрещали, но мы всё равно слушали. Нам казалось, что содержание песен совпадает с нашими внутренними переживаниями. Это давало ощущение свободы. Группа «Сектор Газа» правильно пела про жизнь русского народа, как он на самом деле живёт. Хотя и обидно, но правильно они поют. Особенно песня «Гуляй, мужик!». Когда я был маленьким, я не понимал группу «Кино». Когда мне исполнилось 16–17 лет, я начал эту группу любить и понимать, о чём они поют. Мне кажется, Виктор Цой рассказывает в текстах своих песен о том, чего душе русского народа не хватает.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Наказание — преступление

Ирина Млодик
психолог

Психологи считают, что за пользу физических наказаний чаще всего вступаются те, кого никогда не били... или те, кого лупили так, что они всеми силами теперь хотят это забыть. Или оправдать. Симптоматично, что подавляющее большинство взрослых в сознательном возрасте оказывается не в состоянии вспомнить, за что их в детстве ставили на гречку и избивали ремнём. И никто из них не говорит: «Меня наказывали». Все говорят: «Били». И все они убеждённо повторяют: «Так, как меня, воспитывать нельзя!»

Бытует мнение, что, если ребёнок боится наказания, он не совершает каких-то проступков. На мой взгляд, ключевое слово здесь — «боится». Ребёнок — существо формирующееся; он иногда, условно говоря, не знает, что хорошо, что плохо. Он не знает пока, как его поступок или действие отразится на нём или на окружающих. И наша задача как родителей ему в какой-то момент говорить: «Остановись, ты сейчас сделаешь что-то не то». При этом достаточно ему сказать «стоп» и поговорить, если речь идёт о воспитании. Можно его физически остановить — подержать за плечики, убрать руку, которая кулак заносит, и так далее. Для чего его наказывать?

Но большинство людей хотят как проще. Наказать проще — сто процен-

тов. Потому что потом ребёнок боится, а страхом легко управлять. Страх — это эмоция, которой легко манипулировать. Если мы хотим ребёнка в уважении растить — это, безусловно, сложнее. И если нам кажется, что ребёнок намеренно провоцирует шлепок, подзатыльник, правильным будет не поддаваться на провокацию, а попытаться понять, почему его так тянет делать то, что ему запрещают? Либо ему скучно, либо это запрещённое ему на самом деле очень интересно, либо он хочет внимания. И если мы уделим ребёнку внимание, то нам не надо его наказывать.

Мы хотим, чтобы они к нам не приставали, эти дети, слушались, были управляемыми и, самое главное, чтобы нам не надо было включаться. Потому

что это трудно, и я понимаю этих родителей, сама так же иногда поступала. Но если организовать ребёнку интересную среду, ему не будет необходимости нас доводить, привлекая таким образом внимание. Да — воспитание детей требует от нас много творчества, нестандартных и непростых решений.

МНЕ ВСЁ ДОЗВОЛЕНО?..

Нередко родители объясняют существующую систему наказаний страхом вырастить ребёнка с ощущением вседозволенности. Однако когда мы обозначаем границы, не запрещается всё подряд, и ребёнок этот запрет слышит. Если есть границы — нет вседозволенности. Поэтому я бы переформулировала наказание просто в умение говорить ребёнку «нет», ставить запреты, обозначать границы. А наказание — это когда мы его не только остановили, но и сделали внушение, осудили, а иногда, к сожалению, и унизили за то, что он совершил. Как будто он так не понял... На самом деле, это иллюзия: дети шалят, хулиганят вовсе не потому, что они не понимают, как правильно.

Трёхлетний ребёнок, который играет с выключателем, прекрасно знает, что делать этого не надо. Задача у него другая — привлечь папино внимание. А если папа его шлёпает, он, по сути, говорит: «Ты плохой». Папа наказывает ребёнка за простую человеческую потребность — потребность во внимании. И у него откладывается не то, что папу надо слушаться, а «когда я чего-то хочу, мне этого не дадут, а ещё и накажут». Вот то, что остаётся в сухом остатке. И это не совсем то, чего бы мы хотели.

ЧЕМ МЕНЬШЕ «НЕТ» — ТЕМ СЕРЬЁЗНЕЙ «НЕЛЬЗЯ»

Нередко встречается точка зрения, что если ребёнка не наказывать, то он не привыкнет к дисциплине и, выйдя в больший мир, столкнётся с шоком от того, что есть какие-то ограничения, что есть в принципе наказание. На самом деле, это тоже довольно сильно искажённое представление. Если у вас в семье внимательны друг к другу, то когда вы говорите ребёнку: «Нет, ты не можешь это сделать» — или: «Я очень расстроена, что ты это сделал» — он прислушивается к вам. Потому что это звучит веско. Дети прислушиваются к взрослым в тех семьях, где им уделяется достаточно времени и внимания. И ещё важно, что в этих семьях редко что-то запрещают.

В традиционной нашей семье ребёнок начинает слышать «нет», как только он пошёл: «Не лезь, не трогай, не ходи, не включай, не выключай, не бери». На всё практически мы говорим «нет». В череде этих бесконечных запретов ещё одно «нет» ребёнок просто не воспринимает. И мы тогда вынуждены повысить степень воздействия — накричать или стукнуть. А ведь гораздо проще надеть ребёнку резиновые сапоги, нежели всё время повторять: «Не шлёпай по лужам, не шлёпай по лужам!» Гораздо проще обустроить ребёнку среду, чем всё время что-то запрещать. Когда мы всё запрещаем, мы вынуждены жить в постоянной конфронтации с ребёнком. А если ему многое можно, то наше «нельзя» он воспринимает с гораздо большим вниманием. «Нельзя» должно остаться для каких-то серьёзных вещей.

ЧЕТЫРЕ РАЗНЫХ ОПЛЕУХИ

Физическое наказание на порядок тяжелее, чем просто наказание. Его мож-

но условно разделить на три вида. Во-первых, если мы шлёпнули, дёрнули сторяча. Тут ребёнок в какой-то степени понимает, что мама разозлилась. Иногда он даже понимает, что это он её довёл. Подобное наказание воспринимает ребёнок так: «Обидно, конечно, но это я маму довёл». У него не возникает ощущения ужасной несправедливости.

Второй вариант — это когда ребёнок совершил реальный проступок, ужасный, какую-то гадость. В его семье это не принято, и он получает наказание: шлепок или ещё что-то. В этом случае ребёнок воспринимает так: «Неприятно, конечно, но справедливо, потому что всё-таки я виноват».

И третий случай, к сожалению, наиболее распространённый. Когда детей наказывают просто потому, что своя жизнь не удалась, потому что злости много накопилось, потому что мы считаем, что он нам жизнь испортил. Или просто потому, что считаем это правильным. В этом случае реакция родителей бывает неадекватна проступку.

Ещё есть некий четвёртый случай, когда у родителей психиатрическое заболевание — психопатия, например.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

“Человек, которого били, впоследствии начинает сам провоцировать насилие”

Что происходит с ребёнком, когда его физически наказывают или на него всё время сильно орут и ребёнок постоянно боится? Он регулярно становится жертвой родительского насилия, и у него начинает формироваться комплекс жертвы: «Я — человек, на которого можно кричать и поднимать руку».

ЖЕРТВЕННАЯ РОЛЬ

Дальше — больше: человек, которого били, впоследствии начинает сам провоцировать насилие. Он начинает формировать вокруг себя точно такое же поле, в котором он жил. Допустим, папа в детстве обижал девочку, она потом выросла, вышла замуж и подобрала себе в мужья молодого человека тише воды ниже травы. Но своим сформированным комплексом жертвы она сделает из него насильника: сначала от её поведения он будет испытывать сильнейшее чувство вины, это вызовет в нём злость, он устанет быть виноватым, сорвётся на неё и либо накричит, либо ударит.

Вообще жертвы притягивают, аккумулируют вокруг себя насилие. Людям, которых били в детстве, попадают на начальники, которые обязательно именно с ними плохо обращаются. Обязательно на них наорёт продавщица в магазине, их багаж потеряют. С ними начинают происходить бесконечные жертвенные истории. Всё насилие мира начинает фокусироваться возле людей-жертв. Потому что, если вы не жертва, вы по-другому реагируете, другое послание забрасываете в поле и с вами подобные истории либо не происходят, либо их значительно меньше.

Очень трудно перестать быть жертвой, это становится выгодно: жертва — это несчастный, обиженный человек, но зато ему все сочувствуют, все помогают. Жертве часто трудно стать успешным, богатым человеком. Иногда даже видно: человек начинает расти по карьерной лестнице или в деньгах, а потом обязательно что-то такое себе устроит, чтобы откатиться назад. У жертвы рост благосостояния, успешности, удовольствия от жизни будет постоянно прерываться попытками пострадать.

КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ НАСИЛИЕ?

У каждого из нас есть теневая сторона — некое зло внутри. Но всё-таки, когда мы думаем, применять насилие по-

отношению к ребёнку или нет, нам важно решить, какой судьбы мы ему хотим. Это раз. И второе. Когда мы срываемся на детей, орём или даже можем ударить, есть две большие разницы: это просто срыв или уже насилие. А насилием наказание становится тогда, когда мы не разрешаем ребёнку в ответ проявить свои чувства. Если ребёнку сказали: «И вообще молчи, почитай отца, отец орёт-бьёт, — значит, нужно, не моги в ответ проявить ничего своего» — вот в этот момент человек становится жертвой. А если вы даёте ему право на ответную реакцию, на то, чтобы он выразил свои чувства — разозлился, расплакался, возмутился, сказал: «Мама, ты не права, и вообще, не кричи на меня», если ребёнок может каким-то образом защитить себя, — это говорит о том, что мы растим не жертву.

Когда ребёнок сохраняет свою позицию, собственное достоинство, тогда он просто встречается с сильными чувствами родителя. В ответ он тоже может выразить свои сильные чувства, и тогда это некая конфронтация, явление совершенно неизбежное, когда рядом живут два человека.

Если мама говорит: «Знаешь что — твой поступок сейчас меня реально разозлил, я ужасно зла» — тогда ребёнок понимает: поступок разозлил. Я нормальный, а поступок совершил дурац-

кий. Это одно. А если идёт наказание и сопутствующее ему осуждение: «Как ты не понимаешь! Что ты за человек такой! Да мать тебе не нужна!» — у ребёнка возникает ощущение, что он весь плохой. Не поступок плохой — я ужасный. А раз я ужасный, кто ж меня любить будет? И это «я ужасный» остаётся жить очень надолго. Живёт, варится и провоцирует ещё на что-то.

РОДИТЕЛЬ ИЛИ ЖЕРТВА?

К сожалению, нежертвенное поведение в нашей стране — редкость. Как правило, взрослые у нас говорят: «Я родитель, у меня должен быть авторитет, и когда я наказываю, я демонстрирую, кто тут главный». Это попытка завоевать авторитет на страхе. У авторитета на уважении мотивация иная: «Я слушаю свою мать, потому что я её уважаю. Потому что я признаю в ней человека, который более опытен, чем я. Мне иногда и не хочется, но раз она говорит мне, что так не принято, то я её слушаю...» Такой авторитет сложнее завоевать, в него надо больше вкладываться.

Если же родитель сам жертва, ему будет очень трудно воспитать ребёнка в других моделях. Ему надо в первую очередь измениться самому. Тогда он сможет выйти из порочного круга насилия и в отношении собственного ребёнка.

Бывает так, что родитель-жертва сначала говорит: «Так, ладно, меня били, значит, я бить не буду. Я буду объяснять». Объясняет, ребёнок не понимает, в какой-то момент родитель срывается, орёт, потому что сколько можно! в десятый раз! — и пожалуйста: он воспроизвёл ту же самую модель. Потому что у родителя-жертвы в голове нет даже идеи, как воспитывать по-другому. Он может сказать себе: «Папа на меня давил, я не буду давить». Но обратное — не есть другое. Без границ ребёнку плохо, и ребёнок будет провоцировать взрослого на то, чтобы эти границы поставить. А взрослый будет ставить границы так, как умеет, — на срыве, на крике. Что он после этого будет чувствовать? «Ужас! Я наорала, накричала на девочку! Я становлюсь такой же, как мои родители! Значит, орать не нужно, надо это всё сдерживать». И сдерживается. До какого-то момента...

***

Всем нам необходимо подумать о себе и своём собственном воспитании, о своих родителях. И только если каждый взрослый, которого постигла участь быть жертвой, психологически изменится — только в этом случае мы изменим общество в целом и его отношение к отдельным вопросам. В том числе — к вопросам воспитания детей и их прав.

Веб-ресурс в помощь жертвам насилия

Специальный сайт для выпускников детских домов, переживших насилие, запущен в Екатеринбурге. Это первый городской веб-ресурс, с помощью которого жертвы насилия могут обратиться со своей проблемой к специалистам и получить профессиональную психологическую помощь. Уже сегодня сайт работает по следующему адресу: www.nasiliunet.ru. Он разработан в рамках проекта «Нет» насилию в отношении детей» Некоммерческого партнёрства «Семья детям». Проект реализуется в Екатеринбурге при финансировании Всемирного фонда «Детство» и при поддержке уполномоченного по правам ребёнка в Свердловской области Игоря Морокова.

Основная задача сайта — предложить людям, которые пережили насилие, воспитываясь в детском доме или другом учреждении государственного воспитания, психологическую помощь. Благодаря сайту у таких людей появится возможность поделиться своей проблемой с организаторами проекта, попросить о помощи, более подробно узнать о проблеме насилия, а кроме того, найти ответы на самые волнующие вопросы.

Работа организаторов проекта с обратившимися за помощью через сайт состоит из трёх этапов. Первый —

диагностический, на котором определяется степень сложности выявленной проблемы. На втором этапе в самых сложных случаях жертвам насилия предоставляется психологическая помощь профессиональных психотерапевтов Екатеринбурга — на условиях полной конфиденциальности и совершенно бесплатно (отметим, что такая реабилитация будет предоставлена только выпускникам закрытых госучреждений, в возрасте от 18 до 24 лет). На третьем этапе те, кто пережил насилие или был его свидетелем, смогут принять участие в разработке механизма его предотвращения в детских домах, а именно — внести свой вклад в составление программы обучения для педагогов и специалистов, работающих с детьми в закрытых госучреждениях.

Реализация проекта «Нет» насилию в отношении детей» рассчитана на 3 года. Предполагается, что на заключительном этапе проекта сайт будет служить инструментом для определения и отслеживания ситуации, связанной с насилием в области, а также станет независимой площадкой, где можно будет получить актуальную информацию по проблемам насилия и о том, куда можно обратиться за помощью в Свердловской области.

Пронина Галина, 12 лет (галерея «Изопарк»). Мои зверюшки

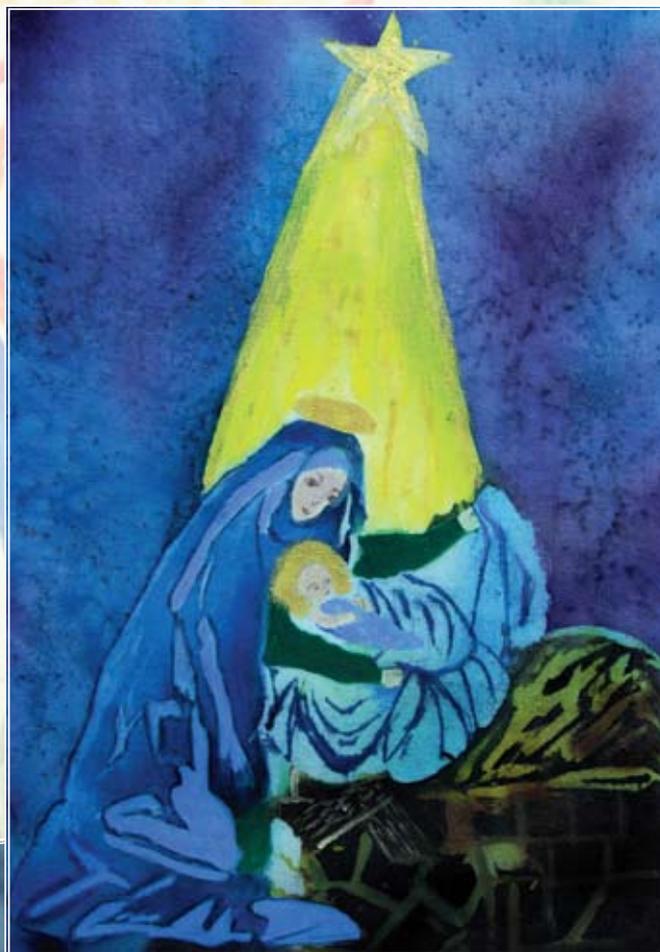
Шумейкина Рита, 14 лет (галерея «Изопарк») Русская музыка

Фролова Василиса, 12 лет (галерея «Изопарк») Звуки гармошки

Зайцева Евгения, 13 лет
Фея Сирень (батик)

Байбакова Маша, 11 лет
Вифлеемская звезда (батик)

Полякова Жанна, 12 лет
Кошачий город (батик)

Наумова Катя, 13 лет
Бегемот (керамика)

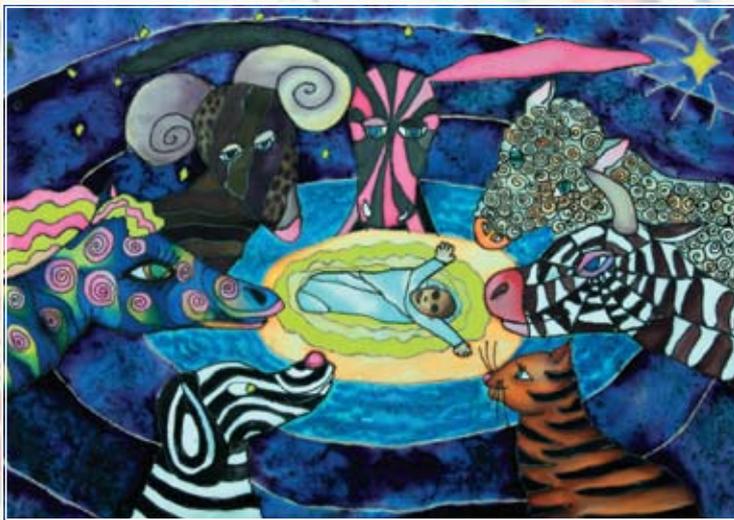

**Представляем работы ребят,
занимающихся
в Творческой мастерской «Ясенево».**

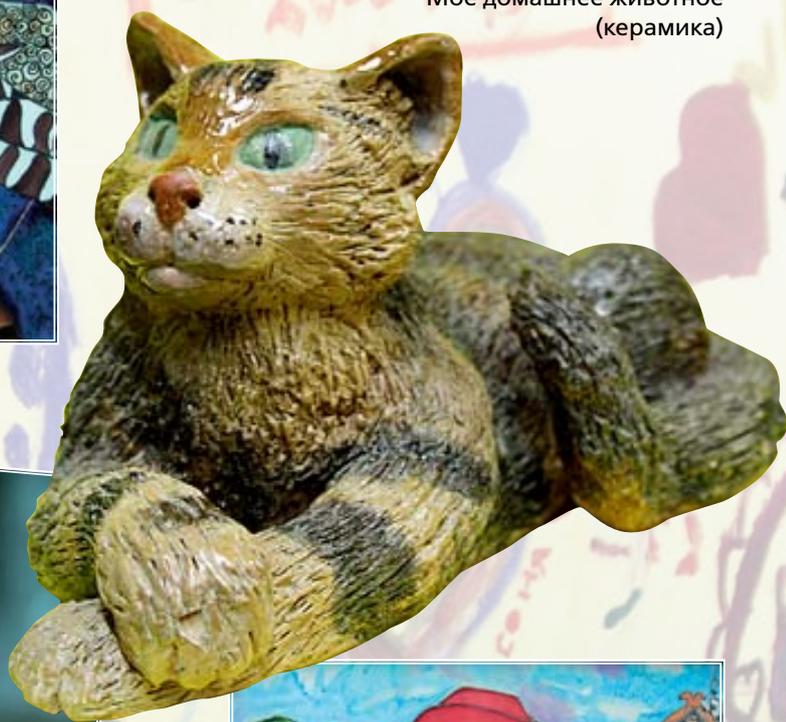
Рассказ о мастерской читайте на странице 49.

Редакция журнала «Защити ребёнка!»
всегда с удовольствием публикует детские рисунки.

Присылайте работы по адресу
protectachild.magazine@gmail.com.

Журавлева Вика, 10 лет.
Рождество Христово (батик)

Зимин Антон, 14 лет.
Моё домашнее животное
(керамика)

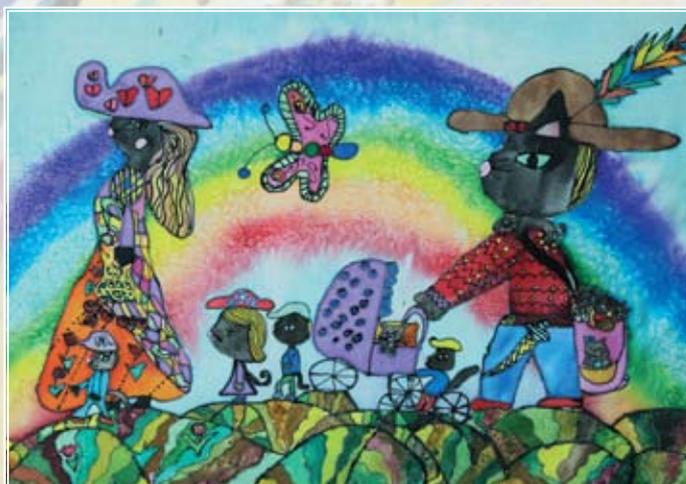
Фадеева Даша, 11 лет
Ожидание птенца
(керамика)

Афоница Вика, 8 лет
Красная Шапочка
(батик)

Сурконт Дина, 8 лет
Подарок Феи Сирень (батик)

Орлова Даша, 7 лет
Кошачье семейство (батик)

Якушева Дарья, 13 лет (галерея «Изопарк»). Детский парад мечт

Шихова Настя, 12 лет (галерея «Изопарк») Любовь-морковь

Кавтарадзе Майя, 11 лет (галерея «Изопарк») Орбитальная станция

Страшная сила

Валерий Панюшкин

писатель, журналист

Про то, что в Петербурге в нарушение всех мыслимых законов и здравого смысла пенсии детей-инвалидов перечисляют на специальные счета детей, так что родитель не может воспользоваться пенсией своего ребёнка без разрешения органов опеки, — писали многие. Писал мой товарищ Виктор Костюковский, писал я, писали питерские журналисты, писали многочисленные блогеры. Это очевидное беззаконие. Родитель, ухаживающий за больным ребёнком, вынужден сидеть в очереди в опеке и доказывать, что пенсию ребёнка не собирается пропить и прогулять. Это откровенное попрание принципа презумпции невиновности. Но каков результат?

В суд, насколько мне известно, подал один человек в Петербурге, и суд он проиграл. Я не обладаю точной статистикой, но даже в самом грубом приближении: если в Петербурге живёт чуть больше четырёх с половиной миллионов человек, то детей из них один миллион сто тысяч — ну, пусть, грубо, миллион. Если верить Росстату, что детская инвалидность составляет два процента (хотя во всём мире инвалидов — десять процентов от популяции; правда, всех возрастов), то инвалиды из них — двадцать тысяч. Ну хорошо! Уменьшим цифры вдвое — десять тысяч.

Люди! Вас десять тысяч! Вас, чьим детям завели специальные пенсионные счета. Вас, кто не может снять со счетов своих детей пенсии без того, чтобы подвергнуться унижениям, без того, чтобы отстоять очередь в собесе, без того, чтобы доказывать, что выделенные государством деньги будут потрачены на лечение детей, на одежду детям, на питание детей. Вас десять тысяч — тех, кто должен доказывать, что он не верблюд, что он не собирался грабить своего ребёнка, а собирался расходовать инвалидную пенсию своего ребёнка на помощь ребёнку, — десять тысяч. Какого чёрта в суд подал один человек?!

Даже если только каждый десятый из вас подаст в суд, это будет коллективный иск от тысячи человек — у судьи взорвётся мозг. Даже если каждый сотый из вас напишет исковое заявление — это будет коллективный иск от ста человек. Больше число людей в России подавали иски только по поводу украденных квартир или фальшивых джинсов.

Какого чёрта вы молчите, я хотел бы знать?

Вернее — нет, я понимаю. Растить больного ребёнка очень трудно. У вас, родителей детей-инвалидов, нет времени и сил, чтобы таскаться по судам. Вам нужны время и силы, чтобы заниматься детьми. И жалкие восемь тысяч рублей — не та сумма, на которую стоило бы потратить время и силы, отнимая их от занятий с ребёнком. Я понимаю.

Но мне всё равно обидно. Мне всё равно обидно, что достойнейших людей, посвятивших свою жизнь выживанию ребёнка-инвалида, обязывают доказывать, что они используют по назначению копеечную государственную пенсию.

И вот что я предлагаю. Вам не нужно ходить по судам. Мы сделаем всё

за вас. Вам нужно всего лишь обратиться в проект «Правонападение» Российского фонда помощи. Мы сами составим и подадим за вас иски, мы сами пойдём за вас в суд. Мы не возьмём с вас ни копейки денег. От вас требуется только выразить своё желание подать иск и не скрывать своего имени в документах.

Я знаю многих родителей детей-инвалидов. Я вижу их самоотверженность и их труд. Мне обидно, что государство заставляет их доказывать, что они не пропьют пенсии своих детей. Тем более что требовать подобных доказательств — совершенно незаконно.

Источник: www.svobodanews.ru

«Мне все должны!»

Ирина Ромина
 журналист, г. Череповец

Люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации... Какие они разные! Один, сцепив зубы, будет делать всё, чтобы заработать достаточно средств для себя и семьи, выбраться из ямы — и ни за что не попросит помощи; другой замкнётся в себе и станет пытаться примириться с такой жизнью, считая её наказанием за что-то — а наказание надо терпеть; третий попытается любым способом избежать тех неприятных эмоций, которые испытывает, — и уйдёт в запой, игроманию или наркозависимость... Вариантов поведения множество. И каждому человеку нужна разная помощь: снижать внутреннюю напряжённость, научиться просить поддержки или наоборот — решительнее действовать самому, брать ответственность за свою жизнь и при этом не сгибаться под её грузом, а наполняться энергией.

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КЮНЬШИНА

Но есть люди, которых можно выделить в особую категорию: они хотят, чтобы им платили различные компенсации, оказывали разнообразную материальную помощь — а сами они к своей судьбе вроде бы и отношения не имеют. Их девиз можно было бы выразить фразой «Мне все должны!».

— Приходит к нам женщина, просит оказать материальную помощь на ребёнка, — рассказывает директор Кризисного центра помощи женщинам (г. Санкт-Петербург) Марина Гречишкина. — Смотрим её доходы, удивляемся: «Вы работаете, и у мужа зарплата неплохая...» — «А хоть чего-нибудь от государства получить!» — откровенно отвечает она. Нет, мы не против того, чтобы помогать тем, кому трудно, — но только если человек сам для себя что-то сделает. Иначе — только иждивенцев плодить.

КТО ТАКИЕ ИЖДИВЕНЦЫ?

Есть иждивенцы по определению: дети, инвалиды, люди, которые не могут работать, чтобы обеспечить себя. Но есть иждивенцы «по призванию» — люди, которые и не хотят обеспечивать себя сами, предпочитая выпрашивать мате-

риальные блага. Женщина, которая, не имея высокой зарплаты, уверена, что должна вкусно и дорого есть каждый день, при этом не платит за съёмное жильё и... лишается его. Мужчина, не работающий несколько лет, хотя в семье растёт ребёнок, а жена — учительница с небольшой зарплатой. «Мне не по душе те специальности, которые предлагают!» — заявляет он.

— И он говорит правду, — неожиданно соглашается Зоя Кудряшова, руководитель проекта «Территориальная социальная служба» программы «Дорога к дому» (г. Череповец). — Ему «не по душе» быть самодостаточным человеком, ему важнее сохранить свой статус просителя и выгоды, которые он получает в связи с этим: сочувствие окружающих, различные блага и льготы.

Сколько подобных историй расскажет вам любой специалист социальной сферы! Как пытаются скрыть реальные доходы, чтобы получить какие-нибудь выплаты; если же их выводят на чистую воду — пишут жалобы. Но чаще приходят и просят, просят, а потом уже и требуют. Марина Гречишкина вспоминает:

— Специалист из Германии, с которым довелось общаться, так проком-

ментировал эту ситуацию: «У нас, если у людей возникает проблема, они собираются вместе, создают сообщество и думают, как её решить. У вас же в России ищут людей, которые за них эту проблему решат». Сначала я обиделась за родину, но потом вынуждена была согласиться...

ОТКУДА БЕРЁТСЯ ИЖДИВЕНЧЕСТВО?

Ещё не так давно государству было даже выгодно, чтобы люди возлагали все свои надежды на власть. Власть становилась всемогущей: от её представителей зависело, получит ли человек квартиру, хорошую зарплату, машину, дачу или другие блага. Соответственно была возможность контроля и учёта — что кому дали и выделили. Взамен у людей культивировалась уверенность: всё будет, всё дадут, государство о них заботится (только будь хорошим с его, государства, точки зрения). Появлялось приятное ощущение стабильности, уверенности в завтрашнем дне.

Но ощущение это обманчиво, не зря из глубины веков поговорка пришла: на

Бога надейся, а сам не плошай. И многие люди уже тогда крутились, как могли: искали шабашки, умели экономить, виртуозно чинить или перешивать старую одежду, мастерить и рукодельничать, обустривать свой быт без лишних затрат... После развала прежней страны им было, наверное, легче: они не надеялись на дядю, а умели находить выход из сложных ситуаций, умели брать ответственность за свою жизнь на себя.

Гораздо труднее пришлось тем, кто верил в заботу государства, ждал от него помощи и отвык делать что-то сам.

— И это не плохие люди, — подтверждает Зоя Кудряшова, — просто они так привыкли жить.

ОТ БЕСПОМОЩНОСТИ — К ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Вопрос вопросов: можно ли изменить отношение таких людей к жизни, к себе — если им так комфортно в своём статусе и положении?

— Перед специалистами социальной сферы стоит непростая задача — научить наших клиентов находить решения самостоятельно, — говорит Марина Гречишкина. — И это должно быть выгодно государству: финансирование на эту работу во много раз сократит расходы на лечение и реабилитацию уже опустившихся — наркоманов, алкоголиков — и на преодоление последствий их «деятельности».

Для этого в Кризисном центре помощи женщинам психологи и соцпедагоги работают со своими клиентками индивидуально и в группах, учат уверенному поведению, умению ставить цели и достигать их, общаться — в семье и не только. Помогают пережить развод — найти в себе внутренние резервы в этой непростой ситуации. В итоге женщина начинает верить в свои силы, убеждает-ся, что она сама многое может.

Особенно это важно для юных клиентов отделения «Маленькая мама» — несовершеннолетних девочек, родивших ребёнка, но не знающих, как быть дальше. У кого-то нет жилья, у кого-то — средств к существованию (поскольку никакие документы не оформлены, даже помощь от государства не получить). Многие не знают, как ухаживать за малышом. Всему этому они и учатся в отделении, где им предоставляют временное жильё, питание, где с ними работают специалисты. И наступает день, когда девочка-подросток, ставшая

мамой и не бросившая своего ребёнка, выходит в самостоятельную жизнь.

— Они долго ещё звонят нам, советуются, делятся успехами, — говорит социальный педагог центра Нонна Дубровина. — Даже во время нашего двухдневного визита в Череповец позвонили четверо! Для них значимо это общение, а мы радуемся, что девочки становятся самостоятельными, наша работа приносит плоды.

Те же проблемы и радости, наверное, у специалистов по социальной работе во всей России.

— Работать с такими клиентами, пожалуй, труднее всего, — отмечает Зоя Кудряшова. — Ведь им довольно комфортно в своём состоянии: их жалеют, помогают. Зачем прилагать усилия и что-то менять?

— А действительно — зачем? Можно ли изменить эту позицию?

— Да, можно, — говорит Зоя Эдуардовна. — Для этого нужно вместе с такими людьми исследовать их потребности, обсуждать, для чего им это нужно.

— Но вот у девушки, о которой мы упоминали в самом начале, потребность: каждый день на завтрак, обед, ужин есть мясные деликатесы, в крайнем случае котлету. Денег не хватает, и она не идёт их зарабатывать, а чувствует себя обиженной.

— А настоящая ли это потребность? Наша клиентка считала, что все люди так живут: питаются вкусно и обязательно дорого, а о том, к чему это может привести, она просто не задумывалась из-за недостатка жизненного опыта (эта молодая мама — выпускница детского дома). И мы говорили с ней о том, что для неё важнее: вкусно покушать каждый день или сохранить крышу над головой. Она не понимала — ведь всю жизнь о ней заботилось государство, решало все её материальные проблемы. И девушка была очень удивлена, узнав, что поддерживают только детей, а о себе она должна заботиться сама, поскольку в состоянии работать: «Мне же кушать нечего!» — твердила она.

— Как же удаётся изменить убеждения таких людей?

— Мы стараемся прояснить их собственное отношение к этой позиции: какие выгоды приносят постоянные просьбы о помощи? Обычно оказывается, что таким способом люди получают некое признание: им оказывают внимание, их выслушивают, стараются помочь. Затем мы говорим о том, на-

сколько значимо для них именно такое признание, что изменится в их жизни, если они потеряют этот статус. Ведь когда мы что-то меняем в своей жизни, то всегда что-то приобретаем, что-то утрачиваем. «Почему быть успешным, по вашему мнению, менее выгодно, чем быть постоянным просителем?» — спрашиваем мы таких клиентов.

— Наверное, часто оказывается, что человек не имеет профессии, не знает, где и как заработать? А «просительная» дорожка уже протоптана, известна, привычна...

— Да, и мы обсуждаем вместе с ними иной вариант: больше зарабатывать, искать возможности для этого — и реализовывать свои материальные потребности; может быть, это лучше, чем постоянно просить — ведь могут и отказать.

Наверное, это во многом особенности российского менталитета: быть успешным, состоятельным и здоровым — не повод для уважения, а предмет зависти, причём зависти нередко агрессивной. Если же человек безработный, считает копейки, жалуется на свою жизнь — его, скорее всего, пожалеют, вместе возмущаются правительством, местной властью, работодателями — всеми, кто «должен» что-то делать для блага людей. Психологи объяснили, почему так происходит: к сожалению, в России после всех исторических катаклизмов многие люди находятся в состоянии социальной беспомощности — а значит, не в силах заботиться о себе сами, не верят, что смогут быть успешными. Ведущие специалисты социальной сферы, в том числе специалисты программы «Дорога к дому» и её проекта «Территориальная социальная служба», финансируемого ОАО «Северсталь» и Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, работают с такими людьми. Они помогают клиентам выходить из этого состояния, чувствовать себя увереннее и брать на себя ответственность за свои дела и поступки. И это — великое благо для оказавшихся в беде и для нас с вами. Ведь проявления социальной беспомощности — не только апатия, но и алкоголизм, наркомания, преступность и многие другие негативные общественные явления. А также бесконечные средства, потраченные на помощь вполне трудоспособным людям, которые не могут сами прокормить себя и своих детей...

Источник: дорога-к-дому.рф

Помощь сироте: ликбез для волонтера

Татьяна Панюшева

психолог, кандидат психологических наук

РИСУНКИ: НАТАЛЬЯ КОНЫШИНА

На первый взгляд, для волонтерства не требуется ничего, кроме энтузиазма, свободного времени и желания потратить его на добрые дела. На самом деле, одного благого порыва достаточно далеко не всегда: волонтер, отправляющийся в детский дом, должен иметь четкое представление о том, с чем он может столкнуться в учреждении и как ему следует себя вести в той или иной ситуации.

Дети попадают в учреждение или вследствие того, что от них отказались при рождении, или после изъятия из кровной семьи, жизнь в которой стала небезопасной. Ребёнок, отказной с самого рождения, находится в состоянии глубочайшей депривации. У него никогда не было опыта отношений с любящим взрослым, с человеком, который заботился бы конкретно о нём, удовлетворял его физические и эмоциональные потребности. Живя в учреждении, маленький человек лишён жизненно необходимого контакта с родителями и личного пространства. Он не знает, откуда он взялся в этом мире, не понимает, что и как происходит в его жизни. При этом он постоянно перемещается: роддом, больницы, санатории, дом ребёнка, детский дом, школа-интернат... Для него ни в чём нет постоянства. Кроме того, у ребёнка нет ощущения, что в жизни что-то может зависеть от него самого, — по сути, с ним обращаются

как с пассивным объектом, не имеющим собственных желаний и воли.

Ребёнок, находящийся в учреждении, переживает ощущение собственной непохожести на домашних детей, ощущение, что он чем-то хуже остальных, ведь другие живут в семьях, а он — нет. Такое положение вещей ещё больше утверждает воспитанника детского дома в негативном самовосприятии. Следствие описанных обстоятельств — низкая самооценка, свойственная детям-сиротам. Для формирования уверенности в себе очень важны индивидуальная забота родителей, их поддержка и вера. Если их нет — ребёнку не на что опереться, ему неоткуда знать, что он может быть нужным и любимым.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИРОТЫ

Дети, которые были изъятые в том или ином возрасте из кровной семьи, с одной стороны, похожи на отказников,

с другой — довольно сильно от них отличаются. Социальные сироты так же, как и отказники, переживают травму потери кровной семьи, однако, в отличие от последних, имеют опыт жизни дома. У них есть опыт привязанности, опыт внимания и заботы со стороны кого-то из членов семьи, понимание личного пространства. Однако одновременно с травмой отрыва от семьи такой ребёнок, как правило, переживает последствия жестокого обращения, насилия, пренебрежения своими физическими и эмоциональными потребностями. Эти моменты становятся источником дополнительных травматических переживаний, искажённого восприятия себя и окружающих. Вносит свой вклад в отношения ребёнка с миром и людьми и специфика жизни в учреждении.

Конечно, лучший способ устранения негативных последствий травм, пережитых детьми-сиротами, — устройство в замещающие семьи. Лишь в этом случае появляется возможность понастоящему глубоко проработать проблемы каждого ребёнка. К сожалению, замещающую семью удаётся найти далеко не каждому воспитаннику учреждения. Именно волонтеры могут частично заполнить пустоту, которая у любого детдомовского ребёнка есть там, где у ре-

бёнка домашнего находится значимый взрослый. Теоретически волонтером может стать каждый, глубокого знания детской психологии или специальной подготовки для этого не требуется. Однако, прежде чем отправиться в детский дом или интернат, необходимо разобраться с несколькими ключевыми моментами, касающимися особенностей детей-сирот. От того, насколько хорошо волонтер поймёт ситуацию, будет зависеть, окажется ли его участие полезным, а главное — безопасным для ребёнка.

Волонтер должен понимать, какие последствия ранней депривации и травматической жизненной истории переживают дети-сироты, как подобный опыт отражается на их поведении и эмоциональном состоянии, чем могут быть вызваны те или иные поступки и слова ребёнка и как на них реагировать.

БЕЗОПАСНАЯ ДИСТАНЦИЯ

Начать надо с понимания того, что главное ожидание каждой сироты — семья. И здесь важно не вызвать ложных ожиданий. Человек, приходящий пообщаться с ребёнком, должен чётко позиционировать себя как волонтера, а не потенциального родителя: общаться одинаково тепло со всеми детьми, не отдавая предпочтения кому-то одному, стараться участвовать в групповых мероприятиях и т. д. Иными словами, в своих отношениях с детьми волонтер должен придерживаться чётких границ. Уже при самом первом контакте с детьми важно чётко обозначить свои намерения и планы,

рассказать о себе так, чтобы детям, с которыми волонтер планирует общаться, было понятно, чего от этих отношений ждать. Так же важно предоставить детям возможность задать вопросы. С одной стороны, в этом случае у них не возникнет необоснованных надежд или ожиданий, с другой — такое честное и открытое общение может стать очень полезным опытом, альтернативным тому, который был в их жизни.

ПОСТОЯНСТВО И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Другим крайне важным принципом общения с детьми является постоянство и предсказуемость: если волонтер хочет действительно помочь детям, он не может появиться пару раз, а затем неожиданно исчезнуть. Такой опыт не только не поддержит ребёнка, но и станет для него дополнительной травмой, лишь подтвердив догадку о непостоянстве и ненадёжности взрослых. Такой опыт помешает ребёнку в дальнейшем строить отношения с другими взрослыми, а также послужит лишним подтверждением того, что он, дескать, не стоит того, чтобы с ним общались, потому что он чем-то плох.

Таким образом, чтобы стать полноценным волонтером, мало энтузиазма и «свободного пока времени». И, прежде чем отправиться в детский дом, стоит остановиться и прикинуть, будет ли возможность сделать это ещё раз — через неделю? через месяц? полгода? год? В конце концов, всегда можно найти другой способ помогать людям,

способ, на который точно хватает сил и ресурсов. Если же волонтер чувствует себя в силах поддерживать постоянный контакт с детьми длительное время, то это общение должно выражаться в систематических встречах, которые не будут регулярно откладываться или отменяться.

ЭНТУЗИАЗМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Знание психологических особенностей детей-сирот поможет также лучше понять поведение ребёнка: какие-то эмоциональные или поведенческие реакции, в том числе негативные (истерика, агрессия, «прилипчивость» и др.), могут быть связаны с конкретной жизненной историей и не иметь никакого отношения к взаимодействию с приходящим навещать добровольцем.

***

Всё вышесказанное несколько не обесценивает того искреннего порыва помочь, с которого начинается любое волонтерство. Без энтузиазма и запаса душевного тепла, которым от всего сердца хочется поделиться, невозможна помощь людям. Но если мы говорим о помощи детям-сиротам, то необходимо помнить, что самая существенная её составляющая — огромная ответственность за то, что будет происходить в процессе общения между ребёнком и взрослым, и понимание того, что взрослые всецело отвечают за последствия вмешательства в жизнь этих детей.

важно!

Ребёнок, живущий в учреждении, очень сильно нуждается в помощи со стороны «большого мира». В первую очередь, важно, чтобы с ним велась психологическая работа, призванная проработать травматичную жизненную историю. Воспитанник детского дома должен научиться выражать чувства, связанные с людьми и событиями собственной жизни, иметь возможность понять, что и почему с ним происходило. В некоторых учреждениях такая работа ведётся, но это скорее исключение, чем правило.

Сегодня у волонтеров существует много возможностей получения информации о психологических особенностях детей-сирот. Так, волонтеры, проживающие в Москве, могут посещать семинары, которые регулярно проводятся специалистами-психологами фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам» («Отказники»). Также можно записаться на индивидуальные консультации. Все услуги предоставляются бесплатно.

РИСУНОК: НАТАЛЬЯ КОРЬШИНА

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Добрый дом, открытый для всех

Лидия Радыгина

методист Центральной городской юношеской библиотеки им. М. А. Светлова

В декабре 2011 года три московские библиотеки — ЦГЮБ им. М. А. Светлова, ЦГДБ им. А. П. Гайдара и ЦНУБ им. Н. А. Некрасова — совместно с городским социокультурным центром «Надежда» провели научно-практический семинар «Публичные библиотеки столицы — детям без родительской заботы». В семинаре приняли участие представители социально-реабилитационного центра «Красносельский» и городского центра профилактики «Дети улиц», члены благотворительного фонда «Волонтёры в помощь детям-сиротам», редакторы издательства «Просвещение», журналов «Родные люди» и «Защити ребёнка!».

На семинаре шла речь о незащищённости детей-сирот, о сложностях, которые они испытывают при адаптации в современном обществе, о том, насколько такие дети нуждаются в опеке, внимании и поддержке. Среди большого числа интересных выступлений собравшимся особо запомнился рассказ Валентины Васильевны Сорокиной, являющейся одновременно за-

местителем директора по работе с детьми Централизованной библиотечной системы «Лефортово» и заведующей Центральной детской библиотекой № 85. Докладчица говорила долго и проникновенно, а в конце выступления пригласила всех на новогодний праздник для воспитанников детского дома № 51.

Новый год в библиотеке № 85 — это множество сюрпризов: и сказка-мюзикл в исполнении детского театрального коллектива, и игрушки, и первая декламация стихов, и первые аплодисменты. А для кого-то — как для Игоря, воспитанника интерната № 55 — и первый бенефис. Мальчик талантлив во многом: он рисует, декламирует, играет на пианино... После праздника Игорьёк снова сядет за инструмент. И снова будет играть, подбирая на слух «Катюшу», музыку Чайковского, мелодии из «Шербурских зонтиков» и многое другое... А пока в библиотеке продолжается новогодний праздник. Появляются долгожданные Дедушка Мороз со Снегурочкой, и начинается настоящее шумное веселье.

Дед Мороз дарит игрушки каждому, кто прочтёт стихотворение. Внимательно слушает ребят постарше, малышей берёт на руки... Очередь доходит до самого маленького. Он обнимает Деда Мороза, крепко прижимается к нему, счастливо улыбается и... молчит.

— Я дарю тебе подарок за твою улыбку. Она дорогого стоит, — произносит наконец пронзительный Дедушка.

После праздника радостные, нагруженные подарками дети возвращаются в детский дом. А минут через тридцать — вновь появляются в библиотеке, чтобы поиграть за компьютером, полистать книжки и поделиться впечатлениями с сотрудницами читального зала — библиомамами, опекающими их с утра до позднего вечера.

НА ПЕРЕДОВОЙ ДОБРА

Когда заканчиваются праздники, библиотека возвращается к повседневной работе. Правда, работа — не всегда библиотечного «формата». Вот пара реальных историй, рассказанных заведующей Валентиной Васильевной Сорокиной. Историй из жизни современных гаврошей.

Как-то в холодную, сыкатную погоду в библиотеку вошёл грязный, промёрзший мальчишка. Ясно — не книжки читать, просто погреться. Прошёл в читальный зал. И тут Валентина Васильевна заметила, что его мокрые следы оставляют отпечаток не подошвы, а босой ноги.

— А ну-ка подними ногу.

Мальчишка густо покраснел, но подчинился. Кроссовки были только сверху, на самом деле ребёнок ходил босой. Всей библиотекой бросились на выручку. Обули, одели, напоили горячим чаем.

Как-то Валентине Васильевне сообщили, что есть одна «горящая» путёвка в детский летний лагерь. Заведующая сразу вспомнила своего подопечного, для которого такой отдых — единственная, по сути, возможность нормально поесть и выспаться в чистой постели. Разговор с мамой ребёнка не получился: та с трудом ворочала пьяным языком. Бабушка тоже отказалась собирать внука на отдых: оказалось, отправлять его просто не в чем. Единственные приличные брюки — для школы. И опять библиотека всем миром собрала одежду, обувь, отправила ребёнка на отдых.

Здесь хочется задать вопрос власти предрержащим, решающим сегодня судьбы публичных библиотек. Какие ещё нужны аргументы в пользу существования подобных книгохранилищ? Такие библиотеки не просто приносят пользу — иной раз они в самом прямом смысле спасают людям жизнь! И специалисты в этих библиотеках трудятся особенные. Их вахта не заканчивается в конце рабочего дня, она не отпускает своих «солдат» ни в выходные, ни в отпуски. Душой и сердцем эти люди всегда со своими подопечными.

ДВА НЕУДОБНЫХ ВОПРОСА

Наверняка найдутся практичные люди, которые, узнав про благотворительную работу библиотеки, зададут как минимум два вопроса. Где библиотека берёт средства на праздники, одежду, обувь для детей? И вообще, библиотечное ли это дело?

На первый вопрос лучше всего отвечает народная мудрость: «Большая душа — как большой костёр: издали видна». На помощь библиотеке приходят многие организации. Среди них театральные коллективы, музыкальная школа, творческие молодёжные объединения, общественные организации, православные храмы, благотворительный фонд, рекламное агентство, зоопарк, издательство и многие, многие другие. Общий список состоит из двадцати четырёх благотворителей и помощников. Со многими из них библиотеку связывает многолетняя дружба и не одна совместно проведённая кампания. Например, с Российско-турецким культурным центром библиотека № 85 ежегодно организует детский праздник, приуроченный к Международному дню ребёнка.

Не остаются в стороне и частные лица: художница Л. С. Ярославцева, актриса Ю. Н. Перова, мастер аппликации Н. Б. Зайцева, депутат районного собрания А. А. Азевич. Библиотека благодарна каждому, но главная благодарность для людей с щедрой душой — счастливые глаза детей. И конечно, благотворительная работа библиотеки не могла бы состоять-

Дать дорогу таланту

Л. Хачатурян

Работая с ребятами из московского интерната № 55, сотрудники детской библиотеки № 85 обратили внимание на мальчика, таланты которого никого не оставляли равнодушным: 16-летний Игорь отлично играет на фортепиано и читает стихи, создаёт удивительные рисунки.

У Игоря непростая судьба. Он родился в ноябре 1995 года и сразу оказался в доме ребёнка. Вся его детская жизнь прошла в стенах детдомов и интернатов. Но он не озлобился на судьбу и вырос дружелюбным, общительным и открытым человеком. Как говорит сам Игорь, больше всего он любит улыбаться и веселиться.

И в интернате, и за его пределами у мальчика много друзей.

Игорь проявляет живой интерес ко всему, что его окружает. Его акварельные работы постоянно украшают выставки в библиотеке и получают призы и награды на конкурсах. Игорь окончил и музыкальную школу. Он не только отлично исполняет классические произведения, но и импровизирует. И, как многие мальчишки, страстно увлекается футболом. Кажется, он знает о нём всё — эрудиция мальчика поражает даже заядлых любителей футбола.

В будущее Игорь смотрит с оптимизмом. Он пока не определился с выбо-

ром профессии, но точно знает, что хочет продолжить учёбу, получить высшее образование. И хотя государство заботится об одиноких детях, помогая им делать первые шаги в самостоятельной жизни и предоставляя льготы при поступлении в вузы, Игорю очень не хватает индивидуальных занятий с педагогом по иностранному языку. Если бы нашёлся человек, готовый оплатить мальчику занятия с репетитором, Игорь был бы очень благодарен. Именно такого — индивидуального — участия в судьбе не хватает многим выпускникам детдомов и интернатов, чтобы увереннее войти во взрослую жизнь...

ся без поддержки муниципалитета района «Южнопортовый» и руководства централизованной библиотечной системы «Лефортово».

Теперь к вопросу, библиотечное ли это дело. Книги, журналы, аудиозаписи, электронные ресурсы книгохранилища — всего лишь кирпичики. Даже аккуратно сложенные по всем правилам библиотечной систематизации, сами по себе они останутся обычным строительным материалом, в который ещё предстоит вдохнуть жизнь. Что получится из этого материала — зависит от конкретных людей, от их видения задач, от их подхода. Говоря официальным языком, у библиотеки должна быть специализация, своё лицо. Что в этой специализации будет ведущим, каждая библиотека решает сама — с учётом своего месторасположения, инфраструктуры, насущных социальных проблем и имеющихся ресурсов. И так сложилось, что «специализация» детской библиотеки № 85 — территория безопасности для социально незащищённых детей и подростков. Хотя слово «территория» совсем не подходит этому месту. Скорее, это тёплый дом, с гостеприимными хозяевами которого хочется познакомиться поближе.

ХОЗЯЙКИ БОЛЬШОГО ДОМА

Валентина Васильевна Сорокина — не просто хозяйка библиотеки, имеющей статус интеллект-центра по работе с социально незащищёнными категориями детей и подростков, она — инициатор всех добрых дел и начинаний. Вера Васильевна — человек неравнодушный, способный понять, почувствовать чужую боль и сделать всё возможное, чтобы помочь. Добросовестный труд этой женщины награждён шестью медалями, многочисленными почётными грамотами, благодарственными письмами. Крылатое выражение «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют» в данном случае имеет особое значение, ведь выходит так, что каждый трудовой день в этой библиотеке — маленькое «сражение».

Библиотеки не просто приносят пользу — иной раз они в самом прямом смысле спасают людям жизнь!

Вера Васильевна пополнила отряд защитников детей-сирот, пытающихся отстоять искверканные судьбы детей, победить детские страхи, озлобленность, отчаяние. Каждое посещение ребёнком-сиротой библиотеки — это продление радостных часов его жизни. И Валентина Васильевна старается, чтобы их стало как можно больше.

Анна Александровна Куценко — компьютерная библиомама книгохранилища. Её урокам компьютерной грамотности позавидует любой школьный учитель. Занятия здесь никто не прогуливает, учащиеся с огромным интересом слушают педагога и выполняют все задания, здесь нет неуспевающих, а в «классе» царит искренняя дружба и взаимопонимание. Для коллег же Анна Александровна — заведующая абонементом и главный специалист по информационной поддержке библиотеки. Видео- и фотосъёмка, оформление компьютерных презентаций, электронная переписка — далеко не полный перечень её непосредственных обязанностей.

С Натальей Геннадьевной Ивановой и Татьяной Ивановой Федотовой читальный зал библиотеки превращается в конгломерат филармонии и клуба «Что? Где? Когда?». На профессиональном языке это называется массовыми мероприятиями. Кто хотя бы раз в жизни организовал и провёл массовое мероприятие — знает, сколько на это требуется сил и времени.

Валерия Владимировна Орлова. Эта женщина обладает удивительной способностью находить людей, готовых прийти — и подарить детям радость. В Валерии Владимировне удачно сочетается трогательное обаяние и умение убеждать. Благодаря её стараниям дети встретились с Дедом Морозом и Снегурочкой, познакомились с чудными животными, которых принесли учёные-зоологи на занятия клуба «Ушастик». В ближайших планах Валерии Владимировны — организация экскурсии в музей-панораму «Бородинская битва».

В детской библиотеке № 85 есть традиция внедрять новое, сохраняя лучшее из традиционного. Так, благодаря Вере Елисеевне Масловой, в библиотеке обретают новую жизнь выставки книг: они раскрываются обзорами, превращаются в конкурсы, расцветают детскими поделками, рисунками. Это именно тот случай, когда на основе библиотечных «кирпичиков»-книг рождается маленькое чудо. Чудо, которое поможет кому-то стать умнее, уверенней в себе.

Особым уважением пользуется среди коллег и посетителей «фея чистоты» Надежда Михайловна Агафонова. Эта удивительной доброты женщина не просто принимает и выдаёт одежду в гардеробе, не просто делает влажную уборку — она внимательна к каждому, для каждого у неё найдётся улыбка, доброе слово. Надежда Михайловна — первая помощница, когда надо кого-нибудь накормить, напоить горячим чаем.

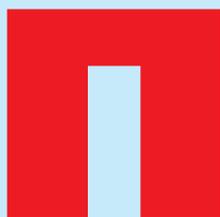
Кстати, угощать детей чаем со сладостями стало ещё одной библиотечной традицией. Не потому что детей плохо кормят в детском доме. Просто чаепитие создаёт домашнюю, непринуждённую обстановку. Да и подкрепиться после долгой дороги из интерната до библиотеки — совсем не лишнее.

КАЧЕСТВО — В КОЛИЧЕСТВО

Не будет большим преувеличением сказать, что благодаря детям-сиротам библиотека превращается в своеобразную семью, все члены которой очень тесно связаны между собой. И, как в любой семье, взрослые здесь часто собираются на совет. В 85-й библиотеке такие «семейные советы» — это откровенный разговор коллег. Здесь обсуждаются текущие дела, строятся планы на будущее. Проблем много, проблемы — разные: работа с сиротами — это тяжёлый, ответственный, а иногда и небезопасный труд, и в основе этой работы лежит постулат «Качество перерастает в количество». Сотрудники Центральной детской библиотекой № 85 верят, что, если каждого, даже случайно зашедшего ребёнка, принять как долгожданного, он обязательно вернётся и приведёт с собой друзей. Библиотека открыта для всех.

Работа с детьми-сиротами — это подлинное подвижничество. Оно коренным образом меняет привычные будни библиотеки, придаёт им особый настрой, обостряет чувство ответственности, накладывает дополнительную физическую и психологическую нагрузку. И, конечно, такой труд нельзя измерить в простых количественных показателях, таких как число читателей, посещений, книговыдачи. В нём заложен более глубокий нравственный, гуманный смысл.

«Становись, честной народ, в дружный наш хоровод!»

од этим названием 21 февраля в Центральной детской библиотеке № 85 состоялось празднование Масленицы для воспитанников московского интерната № 55.

Ребята узнали много интересных фактов об этом празднике, пришедшем к нам из далёкой древности. Ведущими были воссозданы старинные русские обычаи всей Масленичной недели. Дети пели песни и частушки, плясали, участвовали в конкурсах, водили хороводы.

Затем все с удовольствием полакомились горячими блинами, с любовью приготовленными сотрудниками библиотеки.

Всё о Еве, или Сила одного голоса

Наталия Левинтова

заместитель директора по воспитательной работе школы № 707 г. Москвы

Попробуйте прийти к детям и сказать: «Хочу помочь вам вырасти сильными, умными, добрыми». Ответом будет: «Хорошо, скорее научите нас». А что дальше? Ведь не хочется, наверное, занудливо объяснять, что «нужно делать хорошо, а плохо — не нужно». Инвалид по зрению, писатель Ева Златогорова нашла для этой деликатной темы свой собственный язык. Свой собственный голос.

ФОТО С САЙТА WWW.ZLATOGOROVA.COM

В 707-й московской школе Ева Александровна бывает несколько раз в год. Четвёртые классы и девятые, группа продлённого дня и выпускники-одиннадцатиклассники — для всех она находит нужные слова. И никакой театральности — одна безыскусная правда о человеке, в 26 лет потерявшем зрение, но не потерявшем желание и способность жить. Рассказывая о свалившейся беде, о последовавшей за этим потере близкого человека, о борьбе с депрессией, Ева получает от детей право сказать больше, чем позволено другим взрослым. Право, которое, в сущности, можно заслужить только страданием и преодолением. И когда так же просто, как о своей жизни, Ева начинает говорить об инвалидах — молодые слушатели верят ей, незрячей, открывающей им глаза на скрытые стороны жизни. Они больше не отмахиваются от предложения задуматься о трудностях, с которыми сталкивается обездвиженный или двигающийся неровно и вопреки своей воле человек.

Результаты бесед не заставляют себя долго ждать. Вдохновлённые

Евой, старшеклассники отправляют посылки игрушек ребятишкам из подмосковного детского дома, собирают «коробочку радостей» с набором полезных вещей для детей из онкологического центра, навещают в интернате ребят, больных ДЦП. После одного разговора с Евой дети собрали корм для питомцев приюта бездомных животных. Наконец, ребята взяли шефство над семьёй третьеклассника, мама которого из-за болезни ног не может провожать сына в школу, — теперь новоиспечённые «тимуровцы» сами переводят его через дорогу, попутно обучая правилам дорожного движения.

Что помогает Еве так вдохновлять подростков? Может быть, то, что её саму не пугают трудности... Она с улыбкой отправляется на встречи в самые разные классы — в том числе и в те, репутация которых, прямо скажем, небезупречна. Она говорит, что со «сложными» детьми в чём-то даже интересней. Она словно бросает вызов их недоверию и колючести — и каждый раз возвращается с победой.

Случается, Ева приезжает в школу в сопровождении Владимира Владимировича Иванова, в недавнем прошлом — члена Общественной палаты, активно выступавшего с предложениями по защите прав ребёнка. Пять лет назад, в разгар успешной карьеры, Владимир Владимирович тоже потерял зрение. Его присутствие добавляет в разговор о жизненном предназначении ещё одну важную краску — тему гражданской ответственности нового поколения. Горячность и вдохновение, с которыми обращается Владимир Владимирович к выпускникам, находят отклик в душах. И вот уже светятся глаза, и тишина наполняется напряжённым вниманием. Приходит пора задавать вопросы — и те самые «отпетые двоечники», на которых уже, кажется, махнули рукой даже наиболее стойкие из учителей, начинают говорить об удивительном оптимизме гостей, о мужестве, которому хочется научиться, о благодарности, о незабываемом примере... А потом ещё долго стоят в молчаливой задумчивости, не спеша расходиться по своим вечно срочным, вечно неотложным делам...

Остаться отцом

Ирина Ромина
журналист, г. Череповец

Когда рождается малыш с ограниченными возможностями здоровья, жизнь семьи меняется значительно. И порой папы уходят из семьи. Навсегда. Да, им трудно. Да, они ждали другого исхода. Но разве мамам легче? И женщина остаётся одна со своим горем, со своим ребёнком, который требует внимания и заботы намного больше, чем обычный... Но сегодня мы будем говорить не о тех папах, которые ушли. Сегодня мы будем разговаривать с папой, который остался. И иного варианта Евгений Павлов для себя не видел.

У Егорки случилась родовая травма. Они с мамой долго лежали в больнице, потом его лечили у специалистов... Но через несколько месяцев врачи сказали родителям, что заболевания у малыша серьёзные, мальчик получил инвалидность.

— Опыта у нас не было: ребёнок первый, — рассказывает Евгений. — У всех знакомых обычные дети. Всё же с самого начала мы видели: что-то с сыном не так. Ну, а потом узнали диагнозы...

Я решаюсь задать трудный вопрос:

— Иногда родители предпочитают отдать малыша в дом ребёнка. Или папа уходит из семьи...

— Нет, у нас и в мыслях такого не было, — говорит Евгений. — Это наш малыш — и этим всё сказано. Мы будем его растить. То, что папы уходят, — об этом я знаю. Но отцов этих даже пытаться понять не хочу, все доводы их считаю надуманными.

Егорка рос, развивался. Когда ему было полтора года, он первый раз попал в реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Преодоление» города Череповца.

— Ездили они туда, конечно, в основном с мамой: я работал, — продолжает рассказ Евгений. — Мы заметили, что после занятий сын стал эмоциональнее, заметнее реагировал на общение. Мы поняли, что ему важна смена обстановки, новые люди вокруг: мы-то с мамой рядом всегда, он уже привык. А общения хочется, как любому человеку.

— А ещё какие результаты есть?

— Ничего революционного я не наблюдаю, да особый прогресс в нашем случае, скорее всего, и невозможен. Но сын стал веселее, себя по-другому ощущает. А я для себя открыл, как много в нашем городе таких детей... Раньше я и не предполагал этого. Ещё острее это чувствовалось в реабилитационном центре в Самаре, куда мы два раза возили Егора на лечение (там применяются особые методики, довольно эффективные). Да, реабилитация у нас в стране есть. Но за рубежом основные средства и силы направлены на то, чтобы предотвратить инвалидность у новорождённого ребёнка. А в России — пытаются восстанавливать здоровье, что возможно далеко не всегда...

— Как воспринимают мальчика люди вокруг?

— Многие понимают, что что-то не так. С возрастом будет сложнее: проблемы нашего сына будут видны более явно. Но негатива я не замечал; помощи, впрочем, тоже не наблюдаю. Это и понятно: быт всех засасывает, свои трудности у каждого. Да мне, честно говоря, и не важно — как смотрят, что скажут. Мы свой выбор сделали.

— Сейчас Егору четыре года. Какой он? Что любит?

— У него отличная память на лица. Очень любит музыку — постоянно включаем ему музыкальные каналы; помнит все рингтоны на наших телефонах. Подпевает по-своему. Больше всего ценит общение. Любит играть со мной или с мамой. Шутки-прибаутки разные очень любит — узнаёт, смеётся. Я ему и сам придумываю стишки — простенькие, конечно, но он очень радуется. Нравится ему зарядку делать. На словосочетания реагирует, узнаёт многие игрушки. Есть у него и любимые. Мы даже с ним в кукольный театр играем. Он не говорит, но многое можно понять по его мимике. Например, когда обижается, он так забавно натягивает нижнюю губу, лицо становится таким жалостливым... Но если его пожалеешь — может обидеться ещё больше. Не хочет жалости, хочет нормального общения, но чтобы его понимали. Как и любой ребёнок... Садик, конечно, не для нас, но стараемся развивать Егора, занимаемся с ним — и по рекомендациям специалистов «Преодоления» тоже. Мама много ему читает, рассказывает. Он понимает.

— Мама, наверное, не работает, с Егором сидит?

— Работает уже год. Я её понимаю: очень трудно быть всё время в четырёх стенах, всё время с ребёнком. Выкручиваемся так: у неё есть один оплачиваемый выходной день в неделю как у мамы ребёнка-инвалида; у меня есть один учебный день, поскольку я работаю и учусь. В остальные три дня помогает мама жены, она как раз вышла на пенсию. Ну, и иногда моя мама приезжает (она живёт в другом городе).

— Евгений, что бы вы сказали папам, у которых родились «особые» дети?

— Каждый взрослый человек делает выбор сам. Ничего рекомендовать я не буду: если человек, что называется, без царя в голове, может быть ещё хуже... Если же папа принял решение остаться в семье, то важно максимально прислу-

шиваться друг к другу. Вырабатывать общее мнение. Оно может быть неправильным: мы не всегда знаем, как лучше, — но важно говорить о трудностях, слушать друг друга. Это очень помогает.

***

Признаюсь: после каждого интервью с папами много размышляю — о детях, отцовстве, о жизни. Разговор с Евгением тоже, безусловно, пробудил много чувств и мыслей. Многие годы в нашем обществе было принято не показывать детей и взрослых с ограниченными возможностями — мол, общество счастливо, всё у нас хорошо. И семьи привыкли жить так же — уединённо, скрывая своё горе. К тому же многие считают, что рождение «особого» ребёнка — вина родителей. Но любой врач объяснит: малыш с особыми потребностями может родиться в любой семье, никто от этого не застрахован. Поэтому очень важна наметившаяся тенденция в Череповце: «особые» дети бывают на мероприятиях вместе с обычными, и семьи учатся не замыкаться в четырёх стенах. Семья Павловых — одна из таких семей.

Но главные мои мысли после встречи с Евгением были не об этом. И даже не о том, как важно уметь принимать своих детей, любить их — какими бы необычными ни сделала их природа. Я думала... о счастье. О том, каким разным оно бывает. Наверное, ни одной семье не удаётся перейти поле жизни без проблем и потерь — но как по-разному мы воспринимаем то, что происходит в нашей жизни! Евгений и Мария — мудрые люди. И сильные. Они умеют радоваться даже крохотным успехам сынишки, радоваться тому, что этот человек живёт с ними — просто живёт! Он совсем иначе видит наш мир и дарит это своё видение им. Он не может говорить, но учится сообщать о своих потребностях — а родители учатся понимать его особый язык, и у них получается. Он не в силах ходить сам, но с удовольствием передвигает ножками, подражая взрослым, когда мама или папа его поддерживают. Он со всем упорством познаёт наш мир — и радуется, когда узнаёт лица или мелодии, когда осваивает что-то новое. Он помогает по-иному увидеть и почувствовать привычные вещи и явления.

И вместе с ним эти открытия делают для себя мама и папа.

Источник: дорога-к-дому.рф

«Доброе такси»: город без барьеров

Николай Мьякшин

В Архангельске живёт более 300 инвалидов, которые не могут самостоятельно прийти в поликлинику на комплексное обследование, выехать к нотариусу, попасть на ЕГЭ, оформить документы в социальных службах.

Союз общественных объединений инвалидов в течение года успешно тестировал благотворительный проект «Доброе такси», направленный на оказание бесплатных транспортных услуг инвалидам, имеющим проблемы в передвижении. Своё желание принять участие в проекте изъявили несколько компаний по перевозке: такси «Двина», такси «Снежок», «Русское такси» и такси «Архангельск». Они уже выделяют по несколько десятков талонов в месяц на бесплатный проезд инвалидам. Но это лишь 5 % от потребностей всех членов организаций инвалидов, которые входят в Союз: Архангельская местная организация Всероссийского общества слепых, городская и областная организация Всероссийского общества инвалидов, региональная организация инвалидов войны в Афганистане, региональное отделение Всероссийского общества глухих, организация родителей детей и подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата «Благодея», организация инвалидов «Надежда».

Проект «Доброе такси» поддерживали и региональные власти. Министерство здравоохранения и социального развития Архангельской области выступило с инициативой приобрести специальный автомобиль с подъёмником для бесплатных перевозок инвалидов-колясочников, которые не могут пользоваться обычным такси.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Не отрекаются, любя

Светлана Ерещенко

педагог-психолог Муниципального бюджетного образовательного учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, «Центр диагностики и консультирования», г. Ростов-на-Дону, Советский р-н

Каким путём приходят родители к отказу от своих детей? Что происходит в их душах и сердцах такого, что их охватывает безразличие к ребёнку? Происходит ли это вдруг, в одночасье, или постепенно, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром холод вытесняет естественную любовь к своему потомству?

Одна из составляющих моей работы — участие в заседаниях Комиссии по делам несовершеннолетних в качестве эксперта. На этих заседаниях рассматриваются различные непростые ситуации, в которые попадают дети: от «находился на улице после 22:00» до воровства, выпивок, бродяжничества, драк, отсутствия необходимой заботы и ухода со стороны родителей... Полиция составляет на ребёнка протокол, соответствующий ситуации, и передаёт дело в нашу Комиссию. В 99 % случаев ребёнок присутствует на заседании вместе с родителями, на которых также составляются протокол «о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей». И... взрослые дяденьки и тётеньки ведут диалог с «провинившимися» с целью оказать

воздействие, найти выход, помочь судьбе ребёнка.

Мне, регулярно слушающей бесконечные истории о «ненадлежащем исполнении родительских обязанностей», всегда очень интересно поведение на комиссии этих самих родителей: оно, как лакмусовая бумага, высвечивает, какие отношения сложились в этой семье и как именно родитель переживает случившееся. Собственно, чего проще — ребёнок попал в трудную ситуацию. Говорят, «друзья познаются в беде». Родители, думаю, тоже познаются в ситуации неприятностей, в которые попало их чадо. Можно сказать, в этом случае испытывается на прочность их безусловная любовь к ребёнку, способность и умение принимать его таким, какой он есть.

ДЕТИ И РОДИТЕЛИ: КТО ИСТОЧНИК ПРОБЛЕМ?

Попадающие на заседания комиссии семьи можно условно разделить на четыре категории.

Первая категория (оптимистичная) — так называемые **адекватные** (по поведению) **родители и их адекватные дети**. Родители не бушуют. Не плачут. Не ругают прилюдно попавшего в передрыгу ребёнка. Ведут себя достойно. Признают свою ответственность за случившееся (не досмотрели, не проконтролировали, не очень внятно объяснили ребёнку, что будет, если... и т. д.). Ребёнок тоже ведёт себя соответственно ситуации — часто волнуется, переживает, ему вся эта процедура публичных разбирательств не-

приятна. И видно: то, что он в неё попал, — скорее исключение, чем правило. «Рецидивы» в таких семьях редки, что радует. До психолога такие семьи если и доходят, то в основном для того, чтобы убедиться, что всё в отношении ребёнка делается правильно.

Вторая категория — «неадекватные родители — нормальные дети». Очень тяжело слушать истории таких детей: хорошие, нормальные ребяташки, хотят учиться, работать, но родители в этом им не помощники. Потому что их, родителей, рядом нет.

Петя М., 13 лет: мать умерла, отец уехал на заработки в другую область. Изредка приезжает на родину, сына видеть не хочет, ничем ему не помогает. Петю содержит дальняя родственница.

Вадик С., 16 лет: отец в тюрьме, мать в плохом состоянии в больнице с циррозом печени. Парень не может получить паспорт, так как паспорта нет у самой матери. Живёт у тёти, которая и рада бы ему помочь, но сама ухаживает за сыном-инвалидом, материально не обеспечена.

И таких историй множество. Что тут сказать? Удивляют эти дети — их желанием полноценно жить, развиваться, чего-то добиваться, несмотря на явный отказ от них их родителей и связанные с этим трудности.

Третья категория (самая неблагоприятная) — «неадекватные родители — трудные дети». Всё прямо противоположное первой — родители действительно не исполняют своих обязанностей, часто пьют. Побивают детей или совсем игнорируют. Могут вести себя от «я маленькая девочка, не знаю, что делать с этим террористом — сыном» до «видала я вашу комиссию в...».

Реально, внятно общаться с такими родителями практически невозможно. Им на самом деле не до детей, и они их «не видят». Просто не берут в расчёт их потребности. В заботе, уходе, образовании. О любви и внимании и говорить не приходится. Часто члены комиссии ставят вопрос о передаче дела в суд для решения вопроса о лишении родительских прав. Печальная и закономерная картина: «никакой» родитель — и запущенный, проблемный, часто с задержкой психического развития ребёнок. Что вложили (а точнее, не вложили), то и есть (точнее, того и нет) в ребёнке. На приём к психологу такие семьи обычно попадают тогда, когда встаёт вопрос об

образовательном маршруте ребёнка, то есть его приводят на психолого-медико-социально-педагогическую комиссию для обследования и получения заключения, что ребёнок должен обучаться по специальной программе.

Четвёртая категория — «адекватные родители — трудные дети». Самая непростая, а для меня как специалиста — самая интересная ситуация. Когда у внешне адекватных, хороших родителей — ребёнок «трудный», нарушающий нормы общежития, человеческой морали и т. д.

Такие родители соглашаются: да, в семье есть проблема. Да, ребёнок совершил проступок или регулярно их совершает, но... «мы ничего не можем с ним сделать», «мы очень заняты на работе», «ничего не получается», «не знаю, что и делать». При общении с такой семьёй складывается впечатление, что родители в ней сами по себе, дети — сами по себе. Тесной связи между ними нет, коммуникация нарушена: она или односторонняя — от родителя к ребёнку в виде указаний и нотаций, или отсутствует вовсе. Этим родителей практически невозможно затащить на приём к психологу. На все мои предложения прийти на консультацию для прояснения ситуации в семье, улуч-

шения отношений с ребёнком следует завуалированный («да, может быть, когда-нибудь...») или прямой отказ. Если обозначить его причину одним словом — это одна огромная психологическая защита: «я хороший родитель, мне не нужно ваше вмешательство / помощь, а воздействие, воспитательные усилия, помощь (специалистов) нужны только моему сыну или дочери». Психолог как представитель Комиссии воспринимается ими однобоко. «Приглашает на консультацию, пытается влезть мою душу, считает меня плохим, — думает человек, — а я хороший (родитель)!»

Такие родители соглашаются: да, в семье есть проблема. Да, ребёнок совершил проступок или регулярно их совершает, но... «мы ничего не можем с ним сделать», «мы очень заняты на работе», «ничего не получается», «не знаю, что и делать». При общении с такой семьёй складывается впечатление, что родители в ней сами по себе, дети — сами по себе. Тесной связи между ними нет, коммуникация нарушена: она или односторонняя — от родителя к ребёнку в виде указаний и нотаций, или отсутствует вовсе. Этим родителей практически невозможно затащить на приём к психологу. На все мои предложения прийти на консультацию для прояснения ситуации в семье, улуч-

Печальная и закономерная картина: «никакой» родитель — и запущенный, проблемный, часто с задержкой психического развития ребёнок

шения отношений с ребёнком следует завуалированный («да, может быть, когда-нибудь...») или прямой отказ. Если обозначить его причину одним словом — это одна огромная психологическая защита: «я хороший родитель, мне не нужно ваше вмешательство / помощь, а воздействие, воспитательные усилия, помощь (специалистов) нужны только моему сыну или дочери». Психолог как представитель Комиссии воспринимается ими однобоко. «Приглашает на консультацию, пытается влезть мою душу, считает меня плохим, — думает человек, — а я хороший (родитель)!»

Если по счастливому стечению обстоятельств родитель вместе с ребёнком или без него дошёл-таки до пси-

на методы воспитания дочери и общения с ней под другим углом.

ОТКАЗ ОТ СЕБЯ — ОТКАЗ ОТ РЕБЁНКА

Так как отмахнуться от факта наличия проблемы нельзя, отказ родителя от работы над собой и отношениями в такой ситуации расцениваю как проявление элементарного страха. Страх увидеть в самом себе что-то такое, что принесёт боль и разочарование, узнать что-то очень неприятное, травмирующее — о себе, своей семье, своём отношении к ребёнку. Страх осуждения окружающих. Страх не вынести того, что откроется самому человеку. Страх правды о себе и своей жизни. Страх

непереносимых воспоминаний из своего собственного детства. Потому что в подавляющем большинстве такие родители — сами выходцы из «сложных», неблагополучных семей пережили насилие, жестокое обращение, пренебрежение их потребностями.

И эти родители часто так глубоко и сильно травмированы, их привязанность по отношению к своим собственным родителям так мощно повреждена, что их внутренний ребёнок (комплекс черт, эмоциональных реакций, отношений и т. д., которыми человек обладал в 3–5 лет) угнетён, несчастлив, зажат, никому не доверяет и готов сражаться с каждым, кто, как им кажется, хочет его в чём-то ущемить или представляет угрозу. Они отчуждены от своего внутреннего ребёнка, от его боли, страхов, ненависти, не прожили собственные сложные моменты, не исцелились от собственных детских травм. И их внутренние силы, их психологические ресурсы идут не на адекватное оценивание текущего момента, не на жизнь здесь и сейчас, не на решение возникающих трудностей, в том числе у их собственных детей, а на отстаивание своего «я». Каким они сами его видят и хотят, чтобы видели окружающие. Даже если это видение кардинально расходится с реальностью.

И по-человечески это можно понять. Ведь действительно очень непросто услышать, осознать, прочувствовать, что проблемы твоего ребёнка — прямое следствие твоих же внутренних проблем и, как следствие, воспитательских промахов. И что порождает их то, что источник твоей истинной родительской любви «забит» психологическим мусором, перекрыт застарелой болью отвержения собственными родителями. Подобное осознание неизбежно приносит разочарование, сопровождается глубоким чувством вины, заставляет страдать «прозревающего». Поэтому психолог бессознательно воспринимается как человек, потенциально несущий душевную боль, способный нанести ещё одну психологическую травму, что вполне закономерно, инстинктивно избегается.

Трудности и проблемы, неуспешность ребёнка напоминают такому родителю о его собственном несчастном, угнетённом, паникующем внутреннем ребёнке, которому нет сил и желания подавать руку помощи, хотя бы в виде сочувствия, искреннего внимания, за-

ботливого участия и любви (тем более что научиться такому отношению к себе было не у кого). Процесс отказа от своего внутреннего ребёнка, привычка «не слышать» свои глубинные потребности в любви, безопасности, принятии делает невозможным принятие своих собственных детей такими, какие они есть. Родитель отказывает ребёнку в своей любви, бессознательно принимает решение о разрыве связи с ним. Если учесть, что КДН для части детей, в неё попадающих, — это очередная, к сожалению, ступенька вниз, к спецшколе или колонии для малолетних преступников, то получается, что наши переполненные тюрьмы — в какой-то степени следствие отречения родителей от своих детей, которое, в свою очередь, есть следствие отречения от своего внутреннего ребёнка.

Получается такая ситуация: пока дети в семье, у них есть родители. Но эти родители внутренне уже отказа-

обучиться этому ремеслу — и у них получилось!

То, что можно научиться быть хорошим родителем, даже не имея кровных детей, прекрасно доказывает успешность института принимающих родителей. Что же говорить о тех, кто уже состоялся как родитель, кому сама природа облегчает проявление истинной любви и привязанности к своим детям? Прими они ситуацию как есть, согласись они, что нужно, необходимо докопаться до причины происходящего, решишь они бесстрашно заглянуть в собственную душу — что там происходит, осознай они, что жизненно важно с помощью специалиста попытаться изменить отношение к своему реальному ребёнку и исцелить раны своего внутреннего ребёнка, — обязательно будет результат, перемены не за горами! Работа над оздоровлением своей души всегда окупается, приносит желанные плоды облегчения от боли,

Процесс отказа от своего внутреннего ребёнка делает невозможным принятие своих собственных детей такими, какие они есть

лись от детей. Пока только внутренне. Они не отдали детей в детский дом, не отвезли родственникам, не оставили на улице. Они просто не умеют и не хотят по-настоящему — не на словах, а на деле — заботиться о ребёнке, любить его и учитывать его интересы и потребности, потому что их собственные родители так себя вели по отношению к ним. И, что самое печально, учиться этому они тоже не хотят.

РАБОТА ПО ОЗДОРОВЛЕНИЮ ДУШИ

У меня есть убеждение, что каждый человек при желании может овладеть определённым навыком или умением, научиться тому, что делают другие, что подвластно выполнить другому человеку. Если бы это было не так, мы бы потеряли огромное количество хороших пекарей, продавцов, учителей, врачей, художников и т. д., которые, не обладая врождённой склонностью к данной профессии, просто пожелали

обретения внутренней и внешней свободы, улучшения взаимоотношений с окружающими и т. д., причём эффект распространяется на несколько поколений. Только для этого необходимо сильно захотеть этих перемен, видеть и знать, ради чего и кого ты идёшь в эту непростую работу над собой.

Конечно, работа с психологом не даёт гарантии полного излечения от внутренних травм — она даёт родителю возможность разомкнуть порочный круг нелюбви, эстафету неуважения, невнимания к нуждам и потребностям детей, передающуюся от поколения к поколению. И реально даёт шанс перестать бояться за своих детей, потому что искренне любящий ребёнка родитель верит в него, доверяет себе и ребёнку и ценит его таким, какой он есть.

И, может быть, те, кто не признаётся самому себе в необходимости такой работы над собой ради себя самого, отважатся всё-таки на неё ради своих детей?

Азбука творчества — азбука добра

Мария Кригер

ФОТО: МАРИЯ ЖУРКО

Жителям окраин Москвы созвучие словосочетаний «спальный район» и «депрессивный регион» не кажется парадоксальным: среди однотипных многоэтажек и гаражей дни и правда становятся один серее другого. Детям в подобной обстановке было бы, наверное, совсем грустно, если бы не студии, подобные Творческой мастерской «Ясенево».

Сегодня на счету воспитанников мастерской множество достижений и побед, призовые места на всероссийских выставках, конкурсах и фестивалях. А четверть века назад была лишь квартира, выделенная муниципалитетом в панельной девятиэтажке, и чистый энтузиазм. Постепенно студия росла, за два десятка лет она обзавелась довольно обширной «кухней» с глинами, глазуриями и профессиональными муфельными печами, переехала в просторное помещение.

Мастерская «Ясенево» начиналась как студия керамики, и до сих пор данное направление остаётся здесь ведущим. «В середине 1990-х у нас был период, когда в мастерскую пришло много талантливых ребят. Я собрала экспериментальную студию для одарённых детей, они увлечённо занимались, делали большие сложные работы... Иногда мы засиживались до позднего вечера, — вспоминает педагог Марина Одинцова. — Сегодня наши занятия — это не только керамика, ребята осваивают разные прикладные техники — батик, роспись по стеклу, книжную иллюстрацию и многое другое. И всё-таки для меня самым главным остаётся общение с детьми... именно это, мне кажется, основное в нашей работе».

Сегодня мастерская предлагает самые разные занятия. Работает школа эстетического развития, в которой дошколята делают первые шаги к творчеству, знакомятся с разными техниками и художественными стилями. Для тех, кто постарше, открыты студии керамики и батика.

Уже давно выросли ребята, пришедшие в студию в далёком 1988-м, и многие из них стали профессиональными художниками, окончили специализированные вузы и училища... Но и сама мастерская сильно изменилась с тех пор. Её основательница и бессменный руководитель Марина Одинцова разработала несколько уникальных авторских программ, так что скучать воспитанникам студии не приходится.

Одна из последних задумок педагога — программа «Семь цветов радуги». Здесь юные художники изучают семь различных направлений декоративно-прикладного искусства: мозаику, войлок, рисование, лепку, композицию, роспись по стеклу и смешанную технику. Курс разбит на семь ступеней — «семь цветов радуги», на каждой из которых ребята осваивают новый уровень сложности, выполняют всё более и более трудоёмкие работы.

Другое направление деятельности мастерской «Ясенево» — литературно-художественная студия, работа в которой ведётся в русле синтеза искусств: участники студии сами создают литературные произведения — сказки и рассказы — и сами иллюстрируют их, осваивая азы композиции и книжной графики.

Одна из задумок участников студии — проект «Азбука для творческих детей». Ребята готовят макет уникального букваря, каждая буква которого соответствует определённой художественной технике или понятию («а» — акварель, альбом, «в» — войлок и т. д.), для каждой буквы юные авторы придумывают стихи и иллюстрации. «У нас сегодня очень мало своих детских книг, — говорит Марина Одинцова, — большая часть книг по декоративно-прикладному творчеству — переводная, причём далеко не всегда лучшего качества. Нам хотелось бы издать что-то своё, по-настоящему красивое и интересное. Мы очень надеемся, что найдутся небезразличные люди, которые смогут помочь нам в реализации этого начинания».

Своё и чужое

Катерина Дёмина

детский и семейный психолог-консультант,
автор книги «Дети и деньги»

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

Детское воровство (особенно в сочетании с враньём и попытками выйти сухим из воды) — предмет большого беспокойства приёмных родителей. Нет, это не имеет никакого отношения к «порочной наследственности». Когда это происходит впервые — мы пугаемся и пытаемся объяснить ребёнку всю тяжесть проступка. Когда не помогают воспитательные меры и воровство превращается в систему — мы подозреваем, что дело, в общем-то, вовсе не в ценности украденного. А в чём?

Семилетнюю Анжелу мать бросила в годовалом возрасте, и девочка воспитывалась у бабушки со стороны отца, в деревне. Через некоторое время отец женился, и молодая жена настояла, чтобы ребёнка забрали в семью. Ольга (мачеха) получила полный набор проблем, которые знакомы усыновителям детей из неблагополучных семей: врёт, ворует, агрессивная, неопрытна практически до животного состояния, представления о морали отсутствуют напрочь. Потом оказалось, что её держали в козлятнике, потому что «там теплее».

Ольга приложила колоссальные усилия, чтобы исправить ситуацию, и через год девочку было не узнать: спокойная, улыбчивая, научилась читать и считать, от мачехи не отходит, в садике её хвалят (а хотели в коррекционную школу переводить). Одно только осталось: ворует. Тащит всё, что плохо лежит, проку ей от этого никакого, одни неприятности, но остановиться не может. Главное, что непонятно, — зачем она деньги-то крадёт? Одна она из дома не выходит, гуляет только с мамой, потратить их невозможно.

Я предположила, что Анжела таким образом восполняет дефицит любви и заботы, с которым ей пришлось жить первые шесть лет. Как люди, пережившие голод, делают запасы продовольствия, так и девочка пыталась сделать себе «неприкосновенный запас» безопасности и комфорта. И ещё — приобрести что-то своё самой. Как будто то, что дают родители, может в любой момент исчезнуть, да и сами родители — сегодня они есть, а завтра нет. Повторюсь: это поведение настолько характерно для брошенных детей, что я, имея некоторый опыт работы с приёмными семьями, могла бы сама рассказывать Ольге, как именно ведёт себя её дочка.

Проблема воровства у приёмных детей исчезает бесследно, как только ребёнок «напитается» родительской любовью, восстановит порушенное чувство безопасности и доверия к окружающему миру, привыкнет к незыблемости родительской любви. Надо только помнить об этом и не морочить себе голову тяжёлыми размышлениями на тему «передаётся или нет склонность к воровству генетически». Не передаётся.

Анжеле очень помог переезд в новую квартиру, где ей отвели её собственную комнату, с её собственным шкафом, множеством ящиков и комодом. Первое время она практически не выходила из комнаты — наслаждалась обладанием. Кроме того, ей стали давать по воскресеньям карманные деньги, которые она могла копить, а могла тратить (пока не тратит, только складывает).

Анжеле повезло: хоть её и держали в сарае «с козочками и курочками», но в детдом всё же не отдали, привязан-

ность у неё сформировалась и никаких психиатрических, органических и соматических заболеваний не было.

С детдомовскими малышами всё сложнее.

НОВЫЙ ОТСЧЁТ

Прежде всего, не будем забывать о таком сложном феномене, как «обнуление счётчика» при усыновлении. Я много раз наблюдала сама и слышала от коллег: когда ребёнка забирают из детского дома в семью, у него как будто обнуляется возраст. Детёныш заново проходит стадии полной зависимости, протеста, соблазна и так далее. Иногда быстро, если повреждения неглубокие, иногда прямо «копейка в копейку»: ребёнок в семье полтора года — цепляется за маму, внезапно плачет, сосёт пальцы и писается. А через полгода вдруг начинает всем противоречить и спорить.

Поэтому я всегда спрашиваю на консультации у приёмных родителей, как давно ребёнок в семье: это важная информация. Ведь вы не будете ждать от полутора-двухгодовалого малыша, чтобы он контролировал свои расходы и не брал чужое? Скорее всего, вы постараетесь не оставлять деньги на виду и будете проверять и перепроверять всё по три раза.

Второй важный момент: у детдомовцев практически отсутствует представление о границах. В детском доме все вещи одновременно общие и ничьи. Как в колхозе: «Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё». А раз оно «всехнее», то и взять можно без спроса, и съесть всё без остатка, и испор-

тять — всё равно выдадут новое. Ну, поругают, может, даже и побьют. А потом всё равно дадут.

Отсутствие хотя бы минимального личного пространства, «своего угла», невозможность уединиться, очевидная унифицированность одежды, еды, причёсок — всё это постоянно сигнализирует детдомовцу: ты часть огромного целого, ты не личность, ты молекула. А у молекулы нет границ. И совести тоже нет.

ОТКУДА БЕРЁТСЯ СОВЕСТЬ?

То, что на бытовом языке называется совестью, в психоаналитической традиции обозначается термином «суперэго»: та часть психики, на которой лежит контроль за соблюдением моральных и социальных норм, критика, оценка. Внутренний родитель, в общем.

И где же родитель у наших приёмных деток? Он оставил своего ребёнка на произвол судьбы (по разным обстоятельствам). В норме ребёнок выучивает все многочисленные и довольно сложные правила поведения в социуме постепенно, с младенчества. Сначала он узнаёт, что необходимо пользоваться горшком, а есть ложкой, позже — что надо здороваться и прощаться, что нельзя бить лопаткой по голове, а конфетами принято делиться. Малыши получают огромное количество информации просто из повседневной жизни семьи. А если в семье принято, например, потихоньку прятать в карман пробник духов в магазине — ребёнок и это примет за норму поведения.

А что же приёмные дети? У них нет никаких автопилотов, кроме тех, что инсталлированы в детдоме (далее можете вставить любую вашу фантазию про детский дом). Им никто не говорил в два года: «Ванечка, мы уходим, поэтому оставь формочки Насте и скажи спасибо». Их не останавливали в три,

когда они пытались снять с полки в магазине приглянувшуюся игрушку. При них не обсуждали: «Вы представьте, какой ужас: воруют и воруют, ну как же так можно!» А ведь это всё в комплексе и есть формирование совести и морали.

А ещё нашим детям, с их не самой простой жизненной историей, очень сложно противостоять соблазну. Очень, вот поверьте. Нужно быть весьма и весьма устойчивым к внушению человеком, чтобы противостоять рекламе, не реагировать на яркие плакаты, не вестись на приглашения ярмарочных зазывал. Буратино помните? Вот вам классический пример того, как чувствует и ведёт себя маленький (по факту — новорождённый, но это детали) ребёнок. Его просто сманили, а внутреннего контроля нет. Нет того внутреннего персонажа, который бы говорил: «Постой, глупенький Буратино, куда ты лезешь, очнись!» У Пинокио он был — Сверчок, Пинокио так и называл его: «Моя совесть». Не у каждого взрослого он есть.

ЗАКОНЫ БЕЗ УСТРАШЕНИЯ

Разумеется, с проблемой воровства сталкиваются не только приёмные родители и не только в неблагополучных семьях. Почти все дети 3–6 лет делают попытку присвоить чужое — точно так же, как они проверяют на прочность предметы мебели или выясняют, «на сколько хватит тюбика зубной пасты». Когда родители обнаруживают, что их ребёнок что-то украл, первой реакцией обычно становится шок и отрицание: «Не может быть, наш ребёнок не мог этого сделать». Причём размер украденного не имеет значения: тихонько положенная в карман жвачка вызывает точно такую же бурю негодования, как и выпотрошенная бабушкина записка на похороны. Что делать и как правильно реагировать, чтобы исключить подобные явления в будущем?

памятка для родителей

- 1 Контроль и ещё раз контроль. Считайте, что у вас на руках немысленный двухлетка.
- 2 Чёткие правила и границы, возможно, даже с ритуалами. Обязательное разделение, внятное и ясное: это твоя полка, а это — твоего брата. Это твои игрушки, а это — чужие.
- 3 Минимум вещей и игрушек, чтобы их можно было удержать в поле внимания.
- 4 В особо тяжёлых случаях — диагностика психического развития. Не поддающееся коррекции воровство может быть симптомом психического расстройства.

Если ребёнок маленький (или совсем недавно в семье), а случилось всё впервые, достаточно будет спокойно объяснить, что вещь чужая, а чужое брать нельзя, поэтому мы сейчас вместе пойдём и вернём, извинимся, может быть, заплатим, если вернуть нельзя (продукты, например). Очень важно в этот момент не запугать ребёнка. Мне кажется, что стыдить и восклицать какие-то патетические слова в адрес 3–6-летнего не совсем уместно. На этом этапе ваша задача — не унижить или утратить малолетнего преступника, а внести ясность и установить закон. Вот и продемонстрируйте ему правила вашей семьи: «Дорогой, люди не берут чужие вещи без спроса, это не принято. Тебе бы понравилось, если бы кто-то взял твой велосипед себе и не вернул бы? Так что пойдём, отдадим всё назад, извинимся, и, пожалуйста, никогда больше так не делай».

Не меньше проблем вызывают кражи внутри семьи, «из дома». Когда ребёнок тайком тащит деньги или ценности у собственных родителей — это серьёзный симптом того, что «подгнило что-то в Датском королевстве». То, что приёмный родитель может списать на адаптацию (и справедливо: пока «новая жизнь» не устоится, новые правила не усвоены, а покой всей семье только снится — идеального поведения от ребёнка мало кто ждёт), для родителей кровных детей — повод для серьёзного беспокойства. И в любой семье — повод для серьёзной работы с психологом.

«Родные люди» —

журнал для новых родителей, которые любят своих детей независимо от их способа появления в семье.

Информация о подписке на журнал — на сайте родныелюди.рф в разделе: Журнал > Подписка.

О льготной подписке на комплект из журналов «Защити ребёнка!» и «Родные люди» читайте в этом же разделе.

У свободных детей нет ненависти

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

В 20-х годах XX века выдающийся английский педагог Александр Нилл, разочаровавшись в традиционных методах воспитания и обучения детей, организовал собственную школу-интернат. Школа получила название Саммерхилл; в переводе с английского — Летний Холм.

В Саммерхилле было введено много революционных порядков. В школу принимались в основном «трудные» дети, от которых отказывалась традиционная школа и даже родители. В Саммерхилле они «излечивались»: начинали учиться и становились счастливыми детьми с нормальным поведением. В школе было установлено самоуправление для учеников и персонала, свобода ходить на уроки или не ходить, свобода играть целыми днями, неделями или даже годами, если необходимо, свобода от навязывания какой-либо идеологии — религиозной, моральной или политической, свобода от целенаправленного формирования характера...

Мы публикуем отрывки из книги Александра Нилла, вошедшие в хрестоматию под редакцией известного психолога Юлии Борисовны Гиппенрейтер «Как быть ребёнком?», изданной в 2011 году в издательстве АСТ («Астрель»). В них А. Нилл рассказывает о своих убеждениях, идеях и поисках, которые легли в основу его педагогических успехов.

Огромная беда состоит в том, что стандартное школьное обучение очень мало связано с жизнью за её пределами. Сколько бывших учеников читают Милтона, Т. Харди или Шоу? Сколько слушают Бетховена или

Баха? Школа игнорирует воспитание чувств ребёнка, по крайней мере, так построены школьные предметы, поэтому эмоциональная жизнь ребёнка протекает под влиянием других факторов: телевидения, популярных групп, игры бинго, футбола, комиксов, эротических журналов. А поскольку все эти факторы — элементы хорошо налаженной индустрии развлечений, у бедного учителя в соревновании с ними нет никаких шансов. Кто из школьных педагогов способен вызвать такую же бурю аплодисментов, как «Битлз»? Толстопузый учитель математики хотел бы, чтобы вся школа восторгалась иррациональными числами.

На мой взгляд, самая насущная задача образования — разрешить противоречие между сложившимся ещё в викторианскую эпоху набором школьных дисциплин и стремлением современной молодёжи к полноте жизни.

Никто не может отрицать ни того, что общество больно, ни того, что оно не хочет расставаться со своими болезнями. Общество борется с любыми человеческими усилиями, направленными на его улучшение. В некотором смысле задача педагогов — противостоять массовой овечьей психологии: когда у всех овец одинаковые шкуры и одинаковое «бе-бе-е-е», когда загоняют в угол паршивую овцу, бунтаря. У наших школ свои пастыри, отнюдь не всегда великодушные. Наши барашки-ученики одеты в миленькую одинаковую форму. Я не хочу излишне развивать эту метафору, но смею предположить, что символический «настриг шерсти» с множества скучающих учеников этому обществу подходит.

Образование призвано готовить детей к жизни в обществе и одновременно помогать им стать независимыми личностями, и самоуправление, без сомнения, делает и то, и другое.

В обычной школе добродетелью является послушание, причём доведённое до такой степени, что очень немногие её выпускники во взрослой жизни способны бросить вызов хоть чему-нибудь. Тысячи студентов в педагогических учебных заведениях полны энтузиазма в отношении будущей профессии. Но уже через год после окончания колледжа они сидят в своих учительских и полагают, что в понятие «образование» входят только учебные предметы и дисциплина. Конечно, они не смеют бунтовать открыто, потому что это грозит потерей работы, но даже в мыслях бунтуют немногие. Человеку нелегко вырваться из пут сформировавшего его жизненного опыта. И вырастает новое поколение, которое навязывает всё те же запреты, устаревшие нравственные правила и педагогические глупости уже следующему поколению, — и замыкается добрый старый порочный круг. Печальный факт: обработанные таким образованием люди принимают пороки своего общества как должное...

С тех пор как я оставил теоретическую педагогику и занялся детской психологией, мне пришлось поработать с самыми разными детьми: поджигателями, ворами, лжецами, теми, кто мочился в постель, и теми, кто страдал приступами ярости. Годы напряжённой работы убедили меня, что я довольно мало знаю о движущих силах жизни. Я уверен, однако, что родители, которые имеют дело только с собственными детьми, знают гораздо меньше, чем я. И поскольку я считаю, что трудным ребёнком почти всегда делает неправильное обращение с ним дома, я осмеливаюсь обратиться к родителям.

В чём состоит задача психологии? Я предлагаю слово «лечение». Однако я вовсе не хочу быть излеченным от предпочтения оранжевого или чёрного цвета; от пристрастия к курению, равно как и от моей привязанности к бутылочке пива. Ни один педагог на свете не имеет права лечить ребёнка от желания извлекать шум из барабана. Единственное, от чего можно лечить, — это несчастье.

Трудный ребёнок — несчастливый ребёнок. Он находится в состоянии войны с самим собой, а следовательно, и со всем миром.

Трудный взрослый сидит в той же лодке. Ни один счастливый человек никогда не нарушал порядок на собрании, не проповедовал войну, не линчевал негра. Ни одна счастливая женщина никогда не придиралась к своему мужу или детям. Ни один счастливый мужчина никогда не убивал и не крал. Ни один счастливый начальник никогда не держал своих подчинённых в страхе.

Все преступления, всю злобу, все войны можно свести к несчастью. Эта книга — попытка показать, как возникает несчастье, как оно разрушает человеческую жизнь и что можно сделать, чтобы несчастье, по возможности, не возникало. Более того, это книга о конкретном месте — Саммерхилле, где детское несчастье излечивается и, что ещё важнее, дети воспитываются в счастье.

Дети попадают в нашу школу обычно в возрасте 5 лет, но могут прийти и в 15. Заканчивают школу в 16 лет. Как правило, у нас около 25 мальчиков и 20 девочек. Дети разделены на три возрастные группы: младшие — от 5

до 7 лет, средние — от 8 до 10, старшие — от 11 до 15. У нас учится довольно много детей из других стран.

Дети размещаются в школе по своим возрастным группам. Комнаты как мальчиков, так и девочек рассчитаны на два-три-четыре человека. Никто не проверяет комнаты, и никто за детьми не прибирает. Их оставляют в покое. Никто не говорит им, что надевать: они носят что хотят.

Школу с таким порядком газеты называют школой «делай-что-хочешь», журналисты считают, что у нас тут сборище примитивных дикарей, не признающих никаких правил и не умеющих себя вести. Поэтому мне придётся рассказать о Саммерхилле настолько честно, насколько я вообще могу это сделать. Понятно, что я пристрастен, когда пишу о своей школе, но всё-таки я постараюсь показать не только её заслуги, но и упущения. Заслуга — здоровые и свободные дети, чья жизнь не испорчена страхом и ненавистью.

Очевидно, что школа, которая заставляет детей, активных по своей природе, всё время сидеть за партами, изучая по большей части бесполезные предметы, — это плохая школа. Она хороша лишь для тех, кто верит именно в такую школу, для людей, которые лишены творческой жилки, стремящихся и детей привести не к творчеству, а к послушанию, к полному соответствию цивилизации, где единственный критерий успеха — деньги.

Саммерхилл начинался как экспериментальная школа. Теперь это скорее показательная школа, а показывает она, что свобода делает своё дело. Когда мы с моей первой женой создавали эту школу, у нас была одна ведущая идея: школа должна подходить детям, а не наоборот.

Я полагаю, что ребёнок внутренне мудр и реалистичен. Если его оставить в покое, без всяких внушений со стороны взрослых, он сам разовьётся настолько, насколько способен развиваться. Поэтому Саммерхилл — это такое место, где имеющие способности и желание заниматься наукой станут учёными, а желающие мести улицы будут их мести. Мы, правда, до сих пор не вырастили ни одного дворника. Я пишу это без всякого снобизма, потому что мне приятнее школа, выпускающая счастливых дворников, чем та, из которой выходят учёные-невротики.

У нас нет прогульщиков и редко случается, чтобы дети тосковали по дому. У нас почти никогда не бывает драк; ссоры, конечно, неизбежны, но мне редко доводилось видеть кулачные бои вроде тех, в которых я участвовал мальчиком. Также редко я слышу, чтобы дети кричали, потому что у свободных детей, в отличие от подавленных, нет ненависти, которая требует выражения. Ненависть вскармливается ненавистью, а любовь — любовью. Любовь означает принятие детей, и это существенно для любой школы. Вы не можете быть на стороне детей, если наказываете или браните их. Саммерхилл — это школа, где ребёнок знает, что его принимают.

Я для детей не начальник, которого надо бояться. В Саммерхилле у всех равные права. Никому не позволено брехать на моём рояле, но и мне не позволено брать без спросу чей-либо велосипед. На общих собраниях школы голос шестилетнего ребёнка значит столько же, сколько мой.

Наши дети не боятся наших сотрудников. Одно из школьных правил состоит в том, что после десяти часов вечера

в коридоре верхнего этажа должно быть тихо. Однажды вечером, около одиннадцати, разгорелась подушечная баталия, и я поднялся из-за стола, за которым писал, чтобы выразить протест по поводу шума. Когда я поднимался наверх, в коридоре поначалу раздался топот, а затем стало тихо и пусто. И тут я услышал как бы даже разочарованный возглас: «Да это же Нилл» — и веселье возобновилось. Когда я объяснил, что сижу внизу и пытаюсь писать книгу, они проявили сочувствие и сразу согласились прекратить шум. А разбежались они, подумав, что их застучал дежурный, обязанный следить за соблюдением времени отбоя (их ровесник).

Я хочу подчеркнуть важность отсутствия страха перед взрослыми. Девятилетний ребёнок, разбив окно мячом, придёт и скажет мне об этом. Скажет, потому что не боится, что я разозлюсь и начну читать мораль. Ему, возможно, придётся заплатить за окно, но он не опасается нотации или наказания.

Дети возмутились бы, если бы персоналу были предоставлены какие-либо привилегии.

Когда я стал проводить с персоналом еженедельные беседы по психологии, поднялся ропот — это показалось несправедливым. Я изменил свой план и сделал беседы открытыми для всех, кто старше 12 лет. И в результате каждый вторник вечером моя комната набита подростками, которые не только слушают, но и свободно высказывают свои мнения. Вот некоторые темы, которые дети просили меня обсудить: комплекс неполноценности, психология воровства, психология гангстера, психология юмора, почему человек изобрёл мораль, мастурбация, психология толпы. Очевидно, что такие дети выйдут в жизнь с довольно широким и ясным представлением о себе и других.

Вопрос, который чаще всего задают посетители Саммерхилла, таков: «Не осудит ли ребёнок, оглядываясь назад, школу за то, что она не заставляла его заниматься арифметикой или музыкой?» Ответ состоит в том, что юный Фредди-Бетховен или Томми-Эйнштейн всё равно не позволят удержать их в стороне от соответствующих занятий.

Задача ребёнка состоит в том, чтобы прожить свою собственную жизнь, а не ту, которую выбрали ему беспокойные родители. Разумеется, и не ту, которая соответствовала бы целям педагога, полагающего, что уж он-то знает, как лучше. Вмешательство и руководство со стороны взрослых превращают детей в роботов.

Вы не можете заставлять ребёнка учиться музыке или чему-нибудь ещё, не подавляя его волю и тем самым, хотя бы в некоторой степени, не превращая его в безвольного взрослого. Вы делаете из них людей, безропотно принимающих status quo, удобных для общества, которому нужны люди, послушно сидящие за скучными столами, толкущиеся в магазинах, автоматически вскакивающие в пригородную электричку в 8:30, — короче говоря, для общества, сидящего на хилых плечах маленького дрожащего человека — до смерти напуганного конформиста.

Страх родителей перед будущим часто заставляет их действовать в ущерб здоровью своих детей. Страх этот, как ни странно, проявляется в желании родителя, чтобы ребёнок научился большему, чем он сам. Такой родитель не в состоянии ждать, чтобы его Вилли научился читать, когда сам того захочет, он нервничает и боится, что Вилли вообще ничего

не добьётся в жизни, если его не подталкивать. Такому родителю не хватает терпения, чтобы позволить ребёнку двигаться со своей собственной скоростью. Они спрашивают: «Если мой сын не умеет читать в 12 лет, какие у него шансы добиться успеха в жизни? Если в 18 он не сможет сдать вступительные экзамены в колледж, что ему останется, кроме неквалифицированного труда?»

Но я научился ждать, наблюдая, как ребёнок продвигается понемногу или не продвигается вовсе. Я не сомневаюсь, что в конце концов, если не приставать к нему и не вредить ему, он добьётся успеха в жизни.

Свободные дети отбирают из предлагаемых предметов только те, что им интересны. Свободные дети посвящают большую часть времени другим интересным занятиям — работе по дереву или металлу, рисованию, чтению художественной литературы, занятиям в любительском или импровизационном театре, слушанию джазовых пластинок.

Если обобщить, то метод свободы срывает практически наверняка с детьми до 12 лет, но детям постарше нужно слишком много времени, чтобы оправиться от кормления знаниями с ложечки.

В семье ребёнка тоже постоянно учат. Почти в каждом доме всегда найдётся по крайней мере один великовозрастный недоросль, который кинется показывать Томми, как работает его новая машинка. Всегда есть кто-нибудь, готовый поднять малыша на стул, когда тот хочет рассмотреть что-то на стене. Всякий раз, показывая Томми, как работает его новая машинка, мы крадём у ребёнка радости жизни — от-

крытия, преодоления трудностей. Хуже того! Мы заставляем ребёнка поверить, что он маленький, слабый и зависит от посторонней помощи.

Родители не спешат понять, насколько неважна учебная сторона школы. Дети, как и взрослые, учатся только тому, чему хотят научиться. Все награды, оценки и экзамены лишь отвлекают от подлинного развития личности. И одни лишь доктринёры могут утверждать, что учение по книжкам и есть образование.

Книги — наименее важный инструмент школы. Всё, что действительно нужно каждому ребёнку, — это чтение, письмо и арифметика; остальное надо предоставить инструментам и глине, спорту и театру, краскам и свободе.

Большая часть школьной учёбы, которую выполняют подростки, — простая растрата времени, сил, терпения. Она отбирает у детства право играть, играть и играть; она водружает старческие головы на юные плечи.

Настало время бросить вызов существующим представлениям о работе школы. Считается само собой разумеющимся, что каждый ребёнок должен изучать математику, историю, немного естественных наук, чуть-чуть искусства и, уж конечно, литературу. Пришло время понять, что обычный ребёнок толком не интересуется ни одним из этих предметов.

Дети очень мудры и рано принимают социальные правила. Их не следует эксплуатировать, как это часто делается, когда один из родителей кричит: «Джимми, принеси мне стакан воды!» — в тот момент, когда ребёнок находится в самом разгаре увлекательной игры. Непослушание в большой мере связано с тем, что родители сами неправильно обращаются с детьми.

Моя дочь Зоя, когда ей было чуть больше года, прошла через период огромного интереса к моим очкам: она постоянно стаскивала их с моего носа, чтобы посмотреть, что это такое. Я не возражал, ни взглядом, ни голосом не показывал никакого беспокойства. Вскоре она потеряла всякий интерес к моим очкам и больше никогда их не трогала. Несомненно, прикажи я не трогать очки или, ещё хуже, ударь по маленькой ручонке, её интерес к очкам сохранился бы, смешавшись со страхом передо мной и протестом против меня. Моя жена позволяла брать свои хрупкие украшения. Девочка играла с ними осторожно и редко что-нибудь ломала. Она постепенно сама выясняла, как следует обращаться с вещами. Конечно, саморегуляция имеет пределы. Мы не можем позволить шестимесячному ребёнку обнаружить на собственном опыте, что горящая сигарета больно жжётся. Но и предупреждающе кричать в подобном случае не нужно. Здраво — без шума устранить опасность.

Обычный аргумент против свободы для детей таков: жизнь сурова, и мы обязаны так воспитать детей, чтобы они впоследствии к ней приспособились, — стало быть, должны их вышколить. Если мы позволим им делать всё, что они хотят, как же дети когда-нибудь смогут работать под чьим-то началом? По силам ли им будет конкуренция с теми, кто приучен к дисциплине, в состоянии ли они когда-нибудь выработать самодисциплину?

Возражающие против предоставления детям свободы используют этот аргумент и не понимают, что исходят из ничем не обоснованного и никак не доказанного допущения: что ребёнок не будет ни расти, ни развиваться, если только

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

не заставлять его это делать. В то же время все 39 лет моего опыта в Саммерхилле опровергают данное допущение.

Свобода необходима ребёнку потому, что только тогда он может расти естественным образом, то есть хорошо. Я вижу плоды несвободы и подавления в тех новых учениках, которых ко мне переводят из приготовительных и монастырских школ. Эти дети — смесь неискренности с невероятной вежливостью и фальшивыми манерами.

Возможно, самое большое открытие, которое мы сделали в Саммерхилле: ребёнок рождается искренним существом. Мы решили у себя в школе предоставить детям самим себе, чтобы узнать, каковы они на самом деле, — это единственно возможный способ обращения с детьми. Новаторская школа будущего должна будет двигаться именно таким путём, если захочет внести свой вклад в знание о детях и, что гораздо важнее, в счастье детей. Я понимаю и принимаю как должное, что искренность порой создаёт неловкие ситуации. Например, недавно трёхлетняя девчушка, посмотрев на нашего бородатого посетителя, сказала: «Что-то мне не нравится твоё лицо». Посетитель оказался на высоте. «А мне твоё нравится», — отпарировал он, и Мэри улыбнулась.

Взрослые, которые боятся, что дети станут испорченными, на самом деле испорчены сами, аналогично тому, что именно люди с грязными мыслями требуют закрытых купальных костюмов. Если человека что-нибудь постоянно шокирует, то именно оно больше всего его интересует. Ханжа — это распутник, не имеющий мужества посмотреть в лицо своей обнажённой душе.

Нестрашный зубной доктор

Ирина Дроздова
врач-стоматолог клиники
«Будь здоров»

Пока ребёнок не испытал острой зубной боли и у него не сформировалось негативного отношения к лечению зубов, очень важно своевременно обратиться к врачу-стоматологу.

ФОТО: WWW.SHUTTERSTOCK.COM

В процессе взросления восприятие действительности и способы реагирования на неё постоянно меняются.

До 2-летнего возраста ребёнок с доверием относится к людям, от которых он зависит. В этом возрасте малыш ещё не в состоянии правильно реагировать на ситуации, возникающие при лечении зубов. Местная анестезия до 2 лет, как правило, невозможна.

В 2 года ребёнок способен к самоконтролю и стремится к независимости, но такие дети боятся неожиданных движений, резких звуков и незнакомых людей. Стоматологическое лечение в этот период может усилить чувство страха. Для уверенности в своей безопасности ребёнок должен находиться в кабинете вместе с родителями.

3–5-летние дети уже могут вступать в контакт с врачом, они становятся более послушными, но более упрямыми. Своим поведением ребёнок стремится заслужить похвалу и испытывает чувство гордости за свою самостоятельность.

С возрастом дети учатся в зависимости от обстоятельств скрывать чувство страха за счёт показного геройства или внешнего спокойствия. Такие дети охотно вступают в разговор с врачом, понимают необходимость лечебных мероприятий. Однако подготовка к посещению врача

должна проводиться на понятном ребёнку языке, доступном его психологическому развитию. Иначе даже хорошо воспитанный маленький пациент оказывается один на один с серьёзной проблемой.

Уважаемые родители! Очень медленно и спокойно, при необходимости повторяя одно и то же несколько раз, объясните ребёнку цель похода к стоматологу. Не давите на ребёнка своим авторитетом, не требуйте от него поведения, не соответствующего его возрасту: это не поможет ему преодолеть страх. В этой ситуации доверия к врачу со стороны ребёнка не возникает, ребёнок будет оказывать сопротивление, применяя различные способы отказа от лечения.

Положительное отношение к лечению зубов должно вытекать из всего воспитания в целом.

- Объясните ребёнку, что несмотря на то, что зубов во рту много, каждый из них очень важен. Каждый зуб — это орган, необходимый для всего организма.

- Для того чтобы сохранить зубы здоровыми, надо соблюдать гигиену полости рта. Приобретайте зубную пасту и зубную щётку в соответствии с возрастом вашего ребёнка. Менять зубную щётку необходимо 1 раз в 3 месяца. Чистить зубы 2 раза

в день. Ополаскивать рот после каждого приёма пищи. Если ребёнок не достиг 6-летнего возраста, помогайте ему чистить зубы.

- Приучите ребёнка не бояться открывать рот, чтобы показать зубки. Эта хорошая привычка избавит вашего ребёнка от страха на приёме у врача-стоматолога, поможет вам своевременно заметить изменения на зубах и слизистой полости рта.

- Лучшее время для лечения детей — утро; переутомлённые дети плохо поддаются уговорам и не идут на контакт с врачом.

Именно родители — первые наставники в формировании правильного поведения ребёнка на приёме у стоматолога, от этого зависит дальнейшее положительное отношение к стоматологическому вмешательству.

Будь Здоров
клиники компании Ингосстрах

Москва,
ул. Мясницкая, д. 13, корп. 13
Тел. (495) 782-88-82
www.7828882.ru

Неля Губочкина

Моя сестра Жизнь

Автобиографическая повесть в письмах и дневниках

Продолжение. Начало в № 3 и 4, 2011

Май 1998 года

Новодмитровка — Тула

Неля, что может сравниться с чувством возвращения в свою юность, в город, с которым связано всё самое дорогое в жизни — учёба, любовь, замужество, рождение дочери?

Да, мы всё же отважились и предприняли 1 мая поездку в Николаев!

Какое это мучительное счастье — пройти со своей уже почти взрослой дочерью по Советской, показать ей маршрут её первой колясочной прогулки, показать тот балкон, где сушились выстиранные папой пелёнки, и покормить конфетами медведя в зоопарке, точно так же, как это было с Мишей 10 лет тому назад! Я старалась показать и рассказать ей как можно больше — всё о городе, о тебе, о нас с Мишей.

Только ты сможешь понять, с каким чувством я входила в дверь нашей третьей общаги, смотрела на окно нашей комнаты, проезжала маршрутом третьего трамвайчика, шла по дороге на факультет, проходила мимо библиотечной «Гмырёвки» и загса...

Мне очень не хватало тебя. Мне не верилось, что рядом со мной нет Миши.

Город был узнаваем и совершенно нов. Улицы называются по-другому. В общаге прибавилось выбитых окон и бронированных дверей.

Я и мучилась, и наслаждалась. Я пыталась повернуть время вспять.

Лена

Май 1998 года

Тула — Новодмитровка

Ленуськи, вы такие молодчинки! Это я о вашей николаевской поездке. Есть ценности непреходящие, есть память сердца — единственный рай, из которого не рискуем быть изгнаны. Есть города, дороги, по которым блуждала наша юность, и встреча с ней — праздник. Я рада, что вы сумели вырваться из вашей круговерти и устроили себе этот праздник. Когда-нибудь мы вместе повторим ваш первомайский подвиг. Хорошо, что Алёна увидела город, в котором родилась и росла, твоими глазами.

Завтра 17 мая, и не думать об этом невозможно.

Недавно видела Мишку во сне: встретились с ним в метро, а вместо талона у него пропуск — пенсионное удостоверение, просроченное 1996 годом. Светлая память о нём всегда с нами.

В моей ночи запах только распускающейся сирени и первые соловьиные трели.

Прогулки в коляске Ваню явно не устраивают. Ребёнок тянется к траве, земле.

Для него нет вещей неодушевлённых. Считает своим долгом накормить-напоить магнитофон (сунул сухарик в кассетник и полил кефиром), своих игрушек и даже собачку и кошек на картинках.

Чувство собственности в зачаточном состоянии — охотно делится всем со всеми. С замиранием и восторгом смотрит Хрюшу по телику, рекламные ролики, слушает напелые мной с пелёнок песни. Любит играть в прятки, в мячик. Поддерживает игру, в отличие от своего соседаровесника (для того мяч — вещь ценная сама по себе).

Мой ребёнок не созерцатель, но — при всех своих ограниченных возможностях — делатель. Я иногда со смехом наблюдаю, как он осваивает территорию, не оставляя и намёка на прежний порядок. Впитывает в себя всё как губка, и я чувствую: отдача будет, непременно будет.

В целом — стабильное, самоуглублённое течение жизни. Я знаю точно, куда и зачем иду.

Я поднялся на холм,

Полон грусти, — и что же:

Там шиповник в цвету!

У вас сейчас цветёт акация. Её запах напоминает мне Николаев, весну второго курса. Помнишь наше шатание по бульварам, площадям и крышам ночного города, с которых открывалась панорама Южного Буга, огонь БАМа? И душистые, белые, медово-густые облака акаций над городом... Как давно и как недавно всё это было!

Когда я в состоянии переполненности пыталась поделиться своими больничными впечатлениями с соседями — они смущённо слушали меня, стараясь перевести разговор на другую тему. Дескать, и так мало вокруг положительных эмоций. Такому умению отгородиться от жизни я не завидую, и сама так не умею. Не умею спокойно пройти мимо чужой боли, даже если помочь невозможно. Неужели для того, чтобы хоть что-то понять в этой жизни, нужно выстрадать?

Ванька, кажется, умнеет. Волосики — хоть и не равномерно — отросли. Такой славный ёжик! Глазки смотрят ровнее. И взгляд, и форма головы — другие. Активность беспредельна. Сегодня самостоятельно выполз из комнаты в коридор!!! Ползает не на четвереньках: ему ещё трудно удержать себя в таком положении — а как-то по-пластунски, перекачиваясь, подтягиваясь. Всеми возможными способами добирается до желаемой цели. Целеустремлённость, помноженная на упрямство, творит чудеса. Наша маленькая, вполне заслуженная победа.

На улицу собираемся с удовольствием, только скажи «пойдём гулять» — такую радость изобразит на рожице!

Сейчас пробуем ему через день делать гидромассаж. Ведёт себя возмутительно — отбивается всеми лапами.

Я и массажист, мокрые с ног до головы, под гудение аппарата поём на пару песни, мычим, как коровы, и лаем, как собаки. Весело, одним словом.

Неля

Май 1998 года

Новодмитровка — Тула

Дорогие мои Неля и Ванюшка!

Завтра — 25 мая. Последний звонок. Мой восьмой последний звонок. И я знаю, что завтра на школьной линейке я обязательно расчувствуюсь до слёз, принесу домой охапку цветов, всё прошу своим «кровопивцам»-ученикам. В такие моменты я ещё острее осознаю, что никуда мне от моей школы не деться, что сельская школа — это совершенно особое явление, некий удивительный организм, со своим строением, привычками, законами жизни. Мы, учителя, и наши детки — как члены одной большой семьи, вместе делаем одно большое дело, вместе проводим довольно много времени. Во время уроков — по разные стороны баррикад, а на переменках — бок о бок мирно греемся на солнышке. Мы прекрасно знаем друг о друге всё: родословную, перипетии жизни, обстановку в семье, слухи, сплетни и степень умственного развития. Это даже иногда мешает нашим деловым отношениям. Как я, например, могу говорить детям, что воровать нехорошо, если они видели меня несущей мешок травы с колхозного поля?

Мы — как экипаж подводной лодки: деться друг от друга никуда не можем и делать то, что хотим, не вольны. Другое дело, что сроки нашего пребывания на борту разные: у них 10 лет, у меня же — вся жизнь. Опять я начинаю! Ведь дала же себе слово — не роптать! Хотя сегодня ещё можно. Клясться в вечной любви к школе буду завтра.

А вы, мои хорошие, оставайтесь живы-здоровы. Поскорее отбывайте свою больничку и приезжайте. Мы вас очень ждём.

Лена

Июнь 1998 года

Новодмитровка — Новосветловка

Дорогие Неля и Ванюшка!

Прошло десять дней после вашего отъезда. Очень хочется верить, что с вами всё в порядке, что «въехали» в ритм и уклад новосветловской жизни. Я мысленно вижу вас в вашем дворе, возле старого дома, на огороде, в зарослях вишен, в вашей украшенной вышивками горнице, где мы 10 лет тому назад, растянувшись на полу, зубрили историю Древнего мира. И я даже представляю, как и когда ты пишешь мне письмо: за столом в центре комнаты, среди бумаг со старыми адресами и фотографиями, глубоким вечером, когда уснул Ваня.

Я то и дело натякаюсь на забытые тобой вещицы (тарелка, щётка-ёжик для бутылочки на кухне, ватные палочки в ванной, шнур от магнитофона в спальне). У нас вошли в обиход ваши словечки: «телевизор спит» (это когда нет света и он не включается), «фигушки-дрыгушки» (преимущественно я — Алёна). Алёна, укладываясь спать, об-

Мы — как экипаж подводной лодки: деться друг от друга никуда не можем и делать то, что хотим, не вольны

кладывает себя подушками, «как Ваньку». Она его часто вспоминает, и её нисколько не смутила Ванина болезнь. Во дворе на вопросы детей: «Почему он не ходит?» — отвечает: «Не ваше дело!»

У меня в голове прокручиваются наши разговоры и фразы, высказанные и невысказанные, а в ушах ещё долго слышались то требовательный Ванькин крик, то ваша плясовая-колыбельная кассета Максима Леонидова (почему-то чаще всего «Свинговый переулоч»). Иногда пытаюсь вернуть вас, иду на кухню, завариваю твой кофе. Ты была права, когда говорила, что всё это будет казаться сном. Наверное, не стоит жалеть о том, что мы не всё успели и смогли сделать, сказать, увидеть. Главное произошло — мы встретились.

Сколько раз я возвращалась к тому изначальному моменту нашей первой встречи в аудитории факультета, перед лекцией деда Козика, когда я предстала перед тобой и ты смогла наконец удовлетворить своё любопытство: что же это за человек, с которым тебе предстоит жить в одной комнате общаги. И кого благодарить за такое расселение? Коменданта общежития, студком, Господа Бога?

Нашу установившуюся тогда родственность душ, тонкое понимание друг друга не победило ни время, ни расстояния.

Ты своим попутчиком в поезде сказала, что едешь к сестре. Так оно и есть.

Лена

Июнь 1998 года

Новосветловка — Новодмитровка

Дорогие, хорошие наши Ленки!

Спешу вас успокоить — с нами всё в порядке, доехали мы вполне благополучно, без сюрпризов со стороны Вани. Правда, Иван с Галей совсем ненамного опоздали к прибытию поезда. Можете представить мою физиономию к тому моменту, как мы выбрались из вагона. Нас опять никто не встречает! Добрались уставшие, переполненные Новодмитровкой, встречей с вами, всем увиденным, услышанным, недосказанным...

Алёнка поразила меня схожестью с тобой и несхожестью: слова, жесты, взгляды, поворот головы. То, как Алёна приняла Ваню, не очень удивляет. Детское, непредвзятое отношение — оно и есть самое нормальное. Защитные интонации её радуют, покровительственно-сестринский тон — тоже. Сестрица Алёнушка, как в сказке. Шлём поклон королеве Новодмитровки и наших сердец.

Я, глядя на твою сероглазую лунолицую смуглянку, не могу не думать о том, что у меня могла бы быть девочка,

почти ровесница ей, и не сожалеть. Но потом всё больше убеждаюсь, что моя судьба — растить сына.

Свою беду я увидела в твоих глазах и отчасти твоими глазами. Фрагменты наших писем обрели законченность, всё встало на свои места. Я могла бы сказать: у тебя всё в порядке — если бы не столько застывшей тоски в твоих зелёных глазах.

*...Но есть одна неясная тревога,
Её, как боль, не вынуть из груди:
Да, впереди у нас ещё так много!
И всё-таки как много позади...*

Так и осталась во мне эта твоя тревожная заноза, вплетённую с радостью встречи и горечью расставания.

Родные встретили нас редким пониманием, терпением, любовью. Соседи — вопросами: «А чи ходыть ваш хлопчик?»

Ванька цветёт в лучах любви и славы. Без меня ведёт себя вполне прилично. Отдав его бабушке, переключаюсь на другие виды деятельности — копаюсь в огороде, пеку пироги, варю варенье. Нам с Ваней здесь хорошо, каждому по-своему.

Даренная вами собачка стоит у нас на самом видном и недосягаемом месте. Вердикт бабушки: «Бо вона биленька, гарненька, а Ванька її вымаже в два счёта». Наша бабушка — прирождённый музейный работник. В её домашней экспозиции всё занимает строго определённое место. А тут мы — носители хаоса и беспорядка на всех уровнях! Я уже давно вышла из русла её определений и наставлений, а Ванька ещё не дорос до них.

Бедная мама украдкой плачет, глядя на Ваню, его послеоперационные швы, понимая собственное бессилие перед моей судьбой и судьбой внука. С Ваней очень терпелива; когда он с ней, я спокойна.

Я радостно-спокойна, когда он с Таней, Галей. Они у меня редкие молодцы! Осторожно подсунили мне статью из журнала о методах лечения ДЦП в Львовской области.

Перечитала Ахматову. Вот вам от Анны Андреевны:

*Старые, больные чувства
Тешит запах хризантем;*

*А печали без названья
Тешит чёрный виноград;*

*Но, когда виски седеют,
Утешает только песнь.*

Мудро и утешительно, правда?

Неля

Июль 1998 года

Новодмитровка — Новосветловка

Неля, мы до сих пор никуда не уехали. С путёвкой прояснилось только то, что ничего не прояснилось. Меня заверили, что путёвка обязательно будет. Если бы я знала с самого начала, что будет такая «петрушка», я бы довольствовалась местными водоёмами. А так и от путёвки в Евпаторию ради Судака отказались, и до сих пор в Молдавию не съездили. И сидим — не у моря, но ждём погоды.

Пока что веду размеренный отпускной образ жизни, почти «растительный», как ты мне и желала в пору моего острого горевания. Дни похожи, как близнецы. Я знаю,

что буду делать на протяжении их буквально до минуты: три раза обслужить корову, 2 часа поработать на огороде, ближе к вечеру нарвать травы. Вечером — телевизор или книга. Нехитро и небогато. Но знаешь: есть в этой размеренности, простоте, зависимости от природы какая-то успокоительная нота, свой смысл и своя прелесть. Помнишь, у Ремарка: «Утешают самые простые вещи».

Собирание себя мне далось чрезвычайно трудно, но мне удалось это сделать благодаря возможности переживать этот процесс вместе с тобой.

Наши письма спасли меня, и я благодарна тебе за это.

Лена

Июль 1998 года

Новосветловка — Новодмитровка

Свершилось! Ваня сказал «мама»! Звучит это так трогательно. С этим не сравнится ничто на свете.

Во взятом напрокат манеже — стоит у опоры, скачет, приседает, там же ползает!

Днём спит по 2–2,5 часа без особых моих усилий в моей люльке, сделанной для меня моим отцом, нормально ест (щёки появились), играет.

Любит походы к тётке Гале и Танюшке, любит встречать корову Марту и посиделки с бабушкой вечерочком у ворот, в окружении соседей и соседских ребятишек.

Любимые развлечения во дворе: первым делом идём к собаке Шарик (обмен любезностями), потом к котам, гоняем уток и кур — поднимая и бросая в них чем придётся, что под руку подвернётся. С деловым видом открываем-закрываем калитки.

В доме центр притяжения — телевизор.

Осилил то, как говорит коровка — «му», баранчик — «бе»; вместе с «мама», «папа», «баба» — почти весь словарный запас. Но язык жестов очень выразителен.

Преодолею ползком большой порог из кухни в сени, самостоятельно выползает на улицу! В доме могу его обнаружить в самых труднодоступных местах. С увлечением сортирует одежду в шкафу.

С восторгом до визга купается в большом тазу, в тёмке, в нагретой на солнышке воде. В этот таз с дерева падают переспелые абрикосы, он тут же их ест и разбрасывает вокруг себя, на радость курам.

О возвращении в пыльный, душный город, в большие стены, в мир анализов, прогнозов — и думать не можется.

В мечтах — выехать в степь широкую, с её неповторимыми запахами нагретой солнцем земли, полыни, лиловыми островками бессмертников и стелющимися по ветру волнами ковыля.

Светлая музыкальная картинка нашего лета. Мы в своей «вышитой» хате, на полу, дружно, в 4 голоса (я, мама, Галя, Таня), распеваем песни. Репертуар — от народных до детских песенок. Ванька, единственный благодарный зритель и слушатель, радостно хлопает в ладоши.

Насчёт вашей путёвки, которая так и не вытанцовывается, — жаль. Прочитала о твоих сожалениях в контексте: море, пляж — и всё это мимо...

Сама собой песенка Луизы из одесского бытия всплыла в памяти:

*А как надену я чёрную шляпу,
И поеду я в город Анапу,
И там я всю жизнь пролежу
На солёном, как вобла, пляжу.*

Всё ещё будет: когда-нибудь мы оккупируем кусочек пляжа с морем, наденем шляпы и споём про то, что «лежим на пляжу мы, и млеем, и о жизни такой не жалеем, пусть снится нам город родной с его неизменной тоской».

Удачи вам с путёвкой и доброго пути.

Неля

Июль 1998 года

Новодмитровка — Новосветловка

Дорогая Неля, скоро твой день рождения. Очень много слов хотелось бы тебе сказать, скажу только два: будь счастлива. Я хочу, чтобы ты увидела и ощутила счастье — в улыбке Ваньки, в его первых шагах. В лицах родных и любимых людей. Или в томике любимых стихов, в цвете акации и зрелых вишен, аромате любимых тобой хризантем....

Я очень рада, что обстановка твоего родительского дома так подходит Ване, что он хорошо себя чувствует и делает тебе приятные сюрпризы. Лучшего подарка ко дню рождения, чем его «мама», и придумать невозможно!

Мы уезжаем с Алёной в Молдавию, а к моменту возвращения должен решиться вопрос насчёт моря. Моя отпускная «тишь да гладь» до чёртиков надоела. Чувствую, что мне действительно нужно что-то изменить. То ли обстановку, то ли себя.

Сейчас вечер, уже темно. Я сижу в спальне, в кресле. На столе твои письма в жёлтом пакетике, чашка остывшего чая, яблоко. Ленка в зале смотрит какую-то ужасную кинокомедию.

Я занимаюсь одним из своих любимейших занятий — пишу письмо тебе. Незамысловатая картинка, но в ней — полнота жизни, «здесь и сейчас». Я хочу запомнить этот момент и поделиться с тобой.

Ещё хочу поделиться картинкой счастья «пахматовски»:

*...Мало мне нужно на свете:
но это весь свет, может статься! —
тебя,*

*зелёные ветви,
и чтоб в листьях акаций
ветер шуриал, рябя,
и чтобы на сердце — покой,
и чтобы котёнок стал занавеской играть,
а мне — сидеть на крылечке день-деньской
и ничего не знать...*

Я очень хочу видеть тебя вот такой — безмятежно сидящей на крылечке, и чтоб на сердце у тебя был покой.

Спасибо за стихи. Мудрость всегда граничит с грустью.

Лена

Август 1998 года

Новосветловка

Очень много хорошего, светлого вместили в себя эти 1,5 месяца. Послезавтра увижу Николаев. Встреча с городом юности завершит летний отпуск, мои отпускные впечатления, которые начались в Белой Кринице, Новодмитровке и связаны с моими замечательными Ленками.

(из дневника)

Август 1998 года

Москва — Новодмитровка

Из окна нашей 4-й палаты, в которой мы пока одни, видна часть Можайского шоссе. А под окнами шумят берёзы, только что закончился дождь. Ванюшка спит, утрясать его пришлось недолго, умаялся с дороги, устал.

Наши доктора успехами остались довольны, есть прогресс, и меня радуют их оценки и прогнозы. В компьютерной томографии нет необходимости, если только Лопатин не станет настаивать.

В помещении обходимся без коляски. Ваня самостоятельно стоит у опоры, но садиться не умеет — шлёпается на пол, рискуя разбить голову.

Со времени операции прошло полгода, а здесь всё по-прежнему: больные дети, многострадальные и самоотверженные мамы. И через сострадание в больнице я ближе к Богу, чем где бы то ни было. И к крайностям ближе — к раздражению, например. Процесс укладывания спать отнимает последние силы. Выглядит это так: после отбоя, включив на посту тихонечко магнитофон, я в больничном коридоре с Ваней на руках танцую до победы. Максим Леонидов и не подозревает, какую роль играет его музыка в нашей жизни, как лихо мы под неё отплясываем.

Если всё будет нормально, выпишут нас в сентябре.

Дорогие мои Ленки, с новым учебным годом! Завидую вам, собирающим новые тетрадки, учебники, завязывающим белые банты. Входящим с букетами астр в школу, с её первосентябрьскими запахами — ремонта, краски, мела и ещё чего-то неуловимо-школьного. Собирайтесь в свою школу с вдохновением, пусть его хватит на весь учебный год.

Неля

Продолжение в следующем номере

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ АДРЕСОВАН ВСЕМ, КТО ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ ИЛИ ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ БЕРЁТ НА СЕБЯ ЗАБОТУ О РЕБЁНКЕ, ПОПАВШЕМ В БЕДУ

В журнале освещаются вопросы практической защиты тех прав детей, которые очерчены рамками Конвенции ООН о правах ребёнка, ратифицированной Россией:

- право на семью (развитие форм семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, — опеки, усыновления, приёмной семьи, патронатной семьи и др.);
- право на выживание и здоровое развитие, на отдых и досуг, на участие в культурной жизни;
- право на родной язык и религию;
- право на образование;
- право на жилище;
- право на защиту от жестокого обращения и помощь пострадавшим от всех видов физического или психического насилия;
- право на защиту от сексуальной эксплуатации и совращения;
- права воспитанников сиротских учреждений;
- права выпускников сиротских учреждений;
- право детей-инвалидов на заботу и защиту со стороны общества;
- права детей, совершивших преступления;
- права детей беженцев и мигрантов;
- правовое воспитание детей, включая воспитание толерантности.

Мы не декларируем эти права, а ищем пути их практического обеспечения. Прослеживая выполнение или невыполнение этих прав, мы постоянно осуществляем мониторинг российского детства и через журнал знакомим с результатами читателей.

Подписной индекс **37298** по каталогу Роспечати.
Можно подписаться на один кварталный номер
до 10-го числа последнего месяца каждого квартала.

На наших страницах выступают юристы, правозащитники, психологи, педагоги, социальные работники, врачи, сотрудники прокуратуры, милиции, органов ЗАГС, судьи и адвокаты, журналисты, писатели, политики и, конечно, родители и сами дети. Наша задача — объединить их усилия, вооружить читателей правовыми знаниями, сделать журнал центром информации и обмена опытом. Ведь не только бюджетные деньги сейчас нужны детям. Мы стараемся максимально помочь нашим читателям в их борьбе за детские права, постоянно разъясняя, как лучше воспользоваться уже существующими законами, и обсуждая вместе с ними готовящиеся к принятию. Журнал получает информацию из первых рук от региональных уполномоченных по правам ребёнка и постоянно отражает на своих страницах их деятельность. Журнал сегодня — это центр действенной помощи детям-сиротам, детям-инвалидам, бездомным детям, детям-беженцам и мигрантам, наркоманам и алкоголикам, детям, пострадавшим от насилия, малолетним правонарушителям, находящимся в спецшколах и колониях. На страницах журнала публикуется опыт и других стран и международных организаций по защите прав детей, применимый к условиям России, в частности материалы ЮНИСЕФ и Совета Европы.

Наши подписчики — государственные органы, занимающиеся проблемами детей в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения и культуры, сотрудники пенитенциарных учреждений, органов внутренних дел, общественные организации, работающие на благо детей, органы опеки, библиотеки, школы, детские сады, сиротские учреждения и, конечно, родители и дети-подростки. Наш журнал — для неравнодушных, бескорыстных и энергичных, понимающих, как опасна сложившаяся ситуация с детством для будущего России и для каждого из нас.

БЫЛА БЫ!
Я БОЛЬШОЙ.

Я
УМЕНЬ-
ШАЮСЬ

Я
ТЕБЯ
СЪЕМ!

УРА!

УРА!!!

УРА!!!

Климова Аня, 10 лет (галерея «Изопарк») Хорошо быть такой, какой тебя создал Бог!